

**Crème de la Crème**





Уильям Берроуз

# СЧЕТНАЯ МАШИНА

*Избранные эссе*

Митин Журнал

ББК 84.7 США

William S. Burroughs  
**THE ADDING MACHINE**

*Перевод с английского  
под редакцией М. Немцова и Д. Волчека*

Редактор: Елена Антонова  
Оригинал-макет и верстка: Сергей Фёдоров  
Обложка: Сергей Жилкин  
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© The Estate of William S. Burroughs, 1985

© Митин Журнал, 2008

ISBN 978-5-98144-116-5

## СОДЕРЖАНИЕ

Фамилия – Берроуз, пер. <i>О. Серебряной</i>	7
Мое личное дело, пер. <i>О. Серебряной</i>	32
Les voleurs, пер. <i>И. Карича</i>	39
Маша и масс-медиа, пер. <i>О. Серебряной</i>	44
Слово умнику, пер. <i>М. Гунина</i>	53
Техника письма, пер. <i>О. Серебряной</i>	59
Читательское мастерство, пер. <i>О. Серебряной</i>	68
Десять лет и миллиард долларов, пер. <i>О. Серебряной</i>	85
Оно принадлежит огурцам, пер. <i>И. Карича</i>	93
Падение искусства, пер. <i>А. Керви</i>	105
Хемингуэй, пер. <i>О. Серебряной</i>	112
Великий Гэтсби, пер. <i>О. Серебряной</i>	119
Семейство Джонсонов, пер. <i>И. Карича</i>	124
Отпидарась королеву, пер. <i>О. Серебряной</i>	129
Гражданская оборона, пер. <i>О. Серебряной</i>	134
Сексуальная обработка, пер. <i>Я. Могутина</i>	144
О Фрейде и бессознательном, пер. <i>Д. Волчека</i>	149
О совпадениях, пер. <i>Д. Волчека</i>	162
Париж, останься как есть, пер. <i>О. Серебряной</i>	172
Лекарство богов, пер. <i>О. Серебряной</i>	177
Последний джанки, пер. <i>О. Серебряной</i>	184

Границы контроля, пер. И. Карича	191
Столетний план, пер. О. Серебряной	198
Женщины: биологическая ошибка? пер. Я. Могутина	203
Бессмертие, пер. М. Немцова	207
Путешествовать нужно, пер. О. Серебряной	223
Четыре всадника Апокалипсиса, пер. О. Серебряной	225
Великий преизбыток, пер. О. Серебряной	236
ПОП и героиды, пер. О. Серебряной	239
Война умов, пер. О. Серебряной	243
В интересах национальной безопасности, пер. О. Серебряной	248
Заметки с занятий, пер. О. Серебряной	254
Кто что где и когда, пер. О. Серебряной	257
Эпитафия, пер. О. Серебряной	260
Мои эксперименты с оргонной камерой Вильгельма Райха, пер. Д. Волчека	265
Как бросаешь курить, пер. Д. Волчека	269
Проклятье Моэма, пер. О. Серебряной	274
Вспоминая Джека Керуака, пер. М. Гунина	282
Беккет и Пруст, пер. О. Серебряной	291
Грэм Грин, пер. О. Серебряной	298
Персонажи в нарезке, пер. О. Серебряной	301
Критика критиков, пер. Д. Волчека	305
Легкое чтение, пер. О. Серебряной	311

## ФАМИЛИЯ – БЕРРОУЗ

Билл Берроуз. Я писатель. Давайте расскажу немного о своей работе, каким бывает задание. 7

Окидываешь Интерзону тем серым безлично злонамеренным взглядом, что присущ всем писателям.

– Спятил что ли разгуливать тут один? Я хороший гид. Чего хочет мииистер?

– Ну, мне бы хотелось написать бестселлер, и чтобы это была хорошая книга – книга о реальных людях и местах...

Гид прервал меня:

– Хватит, мистер. Не хочу я читать вашу паршивую книжонку. Это для Белого Читателя. – Лицо моего гида было серым экраном, на нем то и дело мелькали вороватые гримасы. – С вами будет непросто, честно. Если пустим это дело по каналам, там захотят большой кусок авансом. А я знаю одного, лучший спец по рабочим сценариям, работает только с теми мальчиками, которые ему нравятся. От вас тоже оттяпать захочет, но не отказывается и от самотека.

Спрашивают, с чего я взялся за такую книгу, как «Голый завтрак»<sup>1</sup>. К созданию книги приходишь постепенно, и тут все было неплохо: вообще никаких

1 Здесь и далее используются привычные российскому читателю варианты перевода названий произведений У. Берроуза.

проблем с действующими лицами, а найти персонажей – уже полдела. Какие-то сексуальные эпизоды поотпаднее я сочинял просто для собственного развлечения. Складывал их в старый сундук на чердаке, чтобы через сто лет их раскопал какой-нибудь мальчишка...

– Да чё ты, ма, это ж зверские вещи – я-то думал, он писал слезливое фуфло для книжных клубов.

8 Да, я писал свой бестселлер... Завершил его росчерком, улицы расплываются, далекое небо, вручил издателю и встал перед ним в ожидании.

Он не смотрел мне в глаза...

– Я с тобой свяжусь – точнее, зайду. Люблю посмотреть на писательское логово.

Он закашлялся, будто мое присутствие его удушало. Несколько вечеров спустя он явился ко мне на чердак – витражные стекла под шиферной крышей. Ни длинного черного пальто, ни котелка снимать не стал. Мою рукопись бросил на стол.

– Ты что, самый умный? У нас на такое нет лицензии. Одна лицензия дороже всего, что на ней можно зарабатывать. – Глаза его так и метались по комнате. – Что у тебя там? – спросил он, показывая на матросский сундук.

– Матросский сундук.

– Это я вижу. А внутри что?

– Да ничего особенного, старая писанина, не для публикации – так себе, на самом деле.

– Покажи что-нибудь.

Конечно, было бы не вполне честно говорить, что я вообще не собирался этого публиковать. Оно там лежало на всякий случай – вдруг среднего читателя моим бестселлером шарахнет, как пыльным мешком. Такое бывает, мы все это видели: хорошая книга, все при ней, актуальнее некуда, действие происходит в современном Вьетнаме, богатство характеров... Как она может провалиться? Но проваливается. Ее просто

не покупают. Говорят, книгу можно так проклясть, что читателя затошнит от простого прикосновенья к ней, или же книга просто исчезает в вялом водовороте равнодушия. Так что следовало подстраховаться на случай чьего-нибудь проклятья; в конце концов, я же профессионал. Мне нравится далекая прохлада воскресных садов в аспидно-голубой дымке, а для таких декораций нужны доллары янки.

В детстве я хотел быть писателем, потому что писатели богатые и знаменитые. Болтаются где-нибудь в Сингапуре или Рангуне, курят опий, вырядившись в желтые эпонжевые костюмы. Нюхают кокаин в Мейфэре<sup>1</sup>, лезут в запретные болота с верным юным туземцем, живут в туземных кварталах Танжера и курят гашиш, томно поглаживая ручную газель.

Мои литературные творения можно разделить по декорациям: где, когда и при каких обстоятельствах создавались. Первая группа – улочка, застроенная трехэтажными домами красного кирпича, шиферные крыши, перед каждым домом газончик, на задах просторные дворы. У нас на заднем дворе мой отец с садовником Отто Белью устроили садик с розами, пионами, ирисами и рыбным прудом. По адресу Першинг-авеню, 4664 – дом стоит там по сей день.

Мое первое литературное предприятие называлось «Автобиография волка», я написал ее, прочтя «Биографию гризли»<sup>2</sup>. Там в конце покинутый самкой старый и больной медведь отправляется в долину, где, как он знает, скапливаются ядовитые испарения.

1 Мейфэр – фешенебельный район лондонского Уэст-Энда. – *Здесь и далее прим. переводчиков, кроме оговоренных особо.*

2 «Биография гризли» (1900) – книга англо-канадского писателя и художника-анималиста Эрнеста Сетона-Томпсона (1860–1946).

Я до сих пор ясно вижу картинку из этой книги: долина сепией, скелеты животных, ковыляет дряхлый медведь, эту долину отыскивают все старые надтреснутые голоса из семейного альбома и приходят в нее, в конце концов, умирать. «Меня звали Серый Призрак... Почти всю жизнь сбрасывал с хвоста пастиухов». Через семь страниц Серый Призрак принял смерть от лап медведя-гризли – вне всякого сомнения, тот мстил за плагиат.

10

Еще было нечто под названием «Карл Крэнбери в Египте», но так и не сдвинулось с мертвой точки... Карл Крэнбери так и остался где-то на желтой линованной бумаге, рука застыла в дюйме от синеватой стали автомата. В тех же декорациях я писал вестерны, рассказы о гангстерах и домах с привидениями. В общем, у меня не было сомнений, что я хочу стать писателем.

Когда мне исполнилось двенадцать, мы переехали на Прайс-роуд: там у нас был участок в пять акров, и я ходил в школу Джона Берроуза<sup>1</sup> прямо на нашей улице. В тот период, в основном, сочинялись детективы и гангстерские истории. Я восхищался гангстерами, и, как большинству мальчишек в то время, мне тоже хотелось таким стать, потому что с надежными пистолетами под рукой чувствуешь себя как-то увереннее. В общем, мне так и не встретилась всепонимающая старушка-учительница английского, которая бы вылепила мое писательское будущее. В то время я писал в духе Эдгара Аллана По – старики в богом забытых местах, все очень цветисто и, само собой, сентиментально, по всем правилам школьной прозы. До сих пор помню вкус этих писаний: похоже на куриные тефтели и зеленый горошек из школьной столовой.

1 Джон Берроуз (1837–1921) – американский натуралист и писатель. Частная средняя школа в Сент-Луисе, штат Миссури, названная его именем, основана в 1923 г.

Кровавые вестерны я тоже сочинял: разбрасывал по сараям загадочные скелеты – пищу для собственных размышлений...

«Том действовал быстро, но Джо его опередил. Сначала пристрелил свою неверную жену, потом застрелился сам и мертвый лежал в луже крови, а тучи мух вились над его телом. Стервятники прилетели позже... особенно глаза у них были похожи – та же непроницаемая голубизна смерти». Я много писал о повешеньях: «Даже такой закоренелый старый грешник не мог сдержать дрожи при виде трех тел, что раскачивались на веревках, – точь-в-точь гравиюра в красных лучах красивого заката». На уроках эти рассказы читали вслух. Помню один – его написал мальчик, который потом сошел с ума, *dementia praecox*<sup>1</sup>, так это называется: «Капитан попытался выплыть, но было слишком глубоко, и он уходил под воду с криками: „На помощь, на помощь, тону!“»

II

И еще одна история, ну очень таинственная... старик в своей испанской библиотеке 1920-х годов, кругом портъеры, обнаруживает забытый фолиант, в котором золотыми буквами – одно только слово «ATHENA»... «Этот вопрос не даст ему покоя до тех пор, пока дом его не рухнет, а книги не рассыплются в прах».

В четырнадцать лет я прочел книгу «Вам не победить»<sup>2</sup>, в которой рассказывалось о жизни взломщика. Так я познакомился с Семейством Джонсонов. Мир

1 Раннее слабоумие (*лат.*).

2 Автобиография американского бродяги и взломщика Джека Блэка (подлинное имя неизвестно), ставшая бестселлером в 1926 г. Возрождение интереса к ней почти исключительно связано с именем Берроуза, который неоднократно называл ее своей любимой книгой и обращался к ее стилю и некоторым сюжетам в своих романах. Мэри-Солонина и Малыш Святоша – персонажи Блэка.

окраинных трущоб, обычно – где-нибудь у реки, бродяги, сезонники и медвежатники-гастролеры, добравшись на раме товарняка, собирались здесь, готовили еду, тянули из банок горючую смесь и коксили... черный дым над крышей, на заднем дворе прачечной Китаезы в Монтане. Малыш Святоша:

– Игра-то кривая, парень, но мыслить надо прямо. Будь какой угодно определенный, только по прикиду не определяйся. Либо одеваешься как порядочные люди, либо дорожки наши расходятся, парень.

12

Его повесили в Австралии за убийство констебля.

И Мэри-Солонина: раз нет – так нет, и ни разу не да. Она принимала посетителей и вела дела на кухне. На плите всегда держала синий кофейник и железный котелок с добрым куском солонины. Сначала поешь, потом – дела, все цапки на кухонный стол, а глаза у нее старые, не обманешь, не прочтешь. Она называла цену, тяжелую и холодную – как полицейская дубинка зимней ночью. Никакой другой уже не назовет. Деньги хранила в сахарнице, но об этом никто даже не думал. Такая мысль не ускользнула бы от ее холодных серых глаз – а там, глядишь, на следующий день что-нибудь случится, Джонни-Законник случайно зайдет или Порядочный Джонни возьмет и засадит дробью оо тебе в мягкие и нежные. С Мэри шутковать – дудки. Для Семейства Джонсонов она была святой, всегда наготове тарелка солонины.

Один раз Колченог Гейтс, старый сезонный медвежатник, грохнул в трущобах бродягу за то, что он обозвал Мэри-Солонину старой жирной коровой. Бандюга посмотрел на него поверх костра, глаза холодные, как вороненая сталь...

– Нормально побродил, а сейчас пойдешь на корм собакам. – И трижды выстрелил.

Бродяга рухнул вперед, загребая руками горячие угли, волосы его вспыхнули. Гейтса берут, подводят к телу:

– Вот бедолага, которого ты убил, и тебя за это вздернут.

Старый бандит посмотрел на них холодно, вытянул вперед руку – она вся скрюченная от многих лет взломов, два пальца оторвало нитроглицерином:

– Если я его и убил, вот палец, который спустил курок, а вот сухожилие, которое двигало пальцем.

Старый громила переиграл их по их же правилам.

Это вдохновило меня на несколько криминальных рассказов... «„За преступность!“ – крикнул он и поднял бокал шампанского, но тут же съезжился, как лопнувший шарик: тяжелая рука сержанта уголовной полиции Мэрфи опустилась ему на плечо... Джо Магуайр с неприязнью рассматривал раскрасневшуюся рожу сбытчика. „Чумовой, – решил он. – Лучше уволить его, а то обдолбается и пристрелит хорошего клиента“».

Еще я написал рассказик с хитрой концовкой – про гангстера, который идет к гадалке... «Это преступник, – трезво рассудила она, – возможно, гангстер... у него должны быть враги... Я вижу опасность». У него дернулось лицо – пора шпилить. «Я вижу, как кто-то приближается... у него револьвер... он его поднимает... он...» Клиент вскакивает с нечленораздельным воплем и выхватывает пушку, плюясь смертью в гадалку... кровь на хрустальном шаре, а на столе – отсеченная человеческая рука.

Прочтя «Сон Юджина Арама»<sup>1</sup> – я выучил его наизусть и читал перед классом замогильным голосом, – я написал серию рассказов об убийцах, где все они

1 Баллада английского поэта Томаса Худа (1799–1845) «Сон Юджина Арама, убийцы» (1831) написана по мотивам скандальной истории филолога и учителя Юджина Арама (1704–1759). В 1745 г. он работал директором школы, когда внезапно исчез его близкий друг Дэниэл Кларк, сотрудник той же школы. Вместе с Кларком пропали ценные вещи, часть из которых нашли при расследовании в саду Арама. За недостатком улик дело прекратили, и следующие 13 лет

умирали от воспаления мозга и в бреду выкрикивали слова раскаяния; еще там был один персонаж в пустыне, который убил всех своих спутников – он так и сидел там, глядя на тела и размышляя, зачем он это сделал. Когда появились стервятники и растащили все трупы, он почувствовал большое облегчение и даже назвал их «золотыми стервятниками»: собственно, так тот рассказ и назывался – «Золотые стервятники», им завершается этот весьма тошнотворный период.

В пятнадцать лет ради оздоровления меня отправили учиться в школу «Ранчо Лос-Аламос». Позже именно там сделали первую атомную бомбу<sup>1</sup>. Все получилось как-то очень правильно, точно в школьном гимне:

*Далеко и высоко на вершинах гор –  
Жизнь, которой все хотим мы, радость и задор  
Лос Алл-амос*

Далеко и высоко на вершинах гор меня заставили вступить в бойскауты, съесть все, что было на тарелке, делать зарядку перед завтраком, спать на открытой веранде при нулевой температуре, проводить всю вторую половину дня на свежем воздухе, ездить на упрямой и злобной норовистой лошади два раза в неделю, а в субботу весь день. Бойскаутами вынуждены были стать все и отрабатывать каждую неделю по три часа ОПТ – «общественно-полезного

Арам ездил по Англии, зарабатывая на жизнь преподаванием. В 1758 г. в том же саду случайно откопали скелет, расследование возобновили, и Арам признал, что убил друга и коллегу, заподозрив его в любовной связи с собственной женой.

1 Частная школа с пансионом, основана в 1920 г. В ноябре 1942 г. участок был выкуплен «Манхэттенским проектом» армии США и с февраля 1943 г. использовался как секретная база для разработки ядерного оружия.

труда», – который всегда почему-то оказывался мерзок и совершенно бесполезен к тому же, но А. Дж. говорил, что это вклад каждого в поддержку и процветание нашего сообщества. Что бы ни происходило, все время после обеда полагалось проводить на улице – даже засекали, сколько времени каждый сидел в сортире. Я постоянно мерз и страшно ненавидел свою лошадь, мрачную чалую тварь с рыжеватым отливом. Да еще этот вечный ОПТ. Понятное дело, были еще звеньевые – по большей части ошалевшие от власти, они всячески портили жизнь членам своего звена.

Этот А. Дж. придумал там целый город. Школа была полностью самодостаточной, всю жратву мы выращивали сами, и т. д. и т. п.. Там был магазин, почта, а один учитель был даже мировым судьей. Помню, он однажды разобрал дело с оленем, которого застрелили до наступления охотничьего сезона – он выжал из волокиты все, что мог, разбирательство тянулось много дней. До того, как основать школу, А. Дж. был лесничим. Он уволился, когда его вдохновила какая-то женщина:

– Молодой человек, вас ждет великое созидательное дело, и если вы не приметесь за него прямо сейчас, вам придется начинать его позже и при гораздо более неблагоприятных обстоятельствах.

Так что пришлось ему тереть волшебную лампу пожертвований... Он говорил: «Я знаю, что мальчишкам лучше всего», – и техасские нефтепромышленники тут же раскошеливались.

Я же любил сесть у себя в комнате у самой батареи и слушать пластинки или читать серию «Синие книжечки», которую выпускал Холдемман-Джулиус, вольнодумец и благодушный агностик<sup>1</sup>... Реми де

1 Эмануэль Холдемман-Джулиус (1889–1951) – американский издатель, просветитель и социалист, сын эмигранта из России. Его дешевая серия доступной для рабочих классики «Синие книжечки» издавалась в 1919–1978 гг.

Гурмон<sup>1</sup>... Бодлер... Ги де Мопассан... Анатоль Франс... Тогда я и стал писать аллегории с неопределенно-восточным декором, в которых щеголеватые похитители драгоценностей за вином заводили философские разговоры, которых я предпочел бы не вспоминать.

– Отрешенно следить за чьими-то действиями и получать от этого как можно больше удовольствия – вот что представляется мне...

16 – Весьма интересно, – звучит невозмутимый голос агента сыскальной полиции, неожиданно появившегося из-за кадки с фикусом. – Все арестованы.

Репутация среди товарищей по школе у меня была неважная. «Жжет благовония у себя в комнате... читает французские книги...» Потом, уже будучи студентом Гарварда, в летних путешествиях по Европе я начал писать сатирические романы о людях, которых встречал; один из романов начинался так: «„Но видите, я не много знаю о любви“, – застенчиво произнесла она, покручивая бокал „старомодного“<sup>2</sup>».

Потом у меня был английский период – джентльменские приключения и все такое...

– Бог мой, бедный старикан! – Он разразился рыданиями.

Второй холодно посмотрел на него и воздел бровь:

– Да ладно, Реджи, ты что думал – он сам отдаст нам изумруды?

– Я представлял себе все что угодно, но только не эту *пиранью!*

– Это был самый простой и удобный способ.

– Нет, Хамфрис, мне этого не вынести. Отдай мне мою долю, и я выхожу из игры.

– Да пожалуйста. – Он вынул из кармана желтого шелкового пиджака семь великолепных изумрудов

1 Реми де Гурмон (1858–1915) – французский писатель и критик.

2 «Старомодный» – коктейль из виски и горького пива с добавлением сахара и лимонной корочки.

и положил их на стол. Не говоря ни слова, четыре из них с улыбкой подвинул к Реджи.

Тот был тронут:

– Слушай, да ну их – это была твоя идея, Хамфрис, ты один сделал почти все.

– Да, Реджи, ты облажался.

– Тогда зачем?

– Я думаю о Джейн.

Реджи поспешил к выходу, только бросил через плечо:

– Большое тебе спасибо.

Хамфрис склонился над столом, вопросительно глядя на оставшиеся три изумруда.

– Наверняка ведь будете скучать по своим корешам, а?.. Али!

– Да, хозяин.

– Отсюда только что вышел белый мужчина. У него четыре зеленых камня. Они мне нужны – понятно, Али?

– Да, хозяин, понятно.

Али уходит, сжимая в руке малайский кинжал.

А потом я прочитал Оскара Уайльда. Дориан Грей и лорд Генри породили лорда Чешира – едва ли не самого неприятного литературного персонажа, тошнотворно сентиментального лорда Генри... Расположившись в клубе, семеро английских джентльменов обсуждают план экспедиции на полюс:

– Однако к какому полюсу, Брэдфорд?

– Да ну его! Какая разница?

– Реджи, да ты радуешься как ребенок!

– Да, и этим горжусь – давайте забудем, что мы когда были солидными взрослыми людьми!

– У тебя это, судя по всему, уже получилось, – ехидно заметил лорд Чешир.

Однако запасы еды полностью истощились, и оказалось, что у циничного лорда Чешира доброты больше, чем у всех остальных вместе взятых...

– Бедный Реджи, совсем сгнил от цинги, на него страшно смотреть, Стэнфорд сходит с ума, и о Катберте поговаривают... Морган целыми днями не просыхает, Джеймс прикладывается к трубочке...

Так что я оставляю его на плавучей льдине: сам страдая от цинги, он отдает Реджи последнюю порцию лаймового сока, мужественно скрывая это от всех.

– Ты выпил свою порцию? – тихо спросил мальчик.

– Да, – сказал лорд Чешир, – уже выпил.

Еще я написал рассказ для «Подлинных исповедей»<sup>1</sup> – историю о приличном молодом человеке, который подсаживается на наркотики. Горюя после гибели любимой собаки, он сидит в парке на скамье, смотрит на озеро; запах горящих листьев...

– Привет, старина, не против, если я присяду? – Худой человек, землистое лицо, глаза пронзительные, в них тень отсидки, какая-то мертвенность. – Позволю себе заметить, что у тебя такой вид, как будто ты сильно хандрить.

В порыве откровенности молодой человек рассказал ему про своего пса:

– ...забежал назад в горящий дом. Понимаете, думал, что я там...

Так все и началось. Затем он попал в руки зловещего гипнотизера, и тот накачал его инъекциями марихуаны.

«Убей, убей, убей», – эти слова постоянно крутились у него в голове, и он подошел к молодому полицейскому и сказал:

– Если вы меня не посадите, я вас сейчас убью.

Полицейский врезал ему дубинкой, не говоря ни слова. Но уже в участке мальчик чем-то понравился старому мудрому сыскарю, и тот ставит его на путь

1 «Подлинные исповеди» (True Confessions) – журнал американской издательской компании «Фосетт Пабליкейшнз», издается с 1922 г.

истинный и помогает слезть с кокса. Борьба была трудной, но он справился. Теперь работает продавцом в скобяной лавке в Оттаве, штат Иллинойс... крыльцо скрипит, он приходит домой с работы...

– И если кто-нибудь добренький еще раз предложит мне пилюли от всех печалей, я просто вызову полицию.

Рассказ о четверке веселых убийц был придуман в отеле «Ла-Фонда» в одну из редких поездок в Санта-Фе, меня тогда мучила совесть от того, что я как-то дважды за день сдрочил. Пара средних лет, очень нахальные и разговорчивые; он говорит:

– Ну еще б, я бы собственную бабушку грохнул даже за чуток хрустов...

– Тарифы у нас, конечно, разумные, – саркастически заметила она.

Во мне проснулись романтические чувства к одному мальчику в Лос-Аламосе, и я описывал их в дневнике, который на много лет отвратил меня от сочинительства. Даже сейчас краснею, вспоминая его содержание. На второй год обучения, во время пасхальных каникул я убедил родственников, что мне лучше остаться в Сент-Луисе, поэтому в школе собрали мои вещи и отправили посылкой, а я трясся от ужаса, представляя, как мальчишки сидят там и читают этот дневник вслух.

Когда посылку наконец доставили, я тут же вскрыл ее, стал выкидывать все подряд, добрался до дневника и тут же уничтожил его, даже не взглянув на страницы, приводившие меня в смятение. Время от времени со мной и теперь такое случается. Я пишу то, что мне кажется удачным, а некоторое время спустя перечитываю и – боже мой – тут же рву на мельчайшие кусочки и выкидываю в чужой мусорный бак. Интересно, сколько писателей проделывают то же самое? Антология подобных сочинений стала бы любопытной книгой.

На самом деле меня все это по-настоящему достало – как сказал бы Пол Лунд, английский гангстер, с которым я познакомился в Танжере...

– По молодости вор думает, что у него есть право воровать, а потом чувствует, что все это по-настоящему достало – лет эдак на пять.

20 У меня продолжалось дольше. Писать стало неловко, отвратительно и, самое главное, – *фальшиво*. Меня смущал не секс в дневнике – меня раздражала страшная фальшь в описании чувств. Похоже, лорд Чешир и Реджи стали для меня последней каплей – даже годы спустя от одного вида исписанной моим почерком страницы разило падалью, словно палкой переворачиваешь дохлую собаку, – и так продолжалось до 1938 года. Я написал себе восьмилетний срок.

Кембридж, Массачусетс, 1938 год... Я писал диплом по антропологии в Гарварде, и в это же время Келлз Элвинс, мой друг по школе Джона Берроуза, писал диплом по психологии. Мы снимали небольшой каркасный дом на тихой зеленой улочке за отелем «Коммодор». Много говорили о писательстве и даже начали сочинять детектив в духе Дэшила Хэмметта/Рэймонда Чандлера. Мы оба вдруг поймали эту картинку – капитан корабля напяливает женскую одежду и бежит к ближайшей спасательной лодке. Мы прочитали о «Титанике» все, что смогли найти в библиотеке Уайднера<sup>1</sup>, прочитали книгу «Пассажир-левша» о крушении «Замка Морро»<sup>2</sup>.

1 Библиотека Гарвардского университета, открыта в 1915 г. и названа в честь Гарри Элкинса Уайднера (1885–1912) – американского предпринимателя и собирателя книг, погибшего на «Титанике».

2 Книга (1935) американского писателя-мариниста Феликса Ризенберга (1879–1939) о кораблекрушении пассажирского лайнера «Замок Морро», загоревшегося 8 сентября 1934 г. на переходе из Гаваны в Нью-Йорк. Погибло 137 пассажиров.

На веранде, окна которой были затянуты москитной сеткой, мы начали работать над рассказом «В тених предвечерних», который позднее был почти дословно использован в «Нова Экспрессе». Много лет спустя я пытался связаться с Келлзом, чтобы узнать, не осталось ли у него первоначальной рукописи, и заодно сообщить, что я использую этот рассказ с указанием совместного авторства, однако его мать написала мне, что он умер еще в 1961 году.<sup>1</sup>

21

Как я теперь понимаю, проклятье дневника было на время снято именно благодаря этому сотрудничеству. Мы разыгрывали каждую сцену и часто катались по полу от хохота. Так я смеялся только в восемнадцать, когда впервые попробовал зелень – катался по полу и писался от смеха. Помню отказ, который мы получили от «Эсквайра»: «Слишком много наворотов, а у нас они не работают».

Мне нравилось держать в руках рукопись и перечитывать ее, хмыкая медленно и бесстыже. Казалось, слова шли не от нас, а через нас. Я часто вижу один и тот же писательский сон: я беру книгу и начинаю читать. Мне никогда не удавалось вспомнить больше двух-трех фраз, но в любом случае я знаю, что эта книга как-нибудь сама снизойдет и зависнет над пишущей машинкой, пока я буду переписывать уже напечатанные в ней слова.

После этого я снова утратил всякий интерес и с 1938 по 1943 год практически ничего не написал. В 1943-м я познакомился с Керуаком и Гинзбергом. Вместе с Керуаком мы сочиняли роман, в основу которого легли события, связанные с делом Карра-Каммерера<sup>2</sup>,

1 Джек Керуак вывел Келлза Элвинза под именем Дэйла в «новоорлеанских сценах» романа «На дороге» (1957).

2 Молодой журналист Люсьен Карп (1925–2005), познакомивший в начале 1940-х гг. Джека Керуака и Аллена Гинзберга, в августе 1944 г. в Риверсайд-парке в пьяной

однако мы решили, что его не стоит публиковать, и я снова потерял интерес к писательству.

Между 1943 и 1949 годами, кажется, была только одна попытка что-то написать. Я тогда жил в Алжире, Луизиана, через реку от Нового Орлеана. В это время я сидел на героине и каждый день ездил в город за-тариваться. Однажды я встал на отходняке и поехал за реку, а, вернувшись, попытался воспроизвести на бумаге болезненную чувствительность героиновой ломки, нефтяное пятно на реке, в спешке припаркованную машину.

22

Декорации следующего периода: Мехико, 1948–1950 годы. Здесь я начал писать «Джанки». У меня опять были проблемы с соседями-мексиканцами – мелкими буржуа. Они подозревали, что я наркоман, а дети орала «Vicioso!»<sup>1</sup>, встречая меня на улице. Мы жили в двухэтажном доме сразу за «Сирэз-Роубаком», рядом с Инсурхентес. По «солдатскому биллю о правах»<sup>2</sup>

драке (и якобы при попытке изнасилования) зарезал бойскаутским ножом Дэвида Каммерера – своего бывшего преподавателя физкультуры, приехавшего из Сент-Луиса вслед за Карром, которым был сексуально одержим (именно Каммерер, по многим свидетельствам, познакомил Гинзберга с Берроузом). Карр утопил тело в Гудзоне, однако после этого сдался полиции, был осужден и приговорен к 20-летнему тюремному заключению, но уже через два года освобожден условно. Керуак отбыл небольшой срок за соучастие в сокрытии преступления. Совместный детективный роман Берроуза и Керуака «И бегемотов варили прямо в бассейнах» был закончен в 1945 г., но издан лишь в 2008 г.

1 Мерзавец (*исп.*).

2 Согласно принятому в 1944 г. акту о помощи ветеранам войны в получении гражданской профессии (G. I. Bill of Rights), все отслужившие в армии имели право на государственное финансирование своего образования. Поскольку Берроуз имел краткий армейский опыт (в 1941 г. он был

я поступил в Городской колледж Мехико, где изучал историю майя и ацтеков и майянский язык. Студенты тусовались обычно в баре «Баунти», где я однажды застрелил мышь из пистолета 22 калибра. В Мексике я всегда носил с собой оружие.

Все это происходило при президенте Алемане, и *mordida* значила тогда все.<sup>1</sup> Необозримая пирамида взяток начиналась от патрульного полицейского и вела наверх к самому президенту... «У вас очень плохие бумаги, мииистер». И на каждого настоящего легавого приходилось по три брата-профессионала с огромными бляхами в карманах и 45-кой во внутренней кобуре – такое я видел только в Мексике. Кобура пристегивалась к поясу с внутренней стороны. Пистолет оказывался под брюками, и под застегнутым мундиром его было практически незаметно. По ночам меня часто будили приятели по колледжу: обычно знакомый студент стоял в дверях с парой или даже целой группой полицейских, которые поймали его с травой или оружием. Так он собирал деньги, чтобы от них откупиться.

В этих же декорациях был написан неопубликованный роман «Гомосек»<sup>2</sup>. Я помню, как редактор «Эйс Букс», который напечатал «Джанки», сказал мне, что его посадят, если он когда-нибудь опубликует «Гомосека». Недавно я просматривал эту книгу. По сравнению с «Гомосеком», даже «Юные и порочные» Чарльза Генри Форда и Паркера Тайлера<sup>3</sup> могут зачислен в армию, но вскоре уволен оттуда по настоянию психолога), ему тоже полагалась эта льгота.

1 Мигель Алеман Вальдес (1900–1983) – президент Мексики в 1946–1952 гг., чье правление отмечено размахом коррупции и кумовством. *Mordida* (исп.) – взятка.

2 Роман был опубликован впервые в 1985 г.

3 «Юные и порочные» (1933) – роман Чарльза Генри Форда (1913–2002) и Паркера Тайлера (1904–1974). Считается одним из первых гей-романов в американской литературе.

шокировать. Благодаря усилиям Аллена Гинзберга и Карла Соломона<sup>1</sup> «Джанки» был опубликован в 1953 году. В это время я был в Южной Америке, и отчет об этом путешествии стал впоследствии «Письмами яхе». Я перепечатывал их с рукописных заметок в Боготе и Лиме, сидя в разных конторах, где за почасовую плату давали пользоваться печатной машинкой.

Последние месяцы 1953 года я провел в Нью-Йорке – жил в одной квартире с Алленом Гинзбергом. Там я познакомился с Грегори Корсо<sup>2</sup>. В январе 1954-го я уехал в Танжер и поселился на калье де лос Аркос, 1 – в мужском борделе, который содержал знаменитый Тони-Голландец. В это время я сидел на джанке и очень мало писал. Правда, именно тогда я сочинил несколько кусков, которые использовал потом в «Голом завтраке». Понятное дело, опять были проблемы с соседями:

– Мииистеру нравится, когда побольше?

Тони постоянно ныл:

– За моим домом так сильно наблюдают арабики.

В 1955 году я переехал на виллу Мунирия на углу Кук-стрит и Магелланес. Дом тогда принадлежал бельгийцу, и там еще проживал Пол Лунд, бирмингемский бандит. Я много с ним общался и некоторые его рассказы включил в «Голый завтрак». Потом я переселился в Касбу – в дом Джима Уайли: там соседи не досаждали, потому что я целыми днями сидел у себя, кололся героином и однажды основательно забрызгал кровью первое издание «Однорукого» Теннесси Уильямса, принадлежавшее Полу Боулзу<sup>3</sup>.

1 Карл Соломон (1928–1993) – друг Аллена Гинзберга, одна из ключевых фигур «бит-поколения», племянник издателя «Эйс Букс» Аарона А. Уина (1898–1967).

2 Грегори Корсо (1930–2001) – американский поэт, самый молодой участник «внутреннего круга» бит-движения.

3 Пол Боулз (1910–1999) – американский писатель и композитор, с 1947 г. жил в Танжере, где его постоянно навещали

В 1956 году я поехал в Лондон и прошел курс апоморфиновой терапии у доктора Джона Дента<sup>1</sup>. Я никогда бы не написал «Голый завтрак», если бы не это лечение. По окончании курса я провел все лето с Аланом Энсенем<sup>2</sup> в Венеции. Именно тем летом я придумал Ежегодную Вечеринку у А. Дж. и написал сцену с гондолой. Часть эпизодов, относящихся к Пограничному Городу, тоже были написаны в это время. Тогда же у меня родилась идея Свободной Земли. Здесь же я опозорился, напившись в палаццо Пегги Гуггенхайм<sup>3</sup>.

В конце августа я выехал из Венеции и отправился в Триполи, где меня застали Суэцкий кризис и всеобщая забастовка. Американское консульство в Алжире не оказывало тогда никакой помощи – да оно и сейчас более чем бесполезно, – и я застрял там на обратном пути в Танжер. Все авиарейсы были забронированы на три недели вперед, и мне пришлось телеграммой просить денег из дома. Вопреки консульским рекомендациям и без необходимых разрешений я поехал на поезде. Я провел в Алжире около недели войны – обедал в молочном баре, который потом разбомбили. Потом я не раз упоминал это происшествие в своих текстах.

Я вернулся в Танжер в сентябре 1956 года и обосновался в комнатке с выходом в сад на вилле Мунирия.

друзья и знакомые, среди которых были Теннесси Уильямс (с 1949) и писатели-битники (с середины 1950-х).

1 Подробный отчет о курсе лечения у Дента Берроуз приводит в отдельном эссе «Письмо маститого любителя опасных наркотиков» («Letter from a Master Addict to Dangerous Drugs»), которое публикуют в качестве приложения к «Голому завтраку».

2 Алан Энсен (1922–2006) – американский поэт и драматург, близкий бит-поколению.

3 Пегги (Маргерит) Гуггенхайм (1898–1979) – американская собирательница искусства.

Впервые в жизни я писал целыми днями. Именно тогда были созданы куски, из которых позже вычленился «Голой завтрак», а также бóльшая часть материалов, вошедших в «Мягкую машину» и «Билет, который лопнул». Я часто ходил обедать с записной книжкой и делал заметки даже за едой. В то время каждый день я ел маджун<sup>1</sup>.

Между 1956 и 1958 годами ко мне в Танжер часто приезжали друзья. Джек Керуак был у меня в 1957-м, тогда же – Аллен Гинзберг с Питером Орловски<sup>2</sup>. Несколько раз приезжал Алан Энсен – помогал перепечатать рукопись. В 1957 году я отправился в Скандинавию: какая-то часть материала для главы о Свободной Земле в «Голом завтраке» была написана в отгороженной комнатухе в Копенгагене.

В 1958 году я переехал в Париж и поселился в гостинице на Жи-ле-Кёр, 9, по рекомендации Аллена Гинзберга, который жил там раньше с Питером Орловски. У меня был целый чемодан рукописей, но Морис Жиродиас<sup>3</sup> из «Олимпия-Пресс» отверг первую редакцию «Голого завтрака». Затем последовали отказы американских издателей, включая Лоуренса Ферлингетти<sup>4</sup>, и я опять начал терять интерес к писательству.

По настоятельным просьбам Аллена Гинзберга я отправил какие-то отрывки в «Чикаго Ревью», который редактировал Ирвинг Розенталь. Из всего этого

1 Маджун – смесь сухофруктов, меда, орехов и каннабиса.

2 Питер Орловски (р. 1933) – американский поэт, партнер Аллена Гинзберга.

3 Морис Жиродиас (1919–1990) – основатель парижского англоязычного издательства «Олимпия-пресс», выпускавшей запрещенную в США литературу, преимущественно эротическую.

4 Лоренс Ферлингетти (р. 1919) – американский поэт и художник, основатель издательства «City Lights».

получился знаменитый номер «Биг Тэйбл»<sup>1</sup>. Однажды утром ко мне в комнату 15 по Жи-ле-Кёр, 9, пришел Синклер Бейлз<sup>2</sup>, которого я знал по Танжеру. Он работал у Жиродиа, и тот – после того, как увидел «Биг Тэйбл», решил-таки напечатать «Голой завтрак». Законченная рукопись требовалась через две недели. С помощью Брайона Гайсина<sup>3</sup> и Синклера рукопись причесали, и через месяц книга вышла.

Летом 1959 года Брайон Гайсин научил меня технике нарезки, в результате чего появились «Остались минуты» и «Дезинсектор!». Гайсин показал мне, как использовать ту же технику при работе с магнитофоном, и мои последующие эксперименты с записями, которыми я занимался в Париже, Лондоне, Танжере и Нью-Йорке, начались именно тем летом.

Осенью 1959 года я переехал в Лондон и поселился в отеле «Эмпресс» на Лили-роуд, 25, – этот отель стал для меня основным местом жительства на ближайшие полтора года. К весне-лету 1961 года я опять вернулся в Танжер и занял свою прежнюю комнату с выходом в сад на вилле Мунирия. Там я начал делать фотомонтажи. Все это началось после одного дурного прихода по ДМТ – он описан в «Ночью перед тем, как подумать»... ощущение, что ты – добела раскаленный сейф. На следующий день с моря

1 «Big Table #1» – литературный журнал, основанный в 1958 г. бывшим соредктором студенческого ежеквартального журнала «The Chicago Review» Ирвингом Розенталем после его увольнения за публикацию первых отрывков «Голого завтрака». Журнал был запрещен к рассылке подписчикам, поскольку Министерство связи США признало текст Берроуза непристойным.

2 Синклер Бейлз (1930–2002) – южноафриканский поэт-битник.

3 Брайон Гайсин (1916–1986) – писатель и художник, изобретатель техники «нарезок», которую использовал в своих произведениях У. Берроуз.

вдруг напозла холодная серая дымка, берега не видно, я разложил на кровати фотографии, серый шелковый халат из Гибралтара, еще что-то – и сфотографировал композицию. Тем летом я сделал много таких монтажей в разных комбинациях и разными методами. Тем же летом приехал Иэн Соммервилл<sup>1</sup> и взял на себя техническую сторону монтажа. Еще приезжали Тим Лири, Аллен Гинзберг, Алан Энсен, Пол Боулз, Майкл Портман<sup>2</sup> и Грегори Корсо... психоделическое лето.

Осенью 1961 года я провел месяц в Нью-Йорке, где и начал «Нова Экспресс». Затем вернулся в Англию, продолжил работу с фотомонтажами и звукозаписью, а в начале 1962 года переехал в квартиру на Ланкастер-террас, 52, которую поднял у Мэрион Бойарс<sup>3</sup>: там со мной вместе жил Майкл Портман. В полуподвальной квартире, где обитали мы с Иэном Соммервиллом, я с его помощью подготовил выставку. Кроме того, я написал несколько стихотворений для выставки скульптуры Дэвида Бадда<sup>4</sup> в Париже.

Летом 1962 года мы с Иэном поехали в Танжер, где после недолгих поисков по глупости сняли у арабов дом на калье Ларачи, 4. Этим же летом к нам присоединился мой сын Билли<sup>5</sup>. «Эсквайр» немного поснимал дом и нас с Билли, а снимки потом напечатали.

1 Иэн Соммервилл (1940–1976) – английский инженер и близкий друг Уильяма Берроуза.

2 Майкл Портман – английский художник и протеже Уильяма Берроуза.

3 Мэрион Бойарс (1928–1999) – английская издательница.

4 Дэвид Бадд (1927–1991) – американский художник-абстракционист.

5 Уильям Сьюард Берроуз-мл. (1947–1981) – сын Уильяма Берроуза и его гражданской жены Джоан Воллмер (1924–1951), автор двух автобиографических книг «На спидах» (Speed, 1970) и «От винта» (Kentucky Ham, 1973).

До убийства Кеннеди соседи нам почти не досаждали, но в начале 1964 года проблемы стали невыносимыми. Я только что вернулся из Лондона, где выступал на телевидении вместе с Алексом Трокки<sup>1</sup> – у нас брал интервью Дэн Фарсонс<sup>2</sup>. Когда я прибыл в Англию, меня задержали и обыскали на таможне. Думаю, что-то шепнул какой-нибудь гадина вице-консул из Консульства США в Танжере. Когда я вернулся в Марокко, нас постоянно донимали соседи, а у меня не было денег на переезд. Я начал вести дневник и делать подборки фотографий; потом завел и альбомы для вырезок.

В начале мая я получил первую значительную сумму от «Гроув-Пресс» и переехал на рю Дела-круа, 16, в «Лотерию». Работа с альбомами вырезок продолжалась, а тем же летом ко мне приехал Энтони Бэлч<sup>3</sup> – снимать некоторые сцены для своего фильма «Нарезки». В декабре я приехал в Америку морем, и на таможне за меня взялись сразу и всерьез. Два наркоагента и три таможенника битых три часа рылись в моих книгах, бумагах и фотографиях, читали и выдавали свои комментарии.

В Нью-Йорке я жил с 1964-го до сентября 1965 года: сначала в отеле «Челси», потом – в мансарде дома 210 по Сентр-стрит. Там мы с Брайоном собрали «Третий ум»<sup>4</sup>. Из Лондона опять приезжал Энтони Бэлч снять

1 Александр Уайтло Робертсон Трокки (1925–1984) – шотландский писатель.

2 Дэниэл Негли Фарсон (1927–1997) – английский писатель и телеведущий, популярный телеинтервьюер 1950–60-х гг.

3 Энтони Бэлч (1938–1980) – английский кинорежиссер, снимал с У. Берроузом короткометражные экспериментальные фильмы («Башням открыть огонь», 1963, «Нарезки», 1966 и др.).

4 «Третий ум» (1977) – сборник произведений У. Берроуза и Б. Гайсина, иллюстрирующий технику нарезок.

еще какие-то сцены для «Нарезок», а я подолгу возился со своими вырезками. Брайон часто уговаривал меня оставить эти эксперименты и начать писать обычные повествовательные тексты.

По возвращении в Англию в сентябре 1965 года нас с Брайоном обыскали в аэропорту. Мы прошли таможенную и паспортный контроль, и тут за нами увязался какой-то чинуша... и опять агенты перерыли все мои бумаги.

30 – Зачем вы это с собой возите? – спросил один, вытаскивая из моей сумки маркеры / быстрая перемотка вперед – меня ловит черный охранник метро, когда я писал на стене ЗДЕСЬ АХ ПУЧ... «Писать на стене! Вы же взрослый человек!» Нью-Йорк, 30 апреля 1972 года.

Наше пребывание в Англии сократили до месяца. Очевидно, американский Департамент наркотиков постарался. Лорд Гудмэн, адвокат Майкла Портмана и председатель Совета по искусствам<sup>1</sup>, помог с решением этой паспортной проблемы. Я поселился в отеле «Рашмор» на Требовир-роуд, 11, в Эрлз-Корте. Здесь с Иэном Соммервиллом мы проводили некоторые эксперименты с магнитофонными записями – у него была студия звукозаписи, которую ему предоставил Пол Маккартни.

К 1967 году, когда я уже переехал на Дьюк-стрит, 8, возле Сент-Джеймса, я настолько пресытился всеми этими магнитофонами, фотоаппаратами и альбомами вырезок, что просто не мог на них смотреть. Я начал писать традиционные повествовательные тексты и эссе, которые затем вошли в «Диких мальчиков» и «Работу». Несколько раз я ездил в Танжер,

1 Совет по искусствам Великобритании (создан в 1946 г.) содействует развитию музыки, театра, литературы, живописи и скульптуры; оказывает финансовую помощь театрам, творческим объединениям; назначается и финансируется Министерством образования и науки.

чтобы переработать «Билет, который лопнул», а также в Марокко, в Марракеш, где я и начал первый вариант «Диких мальчиков». В 1968 году, с января по апрель я жил в Сент-Хилле в Англии, где изучал сайентологию. В 1968 году освещал съезд Демократической партии в Чикаго для «Эсквайра».

Мне так и не суждено было вернуться в Соединенные Штаты до 1974 года. В 1974-м я переехал в Нью-Йорк и тем положил конец своим эмигрантским странствиям.

## МОЕ ЛИЧНОЕ ДЕЛО

32 Мы с Брайоном Гайсином и Стюартом Гордоном сидели перед небольшим испанским кафе в Танжере. Мимо нас прошел еще не старый испанец, и мы хором вздохнули: «Господи, вот безвредный человек!» Я замечал его в городе и уже определил как настоящего ДСД-шника: ничего особенного, просто Делает Свое Дело, живет и думает, что все остальное его не касается.

Укуренные скитальцы, столпы старого преступного мира, припасли для таких название: «человек из Семейства Джонсонов». Такие не бегут в полицию, учуяв запах травы в коридоре, их совершенно не интересует, чем занимаются педики в задней комнате, они держат свое слово. С такими людьми приятно иметь дело. Их можно встретить где угодно. Вот, например, полицейский, передавший мне косяк в камеру в Новом Орлеане. Или когда я еще толкал джанк в Нью-Йорке в 1948 году, портье как-то оставил меня в холле:

– Не знаю, как лучше выразиться, но с людьми, которые пришли к вам в номер, не все в порядке. – (Не все в порядке – это мягко сказано: выкатываются замызганные торчки без носков, на каждом по три ворованных костюма, в руках приемники, выдранные из машин, сзади провода кишками тащатся. Я начал орать: «Это вам не ломбард! Уберите отсюда это дерьмо! – Придя в себя, я сказал сурово: – Вы оскорбляете сам дух моего заведения».) – Я просто хотел вас предупредить, чтоб вы были поосторожнее и велели

этим людям следить за своим языком, когда говорят по телефону... если на коммутаторе окажется кто-то другой...

Или портье в Тунисе. Я отдал ему какие-то деньги, чтобы он положил их в сейф. Он убрал их и обратился ко мне:

– Квитанция вам не нужна, мсье.

Я посмотрел на него и понял, что он тоже Джонсон, так что квитанция мне действительно была не нужна.

Да, в этом мире было бы легко и приятно жить, если бы каждый просто занимался своим делом и не мешал другим делать то же самое. Но один старый мудрый негр-педераст сказал мне много лет назад:

– Дорогуша, некоторые люди – говно.

И я до сих пор это помню.

Мексиканский аптекарь, который швыряет рецепт мне в лицо:

– Мы не обслуживаем наркоманов.

Это как мистер Энслинджер<sup>1</sup>, который заявил: «Законы должны отражать общественное порицание наркоманов».

По большей части, проблемы в этом мире возникают из-за тех, кто не может делать свое дело, потому что у них нет никакого дела – дел у них не больше, чем у вируса оспы. И тогда твой вирус – это *облигатный клеточный паразит*<sup>2</sup>, и моя точка зрения

1 Гарри Джейкоб Энслинджер (1892–1975) – специальный уполномоченный Бюро по борьбе с наркотиками (1930–1962). Известность приобрел как ярый противник марихуаны. Имеются свидетельства, что для достижения своей цели Энслинджер сотрудничал с крупнейшими медиа-магнатами, публикуя в наиболее популярных газетах сенсационные «новости» о вреде марихуаны. В одной из таких публикаций сообщалось, что курение марихуаны ведет к «сумасшествию, преступлениям и смерти».

2 Облигатный паразит – паразит, способный жить только в определенных условиях.

состоит в том, что зло – это в буквальном смысле вирус, паразитирующий в определенной области мозга, которую можно назвать центром правоты. Основная примета говнюка – ему всегда надо быть *правым и правильным*. И прямо здесь нужно провести различие между безнадежно завirusованным говнюком и обыкновенным никчемным мерзавцем и сукиным сыном. С какими-то из этих сукиных детей проблем вообще нет – они просто хотят, чтобы их оставили в покое, а опасными становятся, лишь когда их достают, как Бурый Затворник<sup>1</sup>. Другие доставляют мелкие неприятности, типа драки в кабаке или ограбления банка. Если выразаться словами, понятными для этой страны, то Энслинджер был облигатным говнюком, а Диллинджер, Джесси Джеймс и Малыш Билли<sup>2</sup> – просто сукины дети.

Этот вирус правоты присутствует в нашем мире уже довольно давно и, похоже, самый преданный его союзник – Христианская Церковь: во всем – от инквизиции до конкистадоров, от войн с американскими индейцами до Хиросимы – они всегда правы, правы, правы. И если долгое время Христианская Церковь обеспечивала этому вирусу приют и заботу, то в последние сорок лет она провела и несколько чисток.

1 Бурый затворник – ядовитый паук (*Loxosceles reclusa*) семейства Sicariidae, обитает на юге США.

2 Джон Диллинджер (1903–1934) – преступник, получивший феноменальную известность и славу американского Робин Гуда благодаря своим мастерски организованным ограблениям банков и многочисленным побегам из тюрем. Впервые стал применять технику захвата заложников, которых ставил на подножку автомобиля в качестве живых щитов. Джесси Вудсон Джеймс (1847–1882) – глава крупной банды, специализировавшейся на ограблении банков и впервые внедрившей в воровскую практику ограбление поездов. Малыш Билли (Генри Маккарти, 1859–1881) – легендарный изгой американского фронта, бандит и наемный убийца.

В 1920-е годы, когда я учился в школе, любой, позволивший себе усомниться в справедливости нашего отношения к индейцам, в необходимости смертной казни, в природной неполноценности черных, в омерзительности «флитов»<sup>1</sup> или наркоманов, подвергся бы осуждению одноклассников как опасный радикал или был бы заподозрен в тех ужасающих прегрешениях, которые он защищает.

Да, много чего переменялось, и акции ДСД-шников действительно поднялись на несколько пунктов: практически полная отмена цензуры, декриминализация травы, права геев; вопросы сегрегации, по крайней мере, обсуждаются открыто и дело с ними обстоит гораздо лучше, чем сорок лет назад; даже в официальных кругах растет понимание того, что преступления без жертв не должны быть наказуемы или подлежат минимальному наказанию. Это движение в сторону здравого смысла вынесло на поверхность говно, которое хрипит от ярости и будет защищать свое до последней капли крови. Преступление без жертв, допущение того, что действия, которые гражданин совершает приватно в собственном доме, тем не менее касаются еще кого-то и, следовательно, подлежат разоблачению и наказанию – единственная надежда вируса правоты. Перекрыть ему этот канал – все равно что ввести интерферон, который перекрывает доступ кислорода к определенным штаммам вируса.

1 «Флитами» в двадцатые годы называли пидоров. А поскольку «Флит» – еще и марка инсектицида, то приятности типа «Быстрой, Генри, – пизюльку!» переходили из уст в уста. – *Прим. автора.*

Среди лозунгов, использовавшихся в рекламной кампании этого инсектицида, наибольшую популярность приобрел «Быстрой, Генри, – ФЛИТ!», под которым изображались карикатурные насекомые создания от драконов до невиданного размера пчел. Автором рекламной кампании был детский писатель и художник Теодор Зюсс Гайзель (Доктор Зюсс, 1904–1991).

Противники ДСД цепляются за идею преступления без жертв, приравнивая употребление наркотиков или частную сексуальную жизнь к грабежам и убийствам. Если право заниматься своим делом является признанным, тогда позицию говна в целом защитить невозможно, и многоголосая ярость ада не сравнится с воем вымирающего паразита.<sup>1</sup>

Преподобный Брасуэлл в «Денвер Пост»: «Не следует заставлять Соединенные Штаты мириться с извращенными сексуальными практиками под прикрытием прав человека. Я отказываюсь признавать, что здесь мы имеем дело с правами человека: на самом деле речь идет о сексуальных извращениях. Выступайте против этих похабных прожектеров. Билль о гражданских правах – самоубийство нации. Бог этой Вселенной не меняется. Его отношение ко злу не изменилось со времен Адама. Библия ставит гомосексуализм в один ряд с убийством, воровством, порочными измышленьями и ненавистью к Богу. Гомосексуализм – мерзость по отношению к Богу и он не должен признаваться в качестве законного права человека, точно так же, как грабеж или убийство». И письмо редактору: «Мы должны ужесточить законы против марихуаны. Предложение президента Картера<sup>2</sup> об отмене федеральных законов по марихуане возмутительно».

Есть соблазн найти абсолютное решение проблемы говна: День Массового Истребления. ДМИ. Истреблять мировое говно – примерно как ящур истребляет

1 Аллюзия на строку из пьесы английского драматурга Уильяма Конгрива (1670–1729) «Невеста в трауре» (1697): «Вся ярость ада не сравнится с гневом попанной женщины».

2 В обращении к Конгрессу США 2 апреля 1977 года президент Джимми Картер предложил отменить уголовное преследование лиц, у которых обнаружено менее одной унции марихуаны, и отметил, что «наказание за хранение наркотиков не должно причинять больший вред, чем сам наркотик».

коров. Тогда нам всем станет намного лучше. «Это как излечиться от триппера после того, как твой конец капал двадцать лет», – сообщает выживший... Пожалуй, целительные работы можно было бы завершить применением вируса, предназначенного для поражения уже занятых мозговых центров правоты, вызывая воспаление и раздражение этих центров, чтобы объект – сперва бормоча, затем громко выкрикивая проклятья – умирал в конвульсиях правоты. Болезнь также известна как Праведная Лихорадка; в особенности необходима людям постарше.

Вот еще один старый ублюдок, сидит в своем британском клубе и сочиняет письмо в «Таймс», требуя восстановления смертной казни и позорного столба, а также формирования батальонов труда из бездельников и «хиппи» – он внезапно скалится и орет что есть мочи:

– Чертовы хиппи!

Искаженные ужасом лица отрываются от газет: все смотрят, как он падает на ковер, бьет ногами и харкает кровью, а от его брюк валит пар мочи и экскрементов.

«И вот преподобный принимается за строгое наставленье, и все там, конечно, правильно, да только народу хочется по домам и за стол... так что когда он доходит до грешников, которые мучаются в аду, и начинает рассказывать, как кишки их лопаются от огня, извергая вокруг себя горячее дерьмо, как „они купаются в собственной кипящей мерзости“, старый Бринк встает и говорит:

– Мне кажется, мы уже наслушались, Ваше Преподобие.

Да только преподобный ревет «Боевой гимн республики»<sup>1</sup>:

<sup>1</sup> Патриотическая песня-марш, служившая неофициальным гимном северян в период Гражданской войны. Напи-

– «Он топчет пажити, где зреют гроздья гнева».

Он обосрался и на десять футов кругом все заплел кровью, и все видят, как штаны у него неприлично топорщатся впереди, а шериф говорит:

– Должно быть, он и есть эта библейская мерзость, коли устраивает такие скандалы.

И мы сжигаем церковь и преподобного с нею вместе.

38 Возможно, самой эффективной тактикой будет изменить условия существования вируса. Именно так исчезали различные проявления вируса правоты в прошлом – например, Инквизиция. Условия меняются, и тот габитус вируса игнорируется и забывается. Мы видели, как подобное не раз случалось за последние сорок лет. Если мы обеспечим противовес вирусу правоты, может, нам удастся наконец выкатиться с гумна и двинуть в Космос.

---

сана в 1861 г. Джулией Хау на мотив народной песни «Тело Джона Брауна». Впервые была опубликована в феврале 1862 г. и сразу стала популярной. Позднее использовалась как протестантский гимн.

## LES VOLEURS<sup>1</sup>

39

Писатели работают со словами и голосами точно так же, как художники – с красками, но откуда берутся эти слова и голоса? Источников много: услышанные и подслушанные разговоры, кино и радио, газеты, журналы – да, и *другие писатели*; вспоминаю фразу из одного старого вестерна в дешевом журнальчике, прочитанном много лет назад – не помню точно, где и когда: «Он смотрел на нее, пытаясь прочесть ее мысли – но глаза у нее старые, не обманешь, не прочтешь». Вот это я стащил.

Эпизод с Окружным Письмоводителем в «Голом завтраке» стал результатом знакомства с Окружным Письмоводителем в Колд-Спринге, штат Техас. В сущности, то была разработка его монолога, который в ту пору показался мне просто скучным, поскольку я еще не знал, что я писатель. Как бы то ни было, никакого Окружного Письмоводителя не возникло бы, если бы я сидел сиднем, дожидаясь «своих слов». Всем вам встречался рекламный агент, которому хочется сойти с крысиной дистанции, запереться в хижине и написать Великий Американский Роман. Я всегда говорю ему:

– Не отрывайся от истоков, щелкопер, они могут тебе пригодиться.

Сколько раз я застревал на фабуле – не вижу, куда ей двигаться; вдруг кто-то заглядывает в гости и

1 Воры (*фр.*).

рассказывает о бразильской рыбе, которая питается фруктами. Я построил на этом целую главу. Или покупаю книгу почитать в самолете, а там ответ – а заодно и замечательная фраза «сладкозвучно бесчеловечные голоса». У меня был сон с такими голосами еще до того, как я прочел «Большой прыжок» Ли Брэккет<sup>1</sup> и нашел эту фразу.

40 Посмотрите на сюрреалистические усы Моны Лизы. Просто глупая шутка? Задумайтесь, куда эта шутка может привести. Я пять лет работал с Малькольмом Макнилом над иллюстрированной книгой «Здесь Ах Пуч», и мы использовали ту же идею: Иероним Босх как фон для сцен и персонажей из кодексов майя, преобразованных в современные аналоги. Лицо из дрезденского кодекса майя будет тут барменшей, а здесь мы можем использовать Бога-Стервятника. Босх, Микеланджело, Ренуар, Моне, Пикассо – крадите все, что видите. Хотите, чтобы ваша мизансцена осветилась по-особому? Возьмите свет у Моне. Нужен задник 1930-х годов? Берите Хоппера<sup>2</sup>.

То же относится к литературе. Джозеф Конрад великолепно описывал джунгли, воду, климат – так почему не использовать его описания дословно как фон в романе, действие которого происходит в тропиках? Рабочий сценарий такого-то, описание и фоновые съемки Конрада. И, разумеется, можно умыкать чужих персонажей и помещать их в другие декорации. Вся бодяга живописи, литературы, музыки, кинематографа – в вашем распоряжении. Возьмите монолог Молли Блум и отдайте вашей героине. Все равно так случается постоянно; сколько раз нас пичкали

1 Ли Дуглас Брэккет (1915–1978) – американская писательница, автор фантастических, сказочных и детективных романов, киносценаристка. Ее роман «Большой прыжок» опубликован в 1955 г.

2 Эдвард Хоппер (1882–1967) – американский живописец-реалист и гравер.

Ромео и Джульеттой, а Камилла заработала в «Юных любовниках» сорок миллионов.<sup>1</sup> Так давайте же воровать открыто.

Первый раз я применил этот принцип в «Голом завтраке». Беседа между Карлом Питерсоном и доктором Бенвеем создана по образцу беседы между Разумовым и советником Микулиным в «Глазами Запада» Конрада. Конечно, между Бенвеем и Микулиным нет никакого сходства, но форма беседы, пристрастие Микулина к незаконченным фразам и эллипсисам, а также финал разговора используются буквально и сознательно. В то время я не задумывался обо всех последствиях.

Брайон Гайсин продолжил этот прием в неопубликованном эпизоде своего романа «Процесс». Он *до словно* взял часть диалога из научно-фантастического романа и применил в похожей сцене. (В научно-фантастическом романе шла речь о безумном ученом, который изобрел черную дыру и исчез в ней.) Я, признаюсь, был слегка шокирован таким зияющим и очевидным плагиатом. В ту пору я еще не вполне отказался от фетиша оригинальности, хотя, конечно, в нарезках и монтаже скрыта вся возвышенная концепция тотального воровства.

Видите ли, меня сформировали идея слов как *собственности* – «своих слов» – и, следовательно, глубокое отвращение к тяжкому греху плагиата. Великой добродетелью была оригинальность. Вспоминаю мальчика, которого уличили в списывании сочинения из журнала, и этот ужасный случай обсуждался шепотом... впервые мрачное слово «плагиат» отпечаталось в моем сознании. А в рассказе Джека Лондона писатель застрелился, когда обнаружил, что, сам того не зная, содрал работу другого писателя!

<sup>1</sup> Сюжет фильма Энтони Эскуитта «Молодые любовники» (1954) напоминает роман Александра Дюма-сына «Дама с камелиями» (1848).

У него не хватило духу быть писателем. К счастью, я был сделан из более стойкого или, по крайней мере, более пластичного материала.

Брайон указывал мне, что я крал годами:

– Откуда это – «глаза у нее старые, не обманешь, не прочтешь»? И это – «несгибаемая властность»? И это – «эстетствующий тип, никаких принципов». И это – и это – и это? – Он смотрел на меня сурово. – *Vous êtes un voleur honteux*<sup>1</sup>... голубой воришка.

42

Так мы составили манифест...

### *Les Voleurs*

Выбирайтесь из чуланов и идите в музеи, библиотеки, к памятникам архитектуры, в концертные залы, книжные магазины, студии звукозаписи и киностудии всего мира. Вдохновенному и убежденному вору принадлежит все. Все художники в истории – от наскальных живописцев до Пикассо, – все поэты и писатели, музыканты и архитекторы предлагают ему свои творения, домогаясь его, точно уличные торговцы. Они зывают к нему из скучающих школярских умов, из темниц безоговорочного преклоненья, из мертвых музеев и пыльных архивов. Скульпторы тянут свои известняковые руки, чтобы им сделали живительную пересадку плоти, а их отсеченные конечности прививаются Мистеру Америке. *Mais le voleur n'est pas pressé* – вору торопиться некуда. Он должен убедиться в качестве товара и его пригодности для своей цели, и только после выразить своей кражей высочайшее почтение и благодарность.

Слова, цвета, свет, звуки, камень, дерево, бронза принадлежат живому художнику. Они принадлежат любому, кто умеет ими пользоваться.

1 Вы – стыдливый вор (фр.).

Разграбьте Лувр! *A bas l'originalité*<sup>1</sup>, бесплодное и самоуверенное эго, которое, создавая, запирает нас в тюрьму. *Vive le vol*<sup>2</sup> – чистая, бесстыдная, совершенная. Мы ни за что не отвечаем. Крадите все, на что падает взор.

1 Долой оригинальность (фр.).

2 Да здравствует кража (фр.).

## МАША И МАСС-МЕДИА

- 44 Если хотите сделать большие деньги на книге или фильме, нужно следовать некоторым правилам. Вы обращаетесь к широкой публике, а широкая публика просто не желает видеть и слышать массы вещей. Хорошее правило здесь: никогда не рассчитывать, что публика станет переживать то, переживать чего она не желает. Пугать их до смерти и вышибать из кресел вы тоже не хотите, а более всего не желаете ставить их в тупик.

Есть определенные формулы массового успеха. К примеру, берете нечто, о чем читающая и не чуждая кинематографу публика уже кое-что знает и о чем желает узнать больше: мафия; как ведется хозяйство в отелях; что происходит в «Дженерал Моторз», на телевидении, в рекламном бизнесе, в Голливуде.

Дальше: если они ничего не знают о предмете, то сколь бы прекрасным он ни был, им он таковым не покажется. Я усвоил это много лет назад, когда работал на зимних овощных плантациях в долине Рио-Гранде в Техасе. Зимние овощи выращивают, главным образом, в трех местах: в Калифорнии, во Флориде и долине Рио-Гранде. Если в одном месте, а еще лучше – в двух, помидоры замерзают, это взвинчивает цены на помидоры, выращенные в третьем. Так вот, был там один фермер, единственный выращивал пастернак для зимнего рынка, а потому считал, что состояние у него в руках. Но оказалось, что пастернак – овощ настолько редкий, что обычные

домохозяйки его просто не покупают. Они успели позабыть, как он выглядит, и не собирались иметь дело с этим неизвестным зимним плодом. Так что бывает и чрезмерная редкость.

Еще одна формула: угроза, сложности, созданные этой угрозой и окончательное разрешение ситуации, при котором угроза полностью исчезает.

Угрозой может быть эпидемия, враг, который собирается распылить нервно-паралитический газ и отравить питьевую воду в Нью-Йорке, или даже воскресшее доисторическое чудовище. Но тут надо быть очень осторожным; широкая публика не желает, чтобы ее действительно пугали или слишком потрясли – ей желательна легкая встряска. В формуле фильма ужасов присутствует доля вымогательства: вы платите за то, чтобы *не* видеть чего-то *поистине* ужасного – вы платите, чтобы посмотреть на милых крысок Уилларда<sup>1</sup> и *не* видеть, как крысы отгрызают гениталии орущему младенцу.

Итак, совмещаем обе формулы, чтобы все было наверняка...

Место действия – центр разработки биологического оружия. Что происходит в этих стенах? Мы проводим читателя мимо военной полиции у ворот, прямо в зоны Высокой Секретности. Жесткое соперничество между сотрудниками, интриги: дама-вирусолог влюблена в доктора Хестера; тот, в свою очередь, посматривает на даму из ФБР, которая делает вид, что просто работает в приемной... Вот совещание сотрудников, на котором профессор Штайнплац объявляет полным бредом сибирскую язву-38 доктора Хестера:

– Пора уже выбираться с этого гумна.

1 «Уиллард» (1971) – фильм ужасов американского режиссера Дэниэла Манна. Герой фильма дрессирует крыс, и они мстят его врагам.

У доктора Хестера другие планы; он выжидает.

Здесь все и начинается: Луи-Светляк открывает темные глаза-бусинки и внимательно оглядывает помещение. Слегка пошатываясь, встает и смотрит на дверь прямо перед собой. Содрогаются, припоминая тот день, когда электроды распалили его секс-центры и он ринулся за дверь навстречу сногшибательной альбиноске с розовыми глазами. Едва он коснулся двери, страшный разряд скрутил его тощее тельце и ослепительный свет ударил в расширенные от наслажденья зрачки. После этого он пять дней ничего не видел, и ему не давали никакой еды. Луи-Светляком его назвал доктор Хестер: на какой только свет его не выставляли.

Шаги. Ключ в замке. Луи прячется за центрифугой. Голоса...

– Ну что, доктор, теперь мы наконец увидим ваш необычайный вирус Вильгельм Хестер-23, да?

Никто не замечает серую тень, уносящуюся вдаль по коридору.

Выбиваясь из сил, Луи-Светляк добирается до трассы 97. Сколько света! Он пищит от ужаса. И тут же автомобильная шина расплющивает его в кровавую кляксу, и расширенные в ужасе глаза, большие желтые зубы и завиток хвоста смотрят на брызговик. Луи узрел свет. Десятью минутами позже водитель (как впоследствии установили в больнице св. Винсента, – Уолтер Уинч, коммивояжер, торгующий рентгеновским оборудованием) – уже стоит в очереди на заправку на углу Бродвея и 23-й улицы.

Тем временем в лаборатории доктора Хестера профессор Штайнплац театральным жестом указывает на пустую клетку:

– Ну и где эта невиданная крыса, этот Просветленный Луи?

Доктор Хестер бледнеет. С ужасающей ясностью он понимает: он только что совершил один из

величайших в истории ляпов, такой, по сравнению с которым Верден, русские походы Наполеона и Гитлера, битва при Дарданеллах – лишь песчинки на просторах пустого радиоактивного пляжа. Как грандиозный лесной пожар, вирус Б-23 за несколько дней охватывает большинство городов мира.

Диктор новостей:

– Вирус Б-23 – одна из наиболее заразных болезней, когда-либо появившихся на планете. Его способность к мутациям такова, что врач не может быть до конца уверен, имеет ли он дело именно с этим вирусом, пока у пациента не обнаруживаются ужасающие предсмертные симптомы: ускоренное гниение, сопровождающееся неистовыми припадками сексуальной активности. Жертвы вируса гниют и совершают непристойные действия прямо на глазах у друзей и членов семьи. В итоге больной полностью разлагается, испуская ядовитые клубы желтоватого газа и смертельно опасные споры, инфицирующие всех, кто находится поблизости. Люди, бегущие из очагов инфекции, передают вирус дальше, и зараза распространяется концентрическими кругами.

Тут самое время продавать права на экранизацию. Это может быть зрелищный фильм с двадцатимиллионным бюджетом, а может – малобюджетное фестивальное кино, снятое прямо в бактериологической лаборатории...

– Я с ужасом думаю обо всем этом, – говорит доктор Хестер по телевизору.

В конце концов, с вирусом удастся справиться, эпидемия влечет за собой весьма неожиданные мутации, причем некоторые полезны и выгодны – доктор Хестер становится настоящим героем вируса. Он сблизается с дамой-вирусологом, и вместе они приходят к осознанию того, что их занятие – ну, скажем так, какое-то *неправильное*.

– Похоже, как и все остальные, мы оказались втянутыми в эту крысиную гонку и утратили свои нравственные компасы. – Их пальцы сплетаются... – Мы с Биллом собираемся посвятить остаток жизни защите окружающей среды.

Со скоростью пятьдесят миль в час двадцатифутовыми шагами мимо пронесится голый мутант.

48 – Приятная обнадеживающая концовка. Что с ней не так, спец?

– Да тут все не так, шелкопер. Думаешь, бабульки из клуба книголюбов на Восточном побережье захотят читать о том, как герои, похожие на их соседей, слетают с катушек и обнажаются прямо перед Бенсонами, Брэдфилдами и Джонсонами? Ты так себе представляешь массовую притягательность?

– Ну а молодежь на это клюнет. Можем вернуть какие-нибудь душеспитательные любовные истории – типа сцены в больнице, где она умирает от Б-23... куда драматичнее лейкемии, знаешь...

– С драматизмом случаются переборы, шелкопер.

– Ну само собой, мы не станем вводить сцены со смертельным Б-23 до последнего ролика. Так наращивается напряженность, и всем не терпится увидеть последние стадии болезни точно так же, как чудовище в фильме ужасов. Так что мы им даем чудовище, которое, само собой, принесло нам мутантов, – и заканчиваем на тихой ностальгической ноте... пустые города, красивые сады, очень мало людей. Полно времени, полно места, полно всего для всех. Такое все хотят. Доктор Хестер и его вирусологиня решают, что игра стоила свеч – хотя бы из-за удобрений, ибо трупы заложили обширнейшую компостную кучу, на которой взойдут в изобилии кукуруза, пшеница, картошка, фасоль, перец и брокколи. Возвращение в Эдем... что тут не так?

– Народу не понравится дорога туда, шелкопер. Ты и впрямь думаешь, что читателю сильно хочется стать удобрением для кучки уродов? Говорю тебе, шелкопер, это не будут покупать – просто не будут покупать. «Так значит, все это из моего гроба расти должно?» – возмущенно фыркает Режиссер, когда мы показываем ему сценарий. Нельзя что ли сделать нормальную эпидемию? Да ему могут дать порнорейтинг. И разложения хватит – на одни спецэффекты сколько ухлопаем...

– Ну а вспомните хотя бы «Бесов»<sup>1</sup> – сексуальная одержимость монахинь... Или «Изгоняющий дьявола»<sup>2</sup> – он бьет все рекорды сборов.

– Слушай, парочка монахинь пятьсот лет назад – это одно, единственная девчонка – это тоже одно. А двести миллионов гниющих граждан – совсем другое. Бабульки из клуба книголюбов не любят, когда на них такое вываливают... читателю нравится, когда угроза держит дистанцию. Читающая публика и кинозрители слишком мало знают о биологическом оружии, либо не знают ничего. И не желают знать больше. Брось эту идею, она ужасна.

– Хорошо, хорошо... а как насчет такого поворота, шелкопер: половая жизнь сиамских близнецов?..

В общем, писать бестселлер – не так просто, как кажется. Даже когда определены все игроки, манипуляции и интриги, нужно иметь твердую уверенность, что еще осталось такое, что можно продать.

Дополнительные замечания к «Крестному отцу»<sup>3</sup>. Автор знает предмет и героев; он писал книгу семь лет.

1 «Бесы» (1971) – фильм Кена Рассела по книге Олдоса Хаксли.

2 «Изгоняющий дьявола» (1973) – фильм Уильяма Фридкина по роману Уильяма Питера Блэтти.

3 «Крестный отец» (1969) – роман Марио Пьюзо (1920–1999), экранизированный в 1972 г. Фрэнсисом Фордом Coppолой.

Все его герои – живые люди, у них есть прототипы в реальной жизни. Певец – Фрэнк Синатра. Крестный отец – Карло Гамбино<sup>1</sup>. Доктор – тот милейший пьяница, которого так расписали в статье о голливудских попойках. Читатель не просто получает инсайдерскую информацию, ему подаются реальных людей и события. Это факты – художественно обработанные и представленные в съедобном виде, с напряженностью и кульминациями. Нужно хорошо знать предмет и людей, чтобы написать такую книгу, это тяжелый труд.

Фредерик Форсайт<sup>2</sup> еще больше верен формуле факта в художественной форме. Он работал иностранным корреспондентом и знает жизнь людей, о которых пишет. Работе предшествовали исследования, все герои имеют реальных прототипов среди тех, кого автор знал и с кем беседовал. Я рекомендую его книги всем, кто интересуется сочинительством – неважно, хотят они написать бестселлер или нет. Их стоит прочесть не только ради инсайдерской информации по теме книги, но и для того, чтобы понять, как писать на продажу, как организовывать материал. «День Шакала» – это инсайдерская информация о попытках покушения на де Голля. Вся тема покушений изложена доступнее некуда. Не забывайте, за де Голлем охотились профессионалы: бывшие офицеры с деньгами и оружием, которым они умели пользоваться, – настоящая подпольная армия. Так что Шакал – истинный профессионал, который берется убить де Голля по

1 Карло Гамбино (1902–1976) – американский мафиози, глава клана Гамбино. С него действительно могли быть списаны некоторые черты дона Вито Корлеоне, но, говоря строго, прототипом героя Пьюзо он не являлся.

2 Фредерик Форсайт (р. 1938) – английский писатель, политический комментатор, автор триллеров. «День Шакала» (1971) – его первый роман, ставший международным бестселлером.

контракту – тоже имеет дело с истинными профессионалами. Из американского президента истинного профессионала не выдоишь.

Как и все политики, де Голль становится собственным публичным, газетным образом, так что персонаж этот – уже в области журналистики. Для создания шаблонного образа не надо писать первоклассно. Шакал же – лучше не бывает: глаза безымянного симпатяги-гольфиста всякий раз заволакивает перед тем, как он кого-то убивает. Никто не может прочитать его мысли – даже сам писатель. В конце мы сомневаемся, существует ли он вообще.

51

Формула напряженности подобна символической логике. Отсчитать столько-то дней. День, когда он должен убить Генерала. То, что он делает каждый день. Все, что делается объединенными силами полиции, секретных служб и армии, чтобы найти его и с ним покончить.

Писать документальную прозу – дело куда более простое и прибыльное. Конечно писать «Живых»<sup>1</sup> – мурнее, чем художественное произведение на основе изысканий, вроде «Дня Шакала». Надо ехать в Уругвай, надо разговорить упырей, чтобы первым цапнуть самое лакомое, а остальным вставить фитиль.

Есть тип бестселлера, не требующий никаких изысканий, – если вас от такого не стошнит. Книга по самопомощи в корне изменит вашу жизнь. «Твои эрратичные зоны», «Думай и богатей», «Как победить запугиванием». Просто садитесь и пишете – если, конечно, способны такое написать. «Твои эрратичные зоны». Снимаю шляпу перед этим заглавием. Бьет читателя прямо поддых. Так и подталкивает к кассе. Да, тут не нужно никаких изысканий – тут лишь

1 «Живые» (1974) – документальная книга английского писателя Пирса Пола Рида (р. 1941) о членах сборной Уругвая по регби и других пассажирах авиарейса, потерпевшего катастрофу над Андами 13 октября 1972 г.

набор многословных затасканных банальностей. Но каждую минуту рождается человек, готовый такое купить. Он знает, что ничего не знает, и поэтому ему хочется полагать, будто знает кто-то другой – и этот другой поделится с ним и с еще восемью миллионами. Придумайте заголовок – и пишите книгу.

Есть еще класс сочинений, требующий минимальных изысканий. У нас уже есть шесть книг о Бермудском треугольнике – и все используют одни источники. «Тайная жизнь растений» и «Тайны растений». Вот еще актуальная тема – продление жизни. Конечно, уже есть такие книги. Но броское заглавие – типа «Резиновая молодость»... Как выписывать фальшивые чеки на юность... Всесторонний обзор новокаина в Румынии, обезьяньи железы в тридцатые годы в Мексике, теории старения, месяц изысканий, пробивной агент, немного везенья – и вы на первом месте.

В коммерчески успешной литературе автор не может прыгнуть выше головы. Это не значит, что такие книги тщательно не продумываются. То есть, автор не подпускает туману, не снисходит до читателя. Питер Бенчли много знал об акулах. Акулы – его хобби, поэтому он садится и прямо так пишет: «Челюсти».<sup>1</sup> Как я и говорю, не прыгая выше головы. Сесть и сострять бестселлер нельзя. Я пытался. Либо фабула сбегает вместе с вами и выходит из-под контроля – и вы пишете то, что и так должны написать, – либо вам везет, и вы находите то, что при любом раскладе интересно публике.

<sup>1</sup> Питер Бенчли (1940–2006) – американский писатель-маринист. Его популярный роман «Челюсти» был опубликован в 1974 г.

## Слово умнику

53

После того, как пару лет назад я преподавал писательское мастерство, мои собственные творческие способности пришли в полный упадок. Я не мог сдвинуться с мертвой точки, и мой юный ассистент-идеалист переживал, что я сижу у себя в мансарде и совершенно ничего не делаю – что было правдой. И это подало мне на подумать (как говорят французы): *а можно ли научить ремеслу писателя?* Не наказывают ли меня Музы за дерзость и вопиющую опрометчивость, с которой я открываю тайны совершенно невосприимчивой аудитории – точно раздаешь стодолларовые банкноты, а они никому не нужны... Также я понял, что образ «Уильяма Берроуза» в сознании моих студентов имеет мало общего с реальностью. Они были разочарованы, когда на занятиях я появлялся в пиджаке и галстуке. Полагаю, ожидали увидеть меня абсолютно голым, с пристегнутым искусственным членом. В общем, сплошное разочарование.

«Писательское мастерство» – что это вообще значит? Будь моя воля, я бы сделал все, чтобы каждый из них свернул с этой дороги. «Стань лучше водопроводчиком, – хотелось мне завопить, – и твой, блядь, гигантский холодильник будет забит копченой дичью, холодной водкой и минеральной водой „Малверн“, ты будешь пялиться в цветной телевизор с дистанционным управлением и ласкать на коленях ствол тридцатого калибра, ожидая, когда начнется сезон охоты и все добропорядочные граждане попрячутся

в подвалах, обложившись мешками с песком. Или стань врачом ради всего святого – стоит прослыть лучшим спецом по жопам, и можешь не волноваться, что через год ни одна задница не будет нуждаться в твоих услугах». Только вот, быть может, ни одна задница через год не купит мою книгу...

Ладно, предположим, двоих или троих в классе отговорить не удастся. Мой совет: если хоть что-то заработаете, найдите хорошего агента и налогового бухгалтера и не забывайте – славой сыт не будешь. И вы не сможете писать, пока не захотите писать, и не сможете захотеть, если вам не хочется. Скажем, вы – врач с неплохой практикой. Сегодня вам не очень: проблемы в семье и прочее, что и не назовешь толком, – ну просто вам херово, и вы суете в рот таблетку хлорофилла, чтобы сбить запах после трех рюмок (ведь старая сука растреплет по всему Палм-Бич: «Боже, как он *напился...*») Ладно, продержаться вполне можно, и нечего рассусоливать – четверть грана морфия каждому пациенту; неважно, что с ними, зато мгновенно полегчает и меня объявят лучшим коновалом. Ну а если наедут агенты, я им скажу: «Вообще-то я уезжаю работать на острова Бахрейн, так что берите мою практику и засуньте себе в жопу». Я к тому, что даже если у вас нет желания заниматься медициной, вы все равно можете. То же с законом: нет желания рассматривать дело – просите отсрочку и месяц валяйтесь и курите дурь на острове Мартас-Виньярд.

В других профессиях нежелание работать всегда можно прикрыть, но литература, которой вам неохота заниматься, не стоит ломаного гроша. В этом деле есть много преимуществ; само собой, можно доплыть на белой акуле до виллы на Багамах, а можно двадцать лет преподавать английский на курсах Берлица, сочиняя Великую Книгу, которую никто не прочтет. Джеймс Джойс написал на этом языке

великую прозу – «Мертвые», «Дублинцы», – но разве смог остановиться и сочинять изящные рассказы о жизни несчастных ирландских католиков до конца дней своих? Случись такое, его наверняка бы наградили Нобелевской премией. Никто ведь не говорит врачу: «Слышь, док, ты величайший в мире спец по жопам, много благодарных пидоров по твоей милости снова ебутся, но надо бы тебе придумать что-нибудь новенькое...» Конечно, не надо; жопа ведь та же старая. А вот писателю приходится придумывать нечто новое, иначе он вынужден выдавать стандартный продукт – тот или иной. Так я мог бы стандартизовать диких мальчишек в духе голубого Питера Пэна и год за годом выпускать нечто вроде сериала о Тарзане; а мог бы написать «Поминки по Финнегану». И вот мне приходит эта идея о сыщике и Городах Красной Ночи... *Quien sabe?*<sup>1</sup>

Или взять, к примеру, шоу-бизнес; сегодня вы возглавляете хит-парады, вся кафешантанная богема от вас без ума... как Дуайт Фиск, который исполнял жуткие двусмысленные песенки в тридцатые годы: «Тот тип щипнул меня у Астора, прямо за сценой, и несколько дней твою мать никто не видал, мой бесценный; теперь, моя крошка, ты знаешь немножко, как ты появился на свет – у Астора, прямо за сценой» – да кому теперь нахрен сдался этот бред? Но вы не найдете ни одного врача, адвоката, инженера или архитектора, который уже стал чемпионом мира в своем деле, а теперь ему приходится тупо стоять на углу и торговать галстуками. Ни один атомный физик не беспокоится – всегда есть люди, которым хочется истреблять других в массовых масштабах. Само собой, его холодильник набит колбасой и минералкой, как и у водопроводчика. С ним ничего не случится: гранты, стипендии, радуга над могилой и надгробие, сияющее в темноте.

1 Кто знает? (исп.)

Художник, однако, в определенной степени свободен. Возможностей у писателя довольно мало, зато у него есть свобода, – по крайней мере, на Западе, господин Евтушенко. Обдумайте это как следует. Хотите вы просто быть голосом власть предержащих? Чем больше власти, тем меньше свободы. У политика фактически вообще нет никакой свободы. Меня часто спрашивают: «Что бы вы сделали, стань вы президентом? Что бы вы сделали, окажись вы диктатором Америки? Что бы вы сделали, будь у вас миллиард долларов?» Как говорил мой покойный друг Ахмед Якуби<sup>1</sup>, «этот вопрос – не личное мнение». Точнее будет спросить: «А как *вам* удалось *стать* президентом, диктатором, миллиардером?» Ответы на эти вопросы и определяют то, что вы станете делать. Ведь на эти должности не телепортируются волшебным манером: к ним добираются чередой отдельных шагов, и каждый шаг страхуется условиями и ценами.

Возьмем микрокосмический пример: мое скромное желание стать уполномоченным по канализации Сент-Луиса и мои мальчишеские фантазии о том, что бы я сделал, окажись на этом посту. Мечты эти вкратце изложены в очерке, написанном для журнала «Харперс» в ответ на вопрос «Когда вы перестали мечтать стать президентом?» Я вообразил тихую синектуру, жульнические контракты по прокладке труб, дом, полный томных порочных молодых людей, о которых пресса отзывалась как «о лакеях при дворе его величестве Султана Канализации». Наверняка я удержусь на посту благодаря той грязи, которую собрал на губернатора, и буду проводить ночи в диких оргиях, или сидеть себе и курить шерифский косяк, наслаждаясь вонью из прорванных труб на мили вокруг.

Но почему именно меня должны назначить уполномоченным по канализации? Обязанности номинальные, никаких навыков не требуют. По моим

1 Ахмед Якуби (1931–1985) – марокканский художник.

познаниям в канализации или способностям мне такую должность не дадут. Тогда почему? Ну, наверное, я долго работал на Партию и заслужил награду. Однако и мне придется кое-что дать взамен. Допустим, я перетяну голоса на выборах и, стало быть, заработаю небольшую премию? А может, они ожидают, что я приму на себя всю вину за водопроводные сделки. Раз так, придется быть бдительным и не подписывать что попало. Возможно, они ждут, что я отстегну что-нибудь в предвыборную кассу, ведь я вполне могу отхватить им кусок пирога, общаясь с богатыми мира сего. Одно несомненно – от меня потребуют кое-что взамен.

57

Так вот, незаконная сделка с дешевой прокладкой труб потребует участия подрядчиков, аудиторов и целой батареи взяток, взяточников и крыш, и все должно быть оплачено услугами и наличными. И значит, в моем доме не будет томных и порочных юношей – в него набьется толпа курящих сигары и сосущих виски толстожопых политиканов и взяточников. У меня что-то есть на губернатора? Лучше поостеречься, как бы у него не нашлось чего-нибудь на меня. Уполномоченный, как жена Цезаря, должен быть вне подозрений: само собой, вне подозрений в сексуальных оргиях и наркомании. С моей стороны – безумие подставляться шерифу. Конечно, на него можно положиться, чтобы уладить штраф за неправильную парковку, но лучше держаться подальше от его конфискованной марихуаны, если к ней не тянет лапы кто-нибудь из начальства. А если мне и удастся выбить несколько бравых ребят, чтобы охраняли канализацию от коммунистического саботажа, они окажутся отнюдь не юными красавцами. Скорее всего, придется иметь дело со слабоумным зятем шерифа, который не годится и в ночные сто-рожа, и еще двумя-тремя парнями, вышибленными из полиции и охраны.

Ну а если я не могу делать то, что хочется, заведуя канализацией, еще меньше у меня возможностей на посту президента Соединенных Штатов. Я ведь немедленно распушу армию и флот, а весь оборонный бюджет пушу на строительство центров сексуальной коррекции, верно? Легализую марихуану? Аннулирую запрет на въезд в страну азиатов? Упраздню подоходный налог для художников и взвалю налоговое бремя на богачей? Ага, размечтался.

58

Думаю, Ричард Никсон войдет в историю как подлинный народный герой, который окончательно уничтожил нездоровое поклонение образу президента и сумел вернуть народу добродетели непочтительности и скептицизма.

## ТЕХНИКА ПИСЬМА

59

Энтони Бёрджесс преподавал писательское мастерство, и один студент спросил его: «Почему это вы стоите за кафедрой и рассказываете, как нужно писать? Почему не я?» Хороший вопрос; хотел бы я дать на него столь же определенный ответ, как те, что дают, если речь идет о предметах, где техника определяется яснее. Никто, кроме опытного летчика-профессионала, не станет спрашивать, почему в кабине авиалайнера сидит летчик, а не он сам. Ответ здесь простой: потому что летчик знает, как управлять самолетом, а вы нет. Не станет такого спрашивать и тот, кто изучает квантовую механику, инженерное дело или математику: преподаватель стоит за кафедрой потому, что знает о предмете больше, чем его студенты. Сказать, что он знает больше, уже предполагает: тут можно знать что-то определенное, есть некая техника, которой подготовленных студентов можно обучить.

Сколько писателей брали курсы писательского мастерства? Кое-кто брал точно. К примеру, Джеймс Джонс<sup>1</sup> слушал курс у какой-то литературной дамы, которая предлагала студентам имитировать стиль разных известных писателей... месяц пишете как Хемингуэй, потом еще месяц – как Грэм Грин и так

<sup>1</sup> Джеймс Джонс (1921–1977) – американский писатель, автор военной прозы. Упомянутая далее книга «Отныне и вовек» (1951) – его первый роман.

далее. Хорошее упражнение, мне кажется. Но также мне кажется, что писателей, которые никогда не слушали таких курсов, гораздо больше. Сколько летчиков обучалось летному делу? Надеемся, все. Сколько физиков изучали физику? Все. И это подводит нас к вопросу, который я хочу поднять в надежде добиться каких-то ответов: существует ли писательская техника? Можно ли научить писать?

60

Мы ставим этот вопрос и тут же понимаем, что простого ответа «да-или-нет» ждать не приходится, поскольку существует множество писательских техник, и метод, полезный для одного автора, оказывается негодным для другого. Не существует единого способа писать. Так что мы начинаем искать *ответы*, а не *единственный* ответ. Летчик должен обладать определенными навыками еще до того, как начнет брать летные уроки. Степень координации, крепкие нервы, определенные интеллектуальные способности. Чтобы изучать физику, нужно иметь значительную склонность к математике. Писательские навыки с подобной ясностью неопределимы. Способность не отвлекаясь сидеть часами за пишущей машинкой – полезно, спору нет. Способность переносить одиночество тоже полезна, но не принципиальна. Способность сопереживать, видеть и слышать то, что творится в голове у других, полезна, однако некоторые величайшие писатели – Беккет, например – выводят только одного персонажа и нисколько не нуждаются в других.

В общем, чем писатель наблюдательнее, тем больше того, о чем он может написать. Порекомендую упражнение, которое сам делаю много лет: идя по какой угодно улице, вы пытаетесь *увидеть* каждого человека на ней, пока он не увидел вас. Вы поймете, что если вам удастся первым увидеть других, они не увидят вас, а вы успеваете наблюдать или запомнить на будущее. Этому упражнению меня научил

один старый мафиози из Колумбуса, штат Огайо. Если писателя увидят первым, его не обязательно застрелят, но он может пропустить сцену или персонажа. Замеченного краем глаза можно взять своим героем и через много лет, а какая-нибудь дверь или витрина послужат декорацией. Рассеянный писатель закрывает двери восприятия.

Жене сказал об одном французском авторе, который здесь останется безымянным: «Ему не хватает мужества быть писателем»<sup>1</sup>. Какое мужество он имел в виду? Мужество внутреннего исследования, мужество первопроходца внутреннего космоса. Писатель не может отступить перед тем, что обнаружил, просто потому что это его шокирует или расстраивает, или потому что он боится читательского неодобрения. С таким мужеством тесно связаны упорство и способность не падать духом от критики. Любому писателю должен много писать плохо и при этом может вовсе не понимать, насколько это плохо. Писатели – не всегда хорошие критики в отношении собственных сочинений. Как говорил Синклер Льюис, «если вам кажется, что вы написали что-то непревзойденное, и вам не терпится это кому-нибудь показать – порвите сразу, это дрянь». У меня, само собой, было такое: то, что я писал, казалось мне блестящим, но, прочитав несколько дней спустя, я говорил себе: «Боже, порви это на мелкие кусочки и выкинь в чужой мусорный бак». С другой стороны, такое, что не особенно нравится, пока пишешь, при повторном чтении может оказаться очень даже неплохим. Я вот о чем: писатель должен уметь переживать неровное качество своей работы – что в любой другой профессии было бы катастрофой. Актер или музыкант должны работать на некоем профессиональном уровне, а у писателя есть

1 У. Берроуз познакомился с Жаном Жене в 1968 г. в Чикаго. В эссе «Проклятье Моэма» упомянут писатель, о котором отозвался Жене, – Жюльен Грин.

время на редактуру – он выбирает, что он в конечном итоге выпустит как законченный продукт.

Не знаю писателя, который не был бы страстным читателем. Кажется, Т. С. Элиот сказал, что если у писателя стиль претенциозен, чаще всего это потому, что он недостаточно много читал. Некоторое знание того, что *уже* сделано в литературе, мне кажется необходимым – точно так же, как врач или юрист должны быть знакомы со специальной литературой по своему предмету. Писателю-профессионалу, как правило, почти некогда читать, так что лучше, если начитанность приобретается с малых лет.

62

Вкратце перечислю полезные, но не принципиальные навыки: способность выдерживать физическую дисциплину письма, то есть – сидеть за машинкой и писать; способность упорствовать и впитывать разочарования отказов в публикации – и разочарования от плохого качества собственной работы, что еще страшнее; понимание чужих мотивов; способность мыслить конкретно и зримо; общая начитанность. Теперь предположим, что студент обладает хотя бы некоторыми из этих навыков. Чему еще можно его научить?

Естественно, легче объяснить, как *не* надо писать, нежели как надо. Вспомним, например, что плохое название может погубить хорошую книгу, а хорошее – обеспечить продажи плохой. Плохое название фильма потопит его быстрее и вернее, потому что у фильма только один шанс. Книга с плохим названием или медленным началом еще может всплыть – у фильма такой возможности нет. И здесь, опять же, не существует абсолютных правил, есть только общий курс. Хорошее название дает читателю *образ* и будит интерес к нему. Плохие названия содержат отрицательные образы, отсылают к тому, что публика не способна понять, пока не увидит фильм, – или просто не содержат образов. Названий из более чем трех слов

следует избегать: «Женитьба молодого биржевого маклера» отбивает всю охоту. От «Конформиста»<sup>1</sup> интерес вянет. Те, кто смотрел фильм, знают, что это история фашиста, который после падения режима Муссолини обвиняет своего слепого друга в сотрудничестве с фашистами. Лучше бы назвать фильм «Гений выживания».

Существует некая методика употребления слов от противного – для создания путаницы, завязки и осложнения конфликтов, дискредитации оппонентов. Это прямая противоположность тому, что делает писатель. Здесь чем абстрактнее слова и бессмысленнее заявления, тем лучше. Методику эту разработали Херст<sup>2</sup> и прочие в средствах массовой информации, отточили в журналах «Лайф» и «Тайм», а ЦРУ развило дальше в подкармливаемых им литературных изданиях. Техника сочинения отбивающих охоту рецензий отработана настолько, что хватит одной фразы, чтобы ее узнать, – и она гораздо сложнее набора уничижительных высказываний о книге. Писателю очень важно уметь спокойно воспринимать несправедливую критику и быть готовым при первой же возможности на нее ответить. Хорошая практика также – написание книжных рецензий.

Возвращаясь к вопросам техники, давайте для начала рассмотрим наш материал – слова. Книга Коржибского<sup>3</sup> «Наука и здравомыслие» сильно сэкономит

1 «Конформист» (1951) – роман итальянского писателя Альберто Моравиа, экранизированный в 1970 г. Бернардо Бертолуччи.

2 Уильям Рэндольф Херст (1863–1951) – американский медиамагнат, вместе с Джозефом Пулитцером считается отцом «желтой прессы».

3 Альфред Хабданк Скарбек Коржибский (1879–1950) – американский философ польского происхождения, развивший теорию «общей семантики». Его книга «Наука и здравомыслие. Введение в не-аристотелевы системы

нам время. Если полностью осознать, что слово – не объект, который оно представляет (этот стол, каким бы он ни был, – не ярлык «стол»), – студенту не нужно будет вступать в бессмысленные словесные прения. Посмотрите на абстрактные слова, не имеющие определенного референта: коммунизм, материализм, цивилизация, фашизм, редукционизм<sup>1</sup>, мистицизм. У этих слов столько же определений, сколько людей их использует. Согласно Коржибскому, если у слова нет референта, его следует исключить из языка, и тем более – я бы добавил – из языка писателя. Например, возьмите слово «фашизм»: что оно означает? Каков его референт? Рассмотрим феномен нацистской Германии: военная экспансия промышленно развитой страны; а теперь посмотрим на Южную Африку: притеснения ради сохранения существующего положения; неужели и то и другое – фашизм?

Короче, столько разнообразных явлений свалено в это слово, что его употребление может привести лишь к путанице. Так что от него можно отказаться вообще и просто описывать разнообразные и вполне отличные друг от друга политические явления. Меня обвиняли в том, что я архи-материалист и

---

и общую семантику» опубликована в 1933 г. и содержит общую критику традиционных представлений о языке и выдвигает систему лингвистической философии, способную оптимизировать способность человечества к передаче идей от поколения к поколению посредством модификации использования языка и способов реагирования на языковые сообщения. Берроуз посетил семинар Коржибского в Чикаго в 1938 г.

1 Редукционизм – методологический принцип, согласно которому сложные явления могут быть полностью объяснены на основе законов, свойственных более простому. Редукционизм абсолютизирует принцип сведения сложного к более простому, игнорируя специфику более высоких уровней организации.

буржуазный мистик. Что означают это слова? Практически ничего. И поскольку они ничего не значат, о них можно спорить до скончания века. О словах же, имеющих референт, спорить не получится: вот он – хоть столом его называй, хоть партой, как угодно, тут не поспоришь. Все споры растут из путаницы, и все споры – напрасная трата времени, если, конечно, в ваши цели не входит создавать путаницу и напрасно тратить время.

Я многое понял о писательстве, когда работал над киносценариями. Стоит писателю взяться за сценарий – то есть, начать писать с точки зрения того, что возникает на экране, – и он перестает быть всеведущим. Он не может, например, проинформировать читателя, что «стоял ясный солнечный день в мае 1923 года в Сент-Луисе, штат Миссури». Откуда зрители узнают, что на экране – май 1923 года, а местность – Сент-Луис? Эта информация должна быть показана на экране, если только сценарист не прибегнет к сомнительной уловке закадрового голоса. Или: «Тем утром, выйдя из дома и повернув на авеню Эвклида, он ощутил холодок дурных предчувствий». В самом ли деле он его ощутил – и как показать это на экране? Должно произойти такое, что сообщило бы ему этот холодок: кто-то проходит мимо, бормоча что-нибудь – ему или не ему, или он замечает злобную гримасу проехавшего рядом велосипедиста. Такие фразы, как «не передать словами», «неописуемый», «невыразимый», тоже нельзя показать на экране. Неописуемое чудовище тут не пройдет. Публика хочет *видеть* это чудовище. Она за это платит. Способность мыслить конкретно и зримо – едва ли не самое главное для писателя качество. Говоря в общем, если писатель не способен увидеть, услышать, пощупать, понюхать что-то, он не может об этом написать.

Влияние средств массовой информации в фильмах ощутимо больше, чем в книгах. В двадцатые годы

истории о гангстерских войнах год за годом собирали полные залы, но не стоит забывать: тогда не было телерепортажей о бандитских стычках. Только фотографии и газетные отчеты. То были первополосные новости, и люди ими интересовались, потому что как такое происходит в действительности видеть они не могли. Если бы они наблюдали все это день за днем, как теперь терроризм в Белфасте, они утратили бы всякий интерес. При многократном употреблении образ уже не действует. Кому-нибудь захочется сделать фильм об ИРА в Белфасте? Или писать об этом книгу? Люди сыты по горло этим Белфастом. Или как насчет арабских террористов? Назвать «Смерть в Мюнхене»<sup>1</sup>? Во время Второй мировой войны была, конечно, кинохроника, но не очень много, и никаких телекамер на фронте. С тех пор появилось множество удачных фильмов и, по меньшей мере, две книги: «Отныне и вовек» и «Нагие и мертвые»<sup>2</sup>.

Сны – богатый материал для писателя. Много лет назад я прочел книгу Джона Данна «Эксперимент со временем» (1924)<sup>3</sup>. Данн, английский физик, заметил, что его сны соотносятся не только с прошлым, но и с будущим. Однако все, что относится к будущему, не запоминается, если его не записать, поскольку чаще всего кажется тривиальным и незначительным. Потому я взял в привычку записывать свои сны и делаю это уже почти сорок лет. Я начал записывать их задолго до того, как начал писать. За эти годы я действительно

1 5 сентября 1972 года члены палестинской группировки «Черный сентябрь» совершили теракт на Олимпиаде в Мюнхене, его жертвами стали израильские спортсмены.

2 «Нагие и мертвые» (1948) – первый роман американского писателя Нормана Мейлера (1923–2007).

3 Джон Уильям Данн (1875–1949) – английский инженер-авиаконструктор, интересовавшийся проблемой восприятия времени. Его книга «Эксперимент со временем» на самом деле вышла в 1927 г.

нашел довольно много отсылок к будущему; но куда важнее то, сколько персонажей и сцен я получил непосредственно из снов: по крайней мере, 40% моего материала – именно такого происхождения. Выйдя на персонажа, я начинаю составлять его словесный портрет. Например, я встречаю персонажа во сне; затем могу увидеть в журнале снимок похожего на него человека, или же познакомиться с кем-то, его в чем-то напоминающим. Обычно мои персонажи – смесь многих людей: из снов, с фотографий, моих знакомых и довольно часто – персонажей других книг. За много лет я заполнил подобными портретами несколько альбомов.

67

В заключение хочу упомянуть связь между так называемыми оккультными явлениями и творческим процессом. Не все ли писатели, сознательно или нет, работают в этих сферах?

И еще одно. Синклер Льюис говорил: «Если хотите стать писателем, учитесь печатать». Этот совет сегодня кажется излишним. Так что садитесь за машинку и пишите.

## ЧИТАТЕЛЬСКОЕ МАСТЕРСТВО

68 Преподавая писательское мастерство, я начал сомневаться, можно ли вообще научить писать. Это все равно что учить видеть сны. Так что теперь я преподаю читательское мастерство. Несколько замечаний или цитат могут привлечь студента к книге; к тому же умение читать разборчиво – решающий шаг к тому, чтобы научиться писать. Читательское мастерство предполагает активное участие читателя, и первый шаг здесь – критическая оценка.

Мэтью Арнольд<sup>1</sup> сформулировал три вопроса, которые должен поставить и на которые должен ответить литературный критик:

- 1 Какую задачу ставит перед собой писатель?
- 2 Насколько успешно он ее выполняет?
- 3 Стоит ли игра свеч? Достигает ли книга того, что Арнольд называет «высокой серьезностью»?

Итак, какую же задачу ставит перед собой писатель? Многие критики принижают писателя, потому что им не нравится, что он пытается делать, или потому что он не пытается делать что-то другое.

Задайте себе второй вопрос – и вы уже на пути к читательскому мастерству, к полезному упражнению: одной-двумя фразами сформулировать, о чем книга. Возьмите «Челюсти»: большая белая акула пожирает купальщиков и ставит под угрозу туризм.

1 Мэтью Арнольд (1822–1888) – английский поэт, публицист, теоретик литературы.

Опасность бросает вызов. Человек его принимает. Опасность уничтожается главным героем. О чем «Великий Гэтсби»? Бедный мальчик любит богатую девочку. Богатая девочка достается богачу и погибает, стараясь повернуть события вспять и осуществить «последнюю и величайшую человеческую мечту». О чем «Лорд Джим»? Честь утраченная. Честь обретенная.

Теперь встает третий вопрос. Стоит ли игра свеч? Искусство заставляет нас осознать то, что мы знаем, и знание чего не осознаем. Наше осознанное знание, наше эго сравнивали с торчащей над водой верхушкой айсберга. Фицджеральд показывает нам чуть большую часть айсберга, чуть больше скрытых глубин, нежели О'Хара<sup>1</sup>. Он буквально – более глубокий писатель. Гэтсби трогает нас так, как не может тронуть главный герой «Свидания в Самарре».

Читатель-мастер может задать себе еще несколько вопросов: есть ли у писателя слух к живой речи? У многих его нет. Герои Фицджеральда в большей степени определяются авторскими описаниями, чем собственными репликами. У Фицджеральда довольно деревянные диалоги, в которых нет-нет да и блеснет по-настоящему ценная находка – например, когда Гэтсби говорит, что в голосе Дэйзи «звонят деньги». Джон О'Хара, писатель куда менее значительный, обладал превосходным чувством диалога.

Есть ли у писателя особый стиль? Стиль, манера письма, предпочтение одного слова другому, могут быть настолько характерны, что порой достаточно прочесть одну фразу, чтобы понять, кто ее написал: «Дырка во лбу, куда вошла пуля, была с карандаш. Дырка в затылке, откуда пуля вышла, была такова, что в нее можно было засунуть кулак – но небольшой

<sup>1</sup> Джон Генри О'Хара (1905–1970) – американский писатель. «Свидание в Самарре» (1934) – его первый роман.

и только если его хотелось туда засунуть». Кто, кроме Папаши Хемингуэя, мог сочинить эти строки и тем оспорить безоговорочно принадлежавшее Драйдену право на самое чудовищное в английском языке сравнение – потрясающие строки по случаю болезни лорда Хастинга:

*Из каждой оспины слеза текла,  
Оплакивая боль, что принесла.<sup>1</sup>*

70

«В юности он подумывал разводить аллигаторов во Флориде. Но на аллигаторов никогда нельзя положиться». Джейн Боулз<sup>2</sup> – кто же еще?

«Я не ездил верхом с десяти лет, когда моего кошмарного черного пони наконец кому-то отдали. Как я его ненавидел! Однажды он вырвался из стойла и носился по лужайкам и розовым клумбам, оскалив жуткие желтые зубы». Дентон Уэлч, «Первый рейс».<sup>3</sup>

Стиль может обернуться ограниченностью и стать обузой. Пленником своего стиля был Хемингуэй. Как герои Хемингуэя, не говорит никто, кроме героев Хемингуэя. В конце концов, стиль – в самом широком смысле слова – и убил его. «Я бы пристрелил собственную мать, – писал он другу, – будь она уткой, а я бы нашпиговал ее 4-м калибром свинца чисто и красиво».

1 Джон Драйден (1631–1700) – английский поэт, литературный критик, переводчик и драматург. Его первое опубликованное стихотворение было посвящено кончине одноклассника лорда Генри Хастингса от оспы, но в нем поэт метафорически оплакивал казнь английского короля Карла I (1600–30 января 1649).

2 Джейн Боулз (1917–1973) – американская писательница и драматург, жена Пола Боулза.

3 Морис Дентон Уэлч (1915–1948) – английский писатель и художник. «Первый рейс» (1935) – его беллетризованная автобиография, рассказывающая о первых годах жизни в Шанхае.

Папа толкует Папе Голливуд. «В Голливуде можно с честью продать душу. Это здесь все и делают», – говорит он. Его стиль герметичен. Папаше не уйти. Мектуб<sup>1</sup>. Так написано. Продал душу ради сафари. Ради доблестного стейка из антилопы-гну после стаканчика мускулистого мартини. Ради чистой радости от убийства разъяренного носорога. «Да-с, – говорит мудрый старый охотник, попыхивая трубкой, которую прикурил от головешки, – естественное для мужчины чувство».

71

И быстрый выстрел из моего «уэзерби 270» – от бедра к плечу, не очень долгий, но достаточно, едва ли не щелчок, он свалил антилопу-гну за 305 ярдов, бой замерил расстояние шагами, мясо свежее, чистое. Если подстреленной антилопе удастся пробежать хоть три ярда, секреты страха испортят мясо. От него будет *вонять* ужасом и смертью. Гости в смятении отходят от ямы, где оно жарится.

– Quelle est cette bête morte?

– Кто этот мертвый зверь?

То была бесстрашная добыча. Из нее получатся храбрые стейки. И еще там была радость, но другая – тише, степеннее, радость, какую мастер получает от своего ремесла. От такой радости внутри у человека свежесть, как от аромата морских брызг и запаха отваги, что царит на арене во время боя быков...

– Значит, тут главное – смерть?

«Снега Килиманджаро» – несомненно лучшее, если не единственное из написанного Хемингуэем. Одна из лучших на английском языке историй о смерти – о *вони* смерти. Сразу ясно, что автор был там, вынес оттуда эту вонь. Концовка заслуживает особого места среди великих отрывков английской прозы, наряду

<sup>1</sup> Мектуб (*араб.*) – письмо; то, что записано. Имеет дополнительное значение: «предназначение», «предопределение».

с финалом «Мертвых» Джойса и последними фразами «Великого Гэтсби». Летчик показывал: «Белые белые белые насколько хватало глаз – снега Килиманджаро». Слепящая вспышка белого, должно быть, – вот последнее, что увидел Папаша, когда приставил ко лбу двустволку 12-го калибра и спустил оба курка.

Так Папаша продал смерть Голливуду, когда позволил пришить к их отворотной постановке «Снегов Килиманджаро»<sup>1</sup>. Вместо призрачного посланника смерти, который появляется в конце, из Голливуда прибывает реальный говнопилот с пенициллином – как раз то, что нужно для писательской гангрены. А Папаша сидел и смотрел, как его потрошат, да еще и подписался под этим.

– Смотри, улетели! – говорит супружница, махнув рукой туда, где обычно торчали стервятники. Ага, даже стервятники смотались из отвращения к такой распродаже.

На торгах приходится думать о продаже прав. В смысле: вот он продает «Снега Килиманджаро», а это – «Зеленые холмы Африки» с золотым обрезаем. Стоили свеч «Зеленые холмы»? Нет. Если мне захочется этого охотничье-оружейного грузилова, я лучше почитаю «Поле и реку» или «Американский стрелок»<sup>2</sup>. А трагедия тут в том, что из «Снегов Килиманджаро» мог бы выйти великий фильм о Смерти. Хемингуэй умел чують смерть в других. Вот он сидит в джипе с генералом Лэнэмом, для друзей – Баки, а генералов Эрнэ любит. Это хуже, чем любить полицейских.

– Придется мне сменить этого, – говорит Баки.

1 Рассказ Эрнеста Хемингуэя «Снега Килиманджаро» (1936) был экранизирован в 1952 г. американским режиссером Генри Кингом.

2 Американские журналы, посвященные охоте и оружию.

– Нет, Баки, – говорит Эрни, – не придется. Ему не выкарабкаться. От него несет смертью.

Джип подъезжает к штабу полка, и его останавливает подполковник Джон Рагглз:

– Генерал... – говорит Рагглз, козыряя, – майора только что убили. Кто берет первый батальон?

К тому же в «Прощай, оружие!» есть удивительное ощущение, которое возникает, когда покидаешь мертвое тело. У Хемингуэя есть возможность сделать фильм по своей *специальности* – о том, что у него, как писателя, *лучше всего* получается. А он бросает все это ради роскошной охоты. Поэтому, в конце концов, писатель не умирает. Он вернется в Америку, поселится отшельником в одном из известных хижин в Миннесоте и будет писать великий американский роман. Все снаряжение упаковано. На рассвете за ним приедут на джипе. Заходит солнце. Старый мудрый охотник закуривает трубку и указывает горячей головешкой на белую вершину Килиманджаро.

– Никогда не торгуй мечтой, сынок. – Старый охотник машет джипу. – Видишь, он понял, что жизнь важнее смерти. Научился жить скромно – жить ради того, во что верил. Наверное, просто осуществил свою мечту для множества людей. Понимаешь, Эрни хотел *давать* – хотел давать от всего сердца, каждым написанным словом.

Он откупится от смерти набором банальностей – по крайней мере, так ему кажется.

*Кто от Меня, испуг тая  
Летит – тому крылом Я стану.<sup>1</sup>*

Кто это написал? То есть, вдохновением Эрни была Смерть. Покинув его в Голливуде, Смерть забрала с собой и вдохновение. «Оно больше не приходит», –

<sup>1</sup> Строки из стихотворения американского поэта Ральфа Уолдо Эмерсона (1803–1882) «Брахма», пер. Георгия Бена.

стонет он. Остается лишь уважать его за то, что ему хватило мужества так вышибить себе мозги: сколько ни говори, что для жизни нужно высшее мужество, для такого поступка тоже требуется смелость. Меня тошнит от одной мысли. Что и говорить, умер он стильно.

– Сдается, можно было засунуть ступню в то место у него на затылке, откуда брызнули два заряда тяжелой утиной дроби – даже средних размеров ступню, но засовывать ее туда не хотелось.

74

Пожилая дама: Должно быть, очень опасно быть писателем.

Папа: Опасно, мадам, – не многим удается это пережить.

Есть ли в книге запоминающиеся пассажи? Впервые я прочел Дентона Уэлча в 1948 году. Через тридцать лет я перечитал «Первый рейс» и понял, что едва ли не дословно помню некоторые места. Я уже цитировал пример про «кошмарного черного пони и его жуткие желтые зубы».

Или вот конец «Великого Гэтсби»: «Долог был путь, приведший его к этим бархатистым газонам, и ему, наверно, казалось, что теперь, когда его мечта так близко, стоит протянуть руку – и он поймает ее. Гэтсби верил в зеленый огонек, свет неимоверного будущего счастья, которое отодвигается с каждым годом. Пусть оно ускользнуло сегодня, не беда – завтра мы побежим еще быстрее, еще дальше станем протягивать руки... И в одно прекрасное утро... Так мы и пытаемся плыть вперед, борясь с течением, а оно все сносит и сносит наши суденышки обратно в прошлое».<sup>1</sup>

Этот отрывок остается с читателем и становится частью его внутреннего ландшафта, «чем-то соиз-

1 Пер. Е. Калашниковой.

меримым заложенной в нем способности к восхищению».

А герои? Вы их видите? Пока не исчезнет последний читатель книги Фитцджеральда, Гэтсби так и будет смотреть на свои бархатистые газоны, пытаясь различить зеленый огонек на причале Дэйзи. Но вот главного героя «Свидания в Самарре» я не вижу. Я не помню, как его зовут. Он так же реален и быстро забываем, как сегодняшняя газета: «Жертвой пожара стала пожилая женщина. Смерть наступила вследствие отравления угарным газом». К чему этой старушке навязывать кому-то свою смерть? Сомневаюсь даже, что выйдет симпатичный труп.

Честно ли писатель играет с читателем? В этой игре есть определенные правила. Вот две книги, прекрасно демонстрирующие нарушение этих правил.

«Критический порог» Брайана Стэйблфорда<sup>1</sup>. Колонисты, заброшенные на далекой планете, подвергаются воздействию мощного галлюциногена, выделяемого местными бабочками при совокуплении. В результате они полностью лишаются дара речи; произошедшие с ними изменения настолько велики, что прибывший с Земли спасательный отряд внушает им ужас и вызывает сходную с тошнотой реакцию. Очень интересная идея, но автор не смог ее развернуть. Мы так и не узнаем, в чем конкретно состояла эта дивная перемена. Нас заставляют ждать того, что так и не появится.

В «Большом подсолнухе» Клиффорда Стоуна с главным героем в Ницце происходит нечто *странное*. Он не желает об этом говорить. Стало быть, тайна этого

1 Брайан Майкл Стэйблфорд (р. 1948) – английский прозаик, критик и литературовед, специалист по научной фантастике, автор нескольких романов-сериалов, описывающих внеземную жизнь. «Критический порог» (1977) – второй роман из серии о приключениях экипажа космического корабля «Дедал».

*переживания*, ведущего впоследствии к помешательству героя и самоубийству через повешение, читателю так и не открывается. Это как детектив, в котором так и не находится преступник, или фильм ужасов, в котором вам не показывают ужасов. Старинное «ничто на свете не заставит меня рассказать, что я видел в этом мерзком склепе...» (где захоронены останки авторской изобретательности).

А заголовок? Может ли он вас заинтересовать? Вызывает ли он в уме картинку? Хороший заголовок может способствовать продажам посредственной книги, а неудачное название иной раз губит замечательное произведение. «Биологическая бомба замедленного действия» – книга гораздо более информативная, чем «Шок будущего»<sup>1</sup>. Благодаря заголовку, последняя стала бестселлером, а вот о первой быстро забыли. Для «Челюстей» предлагалось более двухсот разных названий.

Придумывайте альтернативные концовки – например, счастливый финал в духе Папы Хэма. Гэтсби женится на Дэйзи, и через двадцать лет мы находим угрюмую пару опустошенных снобов где-нибудь на юге Франции. Дэйзи потихоньку пристрастилась к алкоголю.

– Ты это ищешь, Дэйзи? – Он держит в руке бутылку джина. Ссорятся, всеми правдами и неправдами пытаются заполучить приглашение на прием у герцогини.

Лорд Джим живет дальше и становится легендой, которую превозносят все воскресные приложения:

1 «Биологическая бомба замедленного действия» (1968) – книга Гордона Тейлора, посвященная анализу генной инженерии и угрозе, которую она представляет для структуры современного общества. «Шок будущего» (1970) – первая книга американского футуролога Олвина Тоффлера (р. 1928). Автор описывает коренные изменения в обществе, вызванные стремительным развитием информационных технологий.

вокруг него – XIX век, который в любой миг может закончиться. Грустно показывает он на граффити, намалеванное у него на заборе: *Рули домой, британский рулевой*. Его в дурмане утренней слабости должна была унести с собой стая диких гусей. Очень часто ранняя смерть – величайший дар автора любимому персонажу: Гэтсби и Лорд Джим так и светятся от любви, которую питали к ним их создатели.

Можно перенести персонажа или сюжет в другое время и другое место, неизменно при этом подбирая ему подходящую щелочку. «Сердце тьмы» Джозефа Конрада становится «Апокалипсисом сегодня». В начале вьетнамского конфликта агенты ЦРУ разворачивали действия в глухих деревнях, реквизируют партизанские отряды, внушали благоговейный страх суеверным аборигенам и воспринимались как белые боги. Так ненадолго воспроизводился колониализм XIX века. В этом и есть писательство: путешествие во времени. Поэтому я превратил Дентона Уэлча в главного героя вестерна, который тогда писал.<sup>1</sup>

В этом романе Ким Карсон скрывается в уединенной горной долине, и единственное его развлечение – поэтический сборник в кожаном переплете с золотым обрезом. Тут мы подходим к упражнению, которое я называю *пересеченным чтением*. Где и при каких обстоятельствах вы читали? Что вы читали, когда звонил телефон или вас отвлекло что-то еще? Заметьте точное место в книге, на котором в вашем потоке сознания это произошло: ведь, читая, вы попросту заимствуете авторский поток сознания, поскольку собственное вам наскучило (конечно, если оно у вас вообще есть), – не кусочки и обрывки ли все это, не обрезки и заплатки? Они постоянно кроются обстоятельствами, которые кажутся случайными, а на поверку оказываются в высшей степени значимыми и

1 «Пространство мертвых дорог». – Прим. автора.

уместными. Например, я иду по какой-нибудь нью-йоркской улице – допустим, Элизабет-стрит, только что свернул с Хаустон, миновав «Добровольцев Америки»<sup>1</sup>. Я думаю о Нью-Мексико, поднимаю глаза и вижу машину с номером этого штата. Зачарованная Страна. Подмечайте и записывайте на полях вмешательства и вторжения действительности – они могут быть часты, если вы едете в метро. Я восхищаюсь бестрепетной породой читателей в метро; может статься, они в буквальном смысле прячутся в свои книги. Не знаю ни одного случая нападения на читающего человека. Не далее как вчера в метро молодой негр развалился на двойном сиденье с таким свирепым и нахальным видом, что никто, включая меня, не осмелился предъявлять свои права на пустующее место, но тут молодой человек с огромным томом по математике, технарь технарем, заставил нахала подвинуться и уселся писать свои формулы. Так что для поистине увлекательных пересечений выбирайте метро, хотя залы ожидания и аэропорты – тоже богатейшие месторождения. Там можно просто сидеть, и происшествия будут липнуть к вам, как пыль к синему саржевому костюму.

А поезда – еще лучше, там сидите в полной безопасности, и никакой урод на вас не накинется: «Ты это на кого тут читаешь?»

Только что провел интересный эксперимент. Включаю телевизор, открываю поэтический сборник и читаю несколько строк, подмечая, что происходит на экране. Вхолостую тоже случается, но попадания впечатляют. Стоит попробовать.

«Фиалка пряталась в лесах, под камнем чуть видна». Вордсворт, «Люси». На экране – цветок.

1 «Добровольцы Америки» – первая религиозная благотворительная организация в США, основана в 1896 г. в нью-йоркском трущобном районе Бауэри.

«Как скучно было бы остановиться, ржавея в ножнах не блестя при деле!» Теннисон, «Улисс». На экране пастух объясняет девочке, что ему не хочется быть *привязанным*. Ему по душе постоянно перемещаться, как перекасти-поле.

«Ни разу в жизни камня не поднял». Вордсворт, «Майкл». На экране женщина намазывает руки кремом. Ей камни не таскать.

«Чертополох нам слаще и милей растленных роз, отравленных лилей». Шекспир. На экране модель приятной наружности расхваливает какую-то зубную пасту под названием «ПОЛ», от которой дыхание становится сладким, как долгий поцелуй.

«Все та же буржуазная магия, где бы ни вылезли мы из почтовой кареты!» Рембо, «Исторический вечер». По телевизору идет документальный фильм об автоматизации пассажиропотоков в аэропорту Кеннеди.

«И стынет греза». Рембо, «Бдения». На экране видно, как гаснет свет в Эмпайр-стейт-билдинге.

«Облака собирались над морем, сотворенным из вечных горячих слез». Рембо, «Детство». На экране Артур Миллер рассказывает о смерти этого своего великолепного коммивояжера<sup>1</sup>: тот подох, пытаясь продать какое-то очередное дерьмо по телефону.

«Умрешь ты, и Смерть остановит тотчас... Скорей приходи». Шелли, «К ночи». В новостях – сюжет о психопате, который пытался задушить негра в больнице. Судя по всему, тот же негодяй уже застрелил еще двоих негров, вырезал у них сердца и забрал с собой.

Какой вывод мы делаем из упражнения? Похоже, все наши чувственные впечатления заранее запрограммированы. Мектуб. Так написано. Чик. Чик. Осталось только порезать на кусочки.

1 Самая известная пьеса американского драматурга Артура Миллера (1915–2005) – «Смерть коммивояжера» (1949).

Можно вообразить контекст. Скажем, вы читаете это в XIX веке, в каком-нибудь поселке, затерянном в джунглях. Ваши вероломные слуги незаметно исчезли в ночи.

80

– Али! Мустафа! Куда вы запропастились? – Положив рядом автоматический пистолет, вы устраиваетесь поудобнее и принимаетесь за чтение под стук сигнальных барабанов. Спите, герои, внемля / Хакорум хакорум хакорум, бьют барабаны. Похоже, Рыжего поймали, а мерзостнее ублюдка еще не рождалось на земле. Аллаха злобе вселенской...<sup>1</sup>

– Просто делаем свое дело, и все. Помнится, в Конго придумали давать вознаграждение за негров – сдаешь пару ушей и забираешь деньги. Но тут выясняется, что какие-то жадные до наживы благодетели сердешные просто отрезали неграм уши и отпускали на все четыре стороны, из-за чего программа теряла всякий смысл. Так что потом стали требовать сантехнику – член с яйцами. И Рыжий сидел, считал хуи и выдавал золото. Хотя кто я такой, чтобы критиковать, когда у самого наготове целая корзина этого добра?

Горящие стрелы дождем сыплются на крышу.

Или, допустим, вам шестнадцать, вы только что вырвались из своей частной школы и коротаете каникулы с «Пансионом в Каннах», издание Таушница<sup>2</sup>.

1 Парафраз начальных строк «Оды» (1746) английского поэта Уильяма Коллинза (1721–1759):

Спите, герои, внемля  
Верной любви народной.  
У весны, украшающей землю,  
Пальцы в росе холодной.  
Дерн на могиле вашей.

2 Издательство «Бернхардт Таушниц», выпускавшее недорогую массовую «Библиотеку британских и американских авторов» на английском языке в бумажной обложке и

Какая радость заменит былое светлых чар,  
Когда восторг былой истлел и отпылал пожар? –  
*Байрон*<sup>1</sup>

Разочарование и усталость от жизни – поза, необы-  
чайно привлекательная для молодых и невинных.

Иль запах, что как облако из пыли  
В каморке, про которую забыли  
Сто лет как: прах истлевшего ковра  
На ее лютне, книгах – будто молода  
Принцесса, что давно уж умерла. – *Браунинг*<sup>2</sup>

81

Мальчику все это кажется забавным, и он дурачится с маской-черепом, которую наденет сегодня на маскарад на Вилле Мореск, где сейчас живет большой писатель<sup>3</sup> – здорово, что удалось заполучить приглашение через дядюшку, который служит в Госдепе. Ну и поразит же он их! У него на майке с ребрами напечатано стихотворение, и он все разыграет, как шараду. Вроде как Вилла Мореск – «каморка, про которую забыли», а он *выскочит* оттуда с криком: «будто принцесса!!!» Что давно уж умерла... он надевает маску-череп. Вот он как бы между прочим стягивает трико скелета и майку с ребрами и стоит так во всем блеске беззаботной юности: во рту жвачка, на груди позолотой выведено: «снова молода». С большим вкусом, подумал Одри...

---

предназначенную для англоговорящих путешественников (свыше 5000 томов).

1 «Романс» 1815 г., пер. Вяч. Иванова.

2 Парафраз строк первой песни из «Парацельса» (1864) английского поэта Роберта Браунинга (1812–1889).

3 Вилла Мореск (от фр. «мавританская вилла») – поместье на Лазурном берегу, первоначально выстроенное для исповедника короля Бельгии Леопольда II, а в 1928 г. купленное английским писателем Уильямом Сомерсетом Моэмом (1874–1965).

Вот, значит, Ким Карсон<sup>1</sup> сидит в своем далеком убежище, читает и перечитывает стихи. В перезвоне ледяных потоков ему слышатся рифмы и строфы.

Звезды слушают, как сани, убегая, говорят,  
И, внимая им, горят,  
И мечтая, и блистая, в небе духами парят;  
И изменчивым сияньем  
Молчаливым обаяньем,  
82 Вместе с звоном, вместе с пеньем, о забвеньи  
говорят. – По<sup>2</sup>

В руках у Кима восьмидюймовая форель – он держит ее за хвост и голову, вгрызается ей в спину. Шепот травы и вздохи листьев складываются в стихотворения. Ким вспоминает о недавней гибели Тома: тот попал в засаду, устроенную одним наемным искателем сокровищ по имени Майк Чейз. Придется свести с ним счеты. Тут у него своя бухгалтерия. «Ей в колыбели гробовой веки суждено с горами, морем и травой вращаться заодно»<sup>3</sup>. Вордсворт.

Не странно ли слышать столь категоричное утверждение окончательности человеческой смерти от автора «Обещаний бессмертия»? Как и многие художники, Вордсворт был *чужим*, решил Ким, бессмертным *чужим*, ощущавшим чуждость человеческой смертности. «Черных дней былых невзгод и битв прежних дней»<sup>4</sup>.

На темнеющем небе ему мерещатся строфы «Люси». «Звезда мерцала в небесах – одна, всегда одна»<sup>5</sup>. Ким смотрит на вечернюю звезду, руки в крови после

1 Одри и Ким – персонажи трилогии У. Берроуза «Города Красной Ночи» (1981), «Пространство мертвых дорог» (1983), «Западные земли» (1988).

2 «Колокольчики и колокола», пер. К. Бальмонта.

3 «Люси», пер. С. Маршака.

4 Парафраз строк из стихотворения У. Вордсворта «Одинокая жница», пер. И. Ивановского.

5 Пер. С. Маршака.

чистки рыбы. Что за чувиха была эта Люси? Что у них там было на самом деле – какая-нибудь типично английская мерзость, пыхтение и копошение за ко- ровником?

– Обещай, что не скажешь ничего своей матери, и я дам тебе полкроны.

Ким вдруг подумал: навряд ли. Она была виденьем, как и сам Английский Бард Вордсворт: эта его трость, черная обвислая широкополая поэтическая шляпа, накидка и всякие там «У весны, украшающей землю, пальцы в росе холодной». Коллинз. Ну и мерзавцы эти старые английские поэты!

Она была виденьем *счастья*<sup>1</sup>, эта сладострастная английская лисица, незамужняя толстуха, идеальная пара для высокодуховного литератора, обрекшего себя призраком бродить там, где «остался вереск на холмах, да память о счастливых днях, которых больше нет...»<sup>2</sup>

Чередой почтовых открыток перед Кимом проно- сится совместная жизнь с Томом: «Веселюсь. Жаль, что без тебя».

Добавляем «Люси» к нашему списку. Тут у нас литературная загадка. Кто убил нимфетку, виде- нье поэта? Кто обволок Люси тягучим сумрачным саваном?<sup>3</sup> Или сам поэт пожертвовал смертную лю- бовь бессмертной поэзии?

Этот список книг я считаю своего рода органи- ческой добавкой, призванной неким образом ожив- лять превосходные или заметные работы. Я намерен собрать антологию выдающихся отрывков из книг этого списка – без обычных рубрик, вроде «Смерть – Любовь – Одиночество – Старость»: отрывки будут выстроены по принципу ассоциативной близости.

1 Начальная строка одноименного стихотворения Вор- дсворта.

2 У. Вордсворт. «Люси», пер. С. Маршака.

3 Парафраз строки из «Оды вечеру» Уильяма Коллинза.

Есть такая рыба, она живет в полной темноте на больших глубинах. При спаривании самец физически не отлипает от самки, и она постепенно поглощает его – пока снаружи не остаются только его тестикулы.

«Лорд обернулся и поглядел на Кима. Лицо лорда было непомерно старым, гладким и желтым, похожим на пластичный янтарь под коркой из слоев жесткости, порока и мерзостей: они не давали Киму дышать и стиснули его сердце мягкой слизистой хваткой. Глаза напоминали заполненные стоячей водой шурфы, что уводят во тьму глубин».

Там будут панорамы восходов и закатов, и, само собой, рано или поздно эти антологии будут иллюстрировать репродукциями картин и фотографий. Пока вы не попали в *список*, вы никто. Устало наш читатель скидывает на пол кучу бестселлеров – так, говорят, поступают инспекторы «Мишлена»<sup>1</sup> с неудачным суфле. О да, у нас будут свои инспекторы.

Инспектор – серенький непримечательный замурышка. Оглядывает *вернисаж* и зевает. Затем представляется. Художник и галерейщик стоят и ждут. С жуткой улыбкой он качает головой. Список превратится в целое учреждение со штатом научных сотрудников, библиотекой, музеем и фильмотекой. Будут издаваться бюллетени и финансироваться достойные проекты.

<sup>1</sup> «Красный путеводитель „Мишлен“» – французский ресторанный справочник. Его штатные инспекторы анонимно посещают рестораны, оценивая кухню и обслуживание.

## ДЕСЯТЬ ЛЕТ И МИЛЛИАРД ДОЛЛАРОВ

85

С 1971 года моя главная теория состоит в том, что Слово – в буквальном смысле вирус, и его еще таким не признали потому, что оно достигло состояния относительно стабильного симбиоза с человеком-носителем; иными словами, Вирус Слова (Другая Половина) настолько утвердился как общепризнанная часть человеческого организма, что позволяет себе глумиться над разными бандитами, вроде вируса оспы, и сдает их Институту Пастера. Однако Слово, очевидно, обладает единственным отличительным признаком вируса: это организм, у которого нет иных внутренних функций, кроме самовоспроизводства.

Своим друзьям-буддистам, в том числе Аллену Гинзбергу, я задавал такой вот несложный вопрос: с кем вы на самом деле беседуете, когда «разговариваете сами с собой»? Не претендуя на полное понимание сущности Слова, я предположил, что такое понимание позволяет перекрыть внутренний диалог, вычистить Слово. Аллен ответил, что за много веков буддисты разработали методы, именно для этого и предназначенные; это запросто. Я не проверял эти методы, так что сказать не могу. Но мне хотелось получить *ответы*: похоже, за те три тысячи лет, что буддисты с этим возились, они не предложили ни одного. Я предложил тогда и предлагаю сейчас: дайте мне десять лет и миллиард долларов на исследования, и я добуду *ответы* на вопрос Слова.

Но у меня нет миллиарда долларов, и может не оказаться десяти лет, так что пока я разработал ряд собственных методик. Во-первых, признал в письме действие магическое, а поскольку такие действия всегда нацелены на достижение определенных результатов, мы подходим к исследованию целей письма. Не забывайте, письменное слово есть образ; изначально письмо было пиктографическим, так что живопись и письмо одно время были едины. С исторической точки зрения, они не разделяются, пока не появляется в высшей степени стилизованная пиктографическая письменность наподобие египетской, а ее разработали, конечно же, гораздо позже. Первоначальная идея, из которой развилась письменность, состояла всего лишь в нанесении на стену пещеры определенных изображений и сцен – охоты и зачастую так называемых порнографических рисунков. Изначально их задачи были ритуальными или магическими, а когда произведение отделяется от своей магической функции, оно теряет жизнеспособность. То есть когда племя начинает делать кукол для туристов, его больше нет. То же с бестселлерами: сплошные долины кукол<sup>1</sup> и акульки зубы на потребу туристам. На них можно заработать, но никакой магии. Если не ошибаюсь, Дали говорил, что мерой гения является золото, и я согласен: художникам следует платить по крайней мере не меньше, чем водопроводчикам.

Журналистика гораздо ближе большей части художественной литературы к магическим истокам письма. То есть, по крайней мере, несколько фигур в этой области – например, покойные Херст и Генри Люс<sup>2</sup> – совершенно ясно и с полным осознанием

1 Имеется в виду бестселлер 1966 г. американской писательницы Жаклин Сьюзанн (1918–1974) «Долина кукол» («куклами» в то время на слэнге назывались барбитураты).

2 Генри Робинсон Люс (1898–1967) – американский медиамагнат и издатель.

рассматривали журналистику как магическое действо, предназначенное для достижения определенных результатов. А техника тут магическая; у газет и журналов по большей части это черная магия. Втыкают булавки в чей-нибудь образ и затем предъявляют его миллионам. Если у вас есть газета, вы видите, как легко вставлять в нее несуществующие события; это делалось и делается постоянно – по большей части в «Тайм». Начать с того, что они на неделю опережают события, буквально сочиняют новости прежде, чем они случились; потому и печатают столько ложных утверждений, которые затем приходится опровергать. И даже если вы добиваетесь от них опровержения, сколько прочитавших ложную заметку прочтет ее опровержение? Об этой все слышали: появилось сообщение про каких-то хиппи – закинувшись ЛСД, они долго пялились на солнце и в результате ослепли. Потом вышло опровержение: история оказалась уткой. Но гораздо больше людей видели статью, а не опровержение, так что история ходит по сей день и ей верят.

В доме Уильяма Рэндолфа Херста в Сан-Симеоне<sup>1</sup> было два правила. Во-первых, все гости мистера Херста должны были выходить к обеду вне зависимости от настроения или состояния. Это легко понять – иначе гости будут валять дурака по своим комнатам, потешаться над причудами хозяина, и он утратит контроль над ситуацией. Старый армейский прием: переключка. И правило номер два: в присутствии мистера Херста запрещалось произносить слово Смерть. У этого правила – хорошее магическое обоснование: мистер Херст сам играл Смерть. Играть Смерть означает, что в любой момент вы должны быть способны воздействовать

<sup>1</sup> Под местечком Сан-Симеон, Калифорния, находится поместье магната, т. н. «Замок Херста», строительство которого длилось с 1919 по 1947 г. В 1957 г. «Корпорация Херста» подарила его штату.

на прочих, но им никогда нельзя позволять воздействовать на вас. Спустись кто-нибудь к обеду в костюме скелета, старик утратил бы свое положение.

88 В чем же разница между Херстом и писателем? Имеется в виду, настоящим писателем – как Беккет, Жене, Джойс, Хемингуэй, Конрад, Фицджеральд, Кафка... разница видна сразу: можете представить себе писателя или художника, которого пугало бы слово СМЕРТЬ? Я не могу. Писатель, который боится его услышать, – не писатель. Это может означать лишь одно: он пытается играть Смерть, но сомневается в своих полномочиях; точно так же полицейский-самозванец старается избегать встреч с настоящим легавым. Еще одно отличие – в ответственности. Жене говорит, что писатель возлагает на себя непосильное бремя ответственности за создаваемых им персонажей. Они – его творения, и он за них отвечает. Журналисты, напротив, не несут ни малейшей ответственности за своих героев. Пусть себе идут и угоняют самолет, убивают пять женщин в Аризоне, устраивают покушение на президента – и что с ними будет потом? А кого это волнует? Вся разница – в отношении.

Я дал своим студентам несколько упражнений на заточку писательского восприятия, чтобы они сами исследовали природу слова и образа, когда те проявляются в каналах ассоциаций. Больше всего реакций вызвала и самые интересные результаты принесла Прогулка. По сути, упражнение состоит в том, чтобы гулять, воспринимая все, что попадает. Первоначальная версия принадлежит одному старому мафиози из Колумбуса, штат Огайо: он учил меня замечать людей на улице раньше, чем они заметят меня. Позанимайтесь так некоторое время где угодно, и вскоре начнете встречать других таких же игроков. В принципе, если вы видите другого до того, как он видит вас, он вас *не* увидит. В Танжере

у меня даже получалось проскакивать так через целый квартал местных гидов и чистильщиков обуви, за что я и удостоился своего марокканского прозвища – El Hombre Invisible<sup>1</sup>. Еще одна версия упражнения: просто не давать никому повода на вас смотреть. Рано или поздно, тем не менее, вас кто-нибудь увидит. Попробуйте угадать, почему он вас увидел – о чем вы думали, когда он увидел ваше лицо?

Другое весьма действенное упражнение – гулять по цветам. Попробуйте вычленив все красное на улице, сосредоточивайтесь исключительно на красных предметах – кирпичах, огнях, свитерах, вывесках. Потом переключитесь на зеленый, синий, оранжевый, желтый. Обратите внимание, как цвета вдруг сами собой становятся резче. Однажды я гулял по желтому и неподалеку от угла 94-й улицы и Сентрал-Парк-Уэст заметил желтый джип-амфибию. Он назывался «Тварь». Потому я вспомнил Тварь, которую знал в Мексике.. Почти семи футов ростом, играл Тварь в одноименном фильме ужасов, потому его так и звали, хотя его настоящее имя – Джеймс Арнесс<sup>2</sup>. За двадцать лет я ни разу не вспоминал о нем и так бы и не вспомнил, если бы не гулял в тот конкретный момент по желтому.

Мне тут же пришла на ум история о кошмарных мексиканских выходных, которую рассказал мне тогда Келлз Элвинс. Келлза, его жену и Тварь пригласили в загородный дом к одному богатому мексиканцу, и те, предвкушая бассейны, роскошь, вкусную еду и дорогие напитки, на свою беду согласились. Приехали в совершенно пустой каменный замок, где даже

1 Человек-невидимка (*исп.*).

2 Джеймс Арнесс (р. 1923) – американский актер, сыграл Тварь в фантастическом фильме американских режиссеров Кристиана Найби и Говарда Хоукса «Тварь из иного мира» (1951).

мебели толком не было, и пьяные мачо – *шуу мачо*, много мужика, стало быть – и подонка много, – так вот эти мачо палили по перепуганным кошкам из пистолетов 45-го калибра с перламутровыми рукоятками, а кошки металась туда-сюда, пытаясь сбежать, но безуспешно, потому что все двери были заперты, и пули рикошетили по всему замку. Гораздо опаснее для наблюдателей: кошки меньше и бегают быстрее. Этот 45-й – один из самых неточных видов стрелкового оружия, что есть на рынке, а мачо были пьяны до беспамятства, так что, естественно, Келлз, его жена и Тварь склонялись к тому, чтобы поскорее свалить из замка, но поняли, что их, как кошек, заперли. Эти мачо – пять футов шесть дюймов на каблуках – возненавидели Тварь, потому что он выше ростом. Так что они держали его на прицеле, а сами по очереди плевали ему в лицо выпивкой.

Эта и многие другие мексиканские сцены – Городской колледж Мехико, 1950 год – промелькнули передо мной, как кино; временами картинка тусклая и зернистая, иногда – в «Техниколоре», и все – благодаря этому желтому джипу-амфибии.

Мне вспомнилось описание Тунских войн<sup>1</sup>, некогда случавшихся в нью-йоркском Китайском квартале: китайцы-боевики с «кольтами» 45-го калибра рассаживались на корточках у Кровавого угла на Дойерс-стрит напротив Китайской лютеранской церкви Света, зажимались крепко-накрепко и молотили, пока патроны не кончатся. И те старые пули со свистом носились по всей улице.

«Лютеране Света – на мгновение я оказываюсь перед дверью баптистской церкви на острове Сент-

1 Тун (тань или тонь) – братство или тайное общество взаимопомощи в городских китайских общинах в США. В начале XX в. считалось формой организованной преступности. Войны между китайскими бандами происходили в этом районе в 1870–1930-х гг.

Джон в Вест-Индии. Потрескавшаяся белая краска пузырится и отстает от стен. Пахнет фруктами, сахаром и жарой, но тут длинная тугая воронка нью-йоркского ветра засасывает меня обратно в сегодня». (Это цитата из работы студента, который слушал мой курс по писательскому мастерству в 1974 году в Нью-Йоркском городском колледже). При таких прогулках буквально путешествуете во времени по ассоциативным каналам.

Так что на следующий день я отправился на прогулку в китайский квартал, и вот что я увидел... белесые потоки зимнего солнца полоса предвечернего света пробивающаяся сквозь щель меж зданиями пятна крови на его белой рубашке и робе похоже он никак не связан ни с землей ни с чем либо еще... он бросает взгляд направо потом налево и его слишком уж старое нутро испускает подозрительные желтые лучи... снаружи холодно и ветрено и когда я вхожу через турникет какой-то парень через него выходит лицо с отвисшим подбородком волосы и лицо сероватые *la vía del tren subterráneo está peligrosa*<sup>1</sup> слушайте полицию я долго не был в Нью-Йорке не трогай кошку а то подхватишь какую-нибудь заразу э солнышко хочешь жену бросить наверное китайцы и впрямь любят свинину смотрю только на ноги хорошо так путешествовать он так и дышит бесплодием и проецирует себя вне того что хочет пронизательным понимающим взглядом и глазные яблоки исподтишка – могу столкнуть его на рельсы как бы между прочим ебливый ублюдок так и пялится в лицо на волосы на ширинку бриллианты и по сей день лучшие девушкины друзья можно еще четвертачок? в фильме слишком много насилия отойдите от движущейся платформы о да у китайской кухни еще учиться и учиться по соседству бабло кончается слушай они

91

1 Подземный участок путей опасен (исп.).

померли сто лет назад пальто и люди мазком ветер  
стучит повсюду вывесками лязгают какие-то обломки  
на пустыре пыльной витрины продаются брюки пи-  
саю в черную лужу за каменным углом неловко вдруг  
меня увидят синие джинсы вожделенно пялятся на  
меня вам интересно откуда я знаю каково вам быть  
может не бывает совершенно чужих людей...

Слово – это вирус.

## ОНО ПРИНАДЛЕЖИТ ОГУРЦАМ

93

Есть свидетельства, что при магнитозаписи, сделанной без явного входного сигнала, на пленке возникают непонятно откуда взявшиеся голоса. «Голосовые явления создаются магнитофоном и микрофонами, расположенными обычным образом и использующими чистые пленки. При записи не слышно и не производится никаких звуков, но при воспроизведении раздаются слабые голоса неизвестного происхождения» («Справочник паранормальных открытий», 1975). Графические диаграммы речи и спектрограммы голоса наглядно подтвердили, что это действительно записанные голоса. Самые полные сведения об этом содержатся в книге Константина Раудива<sup>1</sup> «Прорыв», 1971.

Эти голоса – вполне подходящая тема для Школы Развоплощенной Поэтики имени Керуака<sup>2</sup>. Перед тем как перейти к экспериментам Раудива, я опишу опыты, которые Брайон Гайсин и Иэн Соммервилл проводили за двенадцать лет до издания «Прорыва» – на самом деле, даже до того, как он был написан. Эти опыты начинались не на магнитофонах, а на бумаге.

1 Константин Раудив (1906–1974) – шведский психолог латвийского происхождения, ученик Карла Юнга, исследователь «феномена электронного голоса».

2 Школа Развоплощенной Поэтики имени Джека Керуака – отделение поэтики Университета Наропа в Боулдере, Колорадо, основанное Алленом Гинзбергом и Энн Уолдмэн в 1974 г.

В 1959 году Брайон Гайсин сказал: «Литература на пятьдесят лет отстаёт от живописи» и применил технику монтажа к словам на странице. Эти эксперименты с нарезками были опубликованы в 1959-м в книге «Остались минуты».

После чего мы нарезали Библию, Шекспира, Рембо, нашу собственную писанину – все, что оказывалось под рукой. Мы сделали тысячи нарезок. Когда вы разрезаете и переставляете слова на странице, появляются новые слова. И слова меняют смысл. Слово «призванный» (например, в армию), вставленное в контекст чертежей или договоров, даёт совершенно иной смысл. Новые слова и изменённые смыслы заложены в самом процессе нарезки, их можно предугадать. Однако появлялись и неожиданные результаты. Если долго экспериментировать с нарезками, некоторые разрезанные и перемешанные тексты словно бы говорят о будущих событиях. Я разрезал статью, написанную Джоном Полом Гетти<sup>1</sup>, и получил: «Нехорошо судиться со своим отцом». А год спустя один из его сыновей подал на него в суд. В 1964-м я сделал нарезку и получил то, что казалось в то время совершенно необъяснимой фразой: «И вот мерзкий кондиционер». В 1974-м я поселился в мансарде со сломанным кондиционером, который разобрали, чтобы поставить новый. У меня на полу лежало триста фунтов сломанного кондиционера. Как от него избавиться? Мерзкая проблема, тяжёлая и огромная, возникла из нарезки десятилетней давности.

Следующим этапом были нарезки магнитозаписей. Брайон первым сделал этот очевидный шаг. Первые магнитофонные нарезки были простым продолжением нарезок на бумаге. Записываете, скажем, десять минут на магнитофоне. Затем мотаёте плёнку назад

<sup>1</sup> Джон Пол Гетти (1932–2003) – английский миллиардер-филантроп.

или вперед без записи. Остановите произвольно и врежьте фразу. Насколько произвольно это «произвольно»? Мы знаем так много, что сознательно можем и не знать: врезка, возможно, и не была произвольной. Конечно, такая манипуляция с магнитозаписью создает новые слова посредством переменного сопоставления, как новые слова создаются при помощи нарезок на бумаге.

Мы продолжали исследовать возможности магнитофона – нарезали, замедляли, ускоряли, воспроизводили задом наперед, замеряли пленку, проигрывали несколько дорожек сразу, микшировали две записи. Когда экспериментируешь с замедлениями, ускорениями, накладками и прочим, сразу получаются новые слова, которых не было на первоначальных записях. Стало быть, существует множество способов нанесения на пленку слов и голосов, которые не попадают туда при обычной процедуре записи, – слов и голосов, которые вполне определенно и отчетливо распознаются множеством слушателей. Слова и голоса я получал, записывая собачий лай. Не сомневаюсь, с дельфинами можно добиться большего. Слова появятся на записях капающих кранов. На самом деле почти любой звук, если он не слишком монотонен, может производить слова. «В каждом порыве бриза мне слышится Луиза<sup>1</sup>... Сами ветви деревьев, стучавшие в окно, словно бормотали *убей, убей, убей*». Что ж, ветви, возможно, и в самом деле это бормотали, а услышать такое можно через магнитофон. Все, что слышно и видно, появляется для того, чтобы его слышали и видели.

Однажды пришел ко мне молодой человек и сказал, что ходит с ума. Уличные вывески, подслушанные разговоры, радиопрограммы, казалось, неким

1 Строка из песни Лео Робина и Ричарда Уайтинга «Луиза».

образом с ним соотносятся. Я сказал ему: «Конечно, они с вами соотносятся. Вы же их видите и слышите». Через несколько лет мы с Иэном Соммервиллом и Стюартом Гордоном очутились на рю де Винь, неподалеку от Пляс де Франс в Танжере. Впереди шла пара немолодых арабов – очевидно, деревенские бедняки, горцы. И один повернулся к другому и сказал: «Что ты собираешься делать?»

Мы все это слышали. Возможно, арабские слова случайно так прозвучали. Возможно, это был случай согласованного сканирования. У меня был приятель, который в Танжере «спятил». Он улавливал в арабских радиопрограммах послания самому себе. Это – более субъективное явление индивидуальных паттернов сканирования. Я говорю «более», чтобы не предлагать альтернативу либо/либо или субъективный/объективный, поскольку все явления – как субъективны, так и объективны. В конце концов, человек ведь слушал радио.

Теперь рассмотрим экспериментальный метод Раудива. Опыты проводились в звукоизолированной студии. Запускали новую чистую пленку и включали запись. Затем пленку перематывали, экспериментатор слушал в наушниках, и на пленке оказывались записи вполне различных голосов и слов. Раудив записал 100 000 фраз, произнесенных этими голосами. Речь звучит со скоростью, почти вдвое превышающей обычную, ритмически пульсирует, точно стихи или песнопение. Голоса – с различными акцентами и на разных языках, фразы зачастую строятся грамматически неправильно... «Ты я друзья. Где остановился?» – похоже на речь мальчика-проститутки в Танжере. Прочитав образцы голосов в «Прорыве», я был поражен многими приметами характерного стиля, свойственного речи шизофреников, сходством с высказываниями во сне, нарезками и бредом, вроде

последних слов Голландца Шульца<sup>1</sup>. Многие голоса исходят якобы от мертвых. Гитлер, Ницше, Гёте, Иисус Христос – люди известные, но у многих умственные и творческие способности заметно ухудшились. Гёте – не таков, каким был раньше. Гитлер при жизни говорил грубее и больше. На каком-то уровне процедура записывания голосов – разновидность изоэлектрического электронного спиритизма, а спиритизм – один из аспектов экспериментов с нарезками, которые я описал. Самый надежный способ связаться с кем-нибудь – разрезать и переставить его собственные слова. Конечно, это лучше обычного балагана, когда объявляют Шекспира, а читают какие-нибудь невыносимо дрянные вирши. Существует ли на самом деле связь с мертвыми – вопрос чисто теоретический. Пока этого никто не смог доказать или опровергнуть.

Я уже отметил стилистическое сходство голосов, записанных Раудивом, приснившейся речи, шизофренической речи, слов, произнесенных в бреду, и нарезок. Это не относится ко всему материалу в этих категориях – зачастую он может быть совершенно банальным и непримечательным. Например, в книге Раудива часто повторяется фраза: «Натопите баню, едет общество». Это не эзотерический шифр, а просто отсылка к латышскому обычаю. Когда ждут гостей, кто-то идет в баню и растапливает печь. Это – вопрос выбора материала: что стилистически интересно, а что может содержать обращения личного или пророческого значения. Вот несколько примеров приснившейся речи из записей моих собственных снов:

«Мы можем выйти, когда тени лягут на трещины. Здесь вам нужны черные деньги. У нас все еще нет

<sup>1</sup> Голландец Шульц (Артур Флегенхаймер, 1902–1935) – нью-йоркский гангстер 1920–30-х гг. Его предсмертный бред, записанный полицейскими, использован в киноромане У. Берроуза «Последние слова Голландца Шульца» (1969, рус перевод. 2004).

существительных. Вам нравится проваливать или патрульные машины? Символ черепа и символ мыла крутятся на одной оси. Неужто лед неспособны хранить? Инспекторство Канады барабанит в дверь. Полагаю, вы думаете, что Миссури – болван. У вас военно-воздушный аппетит. Медвежья берлога – в Чикаго. Подсознание, имитированное ватрушкой. Банка томатного супа в Аризоне. Где голые трубадуры стреляют наглых бабуинов. Зеленый – это мужчина, наполнять – это мальчик. Я могу взять лачугу где угодно. Книга под названием „Продвинутый беспредел“. Астронавт по фамилии Платт. Первая американская пристрелка к Марсу. Жизнь – мерцающая тень с насилием до и после. Хороший неудачник всегда уступает контроль, ибо какая ситуация без контроля, как тут озираться».

А вот два примера сновидческого жаргона: унция героина – это «пляж». «Верблюдить» – на сновидческом жаргоне «ебаться». К сожалению, у меня нет под рукой примеров шизофренической речи. Помню только два: «Со мною творят докторство». Стилистически похоже на «инспекторство Канады». И: «Радиус радиус... этого довольно».

А вот некоторые фразы из книги Раудива. Они здесь приведены вне так называемого минимального контекста иллюстрации ради: «Восторги здесь немертвые. Тут прощелыги. Мы здесь из-за вас. Нам всем не терпится пойти домой. Политика, здесь смерть. Возьмите с собой могилу. Идет жуткий снег. Мы видим Тибет в бинокли народа. Дайте подкрепление. Уменьшите стопор. Иногда только родина любит. Я дорогой. Мы начеку, стража многочисленна. Вы принадлежите, вероятно, огурцам. Телефон с товарищем сдерживания. Трудно в поезде «А». Прикрывающий огонь. Шлите приказы. Вы без драгоценностей? Здесь идет лекция. Мы уже привыкли к нашим больным. Выходите из позиции защиты. Нужна скорость. Оставьте на полной

передаче. Покончено с по видимости очевидным. Прошу использовать студию, предположенную вам. Фауст, доброе утро. Я требую наши полномочия. Это теткин язык. Удостоверение личности. Разрешено. Пистолет – наш человек. Это действует. Даже волки здесь не задерживаются. В битву. Долгая жизнь пролетает. Мы запаливаем. Здесь плохо. Здесь птицы горят. Пахнет действующей смертью. Образованный вандал, деянье будущего. Поверьте. Разделено. Здесь вечность. Далеко существует. Вы контракт. Вы в соли? Мы повсюду искали людей. Ах, хорошо, море. Профессор небытия, тело – свидетельство духа. Естественный ключ. Мы здесь язык. Доктор на рынке. Добрый вечер, приятель наш, вы делаете мумии на заказ? Этого недостаточно. Причина подана. Неудачно позвали. Это действует даже в середине. С биноклями на границе, вам все же нужно принести нашу одежду. Приготовьте брюки в бане. Почему вы немец? Очистите землю. Новая Германия. Гитлер – хорошая паразитирующая гнида. Вы крали с ним лошадей? *Yo siento*<sup>1</sup>. Мудаки. *Buena cosa*<sup>2</sup>, чувак. Привлеките дух к *plata*<sup>3</sup>. Спешите делать флейты. Факты нас видят. Я практически здесь. Удачный переход. Земля распалась».

Комментарий: «Мы видим Тибет в бинокли народа». В 1970 году, когда делались эти записи, я написал рассказ о китайском патруле, который обнаруживает, что тибетский монастырь захвачен ЦРУ, чтобы испытать радиоактивный вирус... «Янь Ли осматривал деревню в полевой бинокль...»

«Вы принадлежите, вероятно, огурцам». Не знаю, многие ли из вас знакомы с термином, которым обозначали ЦРУ: «фабрика солений». «Он работает на фабрике солений» означает, что он цээрुшник.

1 Я чувствую (исп.).

2 Хорошая штука (исп.).

3 Серебро (исп.).

По-моему, определение встречалось в «Тайме» или «Ньюсуике». Ну, солят огурцы, так что не будет большой натяжкой утверждать, что под «огурцами» подразумевается ЦРУ.

«Телефон с товарищем сдерживания». Следите за тем, что говорите по телефону, – огурцы подслушивают.

«Вы без драгоценностей?» Возможно, имеются в виду лазеры на драгоценных камнях.

100 «Повяжите смерть – Повинуйтесь смерти». Сродни последним словам Голландца Шульца: «Я не хочу гармонии. Я хочу гармонию».

«Вы в соли? Мы повсюду искали людей». Соль может означать любой предмет первой необходимости. В данном случае, раз голоса отделены от телесной оболочки, имеются в виду, вероятно, человеческие тела. Ваша кровь, как известно, имеет солевое содержание морской воды – «Ах, хорошо, море». А, скажем, фраза «Вы в крови?» изобличит вампиров.

«Вы крали с ним лошадей?» Немецкая поговорка, означающая «Вы ему доверяете?»

«Привлеките дух к *plata*». Раудив считает это выражение необъяснимым. Очевидно, он не знал, что *plata* на испанском жаргоне означает деньги.

«Удачный переход. Земля распалась». Несколько лет назад ученые разработали проект космического корабля, приводимого в движение атомными взрывами. Что ж, затем и землю взорвать можно – вперед, к более здоровым областям.

Публикация «Прорыва» в Англии вызвала заметное волнение. Один из редакторов, Питер Бэндер, позднее издал книгу «Голоса с пленок», где описывал реакцию английской публики. Были статьи в прессе, радио- и телепрограммы, много выступлений за и против. Некоторые возражали: если это голоса мертвых, те, видимо, обитают не в небесных сферах, а в космическом аду. Следовательно, голоса могут быть обманчивыми,

пристрастными, даже явно злонамеренными. Ну а чего они ожидали? Хора ангелов с дельными советами по фондовой бирже? Другие утверждали, что контакт с голосами опасен, ссылались на черную магию и вызывание нацистскими лидерами низших астральных существ. Статья, написанная парапсихологом Гордоном Тёрнером, служит типичным примером лозунга «опасно для непосвященных». Статья Тёрнера была ответом на статью некоего Кэсса, который утверждал: «Если между этим и следующим миром открыта дверь, массы людей, вооруженных дешевыми радиоприемниками и гонконгскими магнитофонами за пять фунтов, в нее проникнут, невзирая на Гордона Тёрнера, Папу Римского и правительство».

101

А вот Тёрнер: «Я уверен, что „Прорыв“ не нужно было издавать. Неужели [Кэсс] считает, что любой человек может, не рискуя, подвергнуться такого рода влиянию? Неужели он не догадывается, насколько опасно это может быть?» Опасно кому, собственно? Когда начинают говорить об опасности предоставления знаний о парапсихологии широким массам, такие люди, как правило, пытаются монополизировать эти знания. По-моему, лучшая гарантия против злоупотребления знанием – его широкое распространение. Чем больше людей знает, тем лучше.

Для объяснения голосов Раудив предлагает три теории: 1) их каким-то образом запечатлевает на пленке электромагнитная энергия, порождаемая бессознательным исследователей или людей, с ними связанных; 2) голоса – вземного происхождения; 3) голоса исходят от мертвых. Затем он отказывается от первого пункта – теории запечатлевания, – ибо она «технически невозможна». Мне же кажется, что мы работаем в области, где определение «технически невозможно», с точки зрения того, что мы знаем о магнитной пленке и о том, как звуки и голоса обычно запечатлеваются на ней, более не применимо.

Помните, что ваш банк памяти содержит записи всего, что с вами когда-либо случалось, включая, разумеется, ваши собственные слова. Нажмите определенную кнопку, и прозвучит выпуск новостей, который вы слышали десять лет назад. Под гипнозом люди в подробностях вспоминали разговоры и события, происходившие давным-давно, и это подтверждают свидетели. Загипнотизированные могли вспомнить в точности, что говорили им врачи и медсестры при операции, а такое воспоминание, особенно если оно угрожающего или унижительного толка, может крайне расстроить...

- Одно точно – выглядит он неважно.
- Кровавая каша...
- Зашейте ее, этот случай неоперабельный.
- Зажимы, сестра, кровь хлещет, как из свиньи.
- Приготовьте пациента к инъекции в сердце.
- Всем ставлю выпить, он содохнет на столе.

Эти безответственные замечания записываются и хранятся в банке памяти пациента в таком объеме, что могут сделать его больным навечно. В рождественском выпуске «Эсквайра» за 1971 год была статья под названием «Шок будущего»: доктор Чик – который ставил гипнотические опыты на послеоперационных больных и обнаружил, что они запоминают каждое слово и звук в операционной, – советовал, чтобы во время операции соблюдалась тишина. Ибо то, что пациент слышит при операции, добавляется ко всем его пленкам с записями страха, боли, беспомощности и враждебности, всех ужасных, пугающих, омерзительных вещей, с которыми он когда-либо сталкивался во сне или наяву, в сознательном или бессознательном состоянии с момента своего зачатия.

Каждый человек, с которым вы когда-либо общались, пусть и очень коротко, сохранился на киноплёнке и магнитофонной ленте. Посмотрите эти звуковые фильмы – и начнете замечать, что определенные

слова и символы всплывают снова и снова. Грубый продавец в Гонконге весьма похож на грубого продавца в Нью-Йорке, и оба произнесли одну и ту же фразу, сообщая, что у них нет того, что вам нужно: «Никогда про такое не слышал».

Чем больше вы смотрите, тем больше сходство со старым заезженным фильмом – приятные голоса и злобные голоса, хорошие парни и плохие парни, все та же игра в войну от каменного века до бесконечности...

103

«Мы мужчины или беззубые старцы? До каких пор грязным замбезийцам будет позволено грабить наши рыбные угодья?»

«Как свободные люди, мы не можем просто стоять и смотреть». Пора хорошенько прятаться – и чем глубже, тем лучше. «И я говорю России – опасайся ярости терпеливого»<sup>1</sup>. Удачный переход. Земля распалась. Старые пленки войны. У всех нас есть миллионы часов таких записей, даже если мы никогда ни из чего не стреляли. Пленки войны, пленки ненависти, пленки страха, пленки боли, пленки счастья, пленки печали, смешные пленки – все они крутятся в бетономешалке голосов.

Раудив отвергает второе альтернативное объяснение голосов (что они вземные), поскольку они «слишком банальны». Что ж, нет оснований думать, будто на банальность у нас монополия. Его доводы – пример ошибочного подхода или-или. Категорически исключив первое и второе, он останавливается на Номере 3: голоса исходят от мертвых. Я мог бы предложить другие возможные объяснения: голоса – воспроизведение записей, хранящихся в банках памяти экспериментаторов.

<sup>1</sup> Вторая часть реплики – фраза английского поэта и драматурга Джона Драйдена (1631–1700) из сатиры «Авессалом и Ахитофель» (1681).

А психиатры говорят нам, что любые голоса, которые человек слышит у себя в голове, там и берут свое начало, и у них нет и быть не может инородного источника. Вся психиатрическая догма, заключающаяся в том, что голоса есть порождение больного рассудка, подвергнута сомнению голосами внешнего происхождения, которые объективно и наглядно отображены на пленке. Так что люди с расстройствами психики быть может, настраиваются на глобальную и межгалактическую сеть голосов, причем некоторые используют вполне изощренное электронное оборудование. Оно принадлежит, вероятно, огурцам. Пятнадцать лет назад опыты в Норвегии показали, что голоса могут проецироваться непосредственно в мозг субъекта с помощью электромагнитного поля вокруг головы. В то время эксперименты находились в начальной стадии. Так что все мы, возможно, ходим под магнитным куполом предварительно записанных слов и изображений, а Раудив и другие экспериментаторы попросту подключаются к этим записям.

Смогли бы вы с помощью нарезок, наложений, скремблирования и микширования оборвать и уничтожить предварительные записи вашего собственного будущего? Можно ли стереть или изменить все предварительно записанное будущее человеческой расы? Не знаю – посмотрим. И не позволяйте старым льстивым голосам оттеснять вас... «Есть определенные вещи, сынок, которые людям знать не дано...» *типа что мы делаем...* «Сынок, ты б рухнул замертво от одного запаха фабрики солений и других подобных фабрик в других странах». Сделайте из него омлет, пока он не вылутился. *Что это?* Карты у него в руке – одна из невыносимых тайн, и другие игроки не видят их, а он сгребает фишки и говорит, что фишки – это его карты, миллиард на столе.

## ПАДЕНИЕ ИСКУССТВА

105

Несколько лет назад в Лондоне я спросил Джаспера Джонса<sup>1</sup>, в чем заключается смысл живописи, чем на самом деле занимаются художники? Он парировал встречным вопросом: в чем смысл писательства? Тогда у меня не нашлось слов; а сейчас у меня есть ответ: Предназначение писательства в том, чтобы заставить событие произойти.

То, что мы называем «искусством» – живопись, скульптура, литература, танец, музыка – по своему происхождению магическое. То есть первоначально использовалось с ритуальными целями для достижения вполне определенных результатов. В мире магии ничего не происходит, пока кто-то не захочет, чтобы оно произошло, и существуют конкретные магические формулы для концентрации и направления воли. Художник пытается осуществить что-то в мозгу зрителя или читателя. Когда расцвел стиль живописи «коровы на лугу», ответ на вопрос «В чем смысл такой живописи?» был очень прост: осуществить нарисованное в уме зрителя, заставить его обонять коров и траву, слышать пастуший рожок. Влияние искусства не менее убедительно, когда оно косвенно. Оставим бунты, пожары и аварии журналистам. Влияние искусства заключается в широкомасштабном культурном воздействии. Джек Керуак, Аллен

<sup>1</sup> Джаспер Джонс (р. 1930) – американский художник нео-дадаист.

Гинзберг, Грегори Корсо – бит-поколение – написали всемирную культурную революцию. Вспомните, двадцать девять лет назад непристойные слова не могли появиться на печатной странице. Теперь же, с падением цензуры и освобождением Слова, «Нью-Йорк Таймс» печатает ругательства, произнесенные Президентом Соединенных Штатов.

Мы можем проследить огромное косвенное воздействие написанного слова; а как быть с косвенным влиянием живописи? Я уже вспоминал, как в 1959 году Брайон Гайсин сказал, что литература отстает от живописи на пятьдесят лет, и перенес метод монтажа в письмо – эта техника используется в живописи уже полвека. Как вы знаете, фотография вышибла из-под ног художников все их репрезентативное положение: где-то на рубеже веков даже состоялась фотовыставка, озаглавленная «Фотография – смерть живописи». Преждевременно, но живописи все-таки нужно было как-то подгримироваться. Так что художники первые обратились к монтажу.

Теперь монтаж в действительности гораздо ближе к факту восприятия, чем репрезентативная живопись. Пройдитесь по городской улице и поместите только что увиденное на холст. Вы видели человека, разрезанного надвое машиной, обрывки и куски дорожных знаков и рекламы, отражения в витринах – монтаж фрагментов. То же происходит со словами. Помните: написанное слово – образ. Метод нарезок Брайона Гайсина состоит в разрезании страниц текста и компоновки полученных кусков в монтажных комбинациях. Репрезентативная живопись мертва, если, быть может, не укрепитсся новый фотореализм. Никто больше не рисует коров на лугу. Монтаж – старый прием в живописи. Но если применяете метод монтажа в письме, критики обвинят вас в пропаганде культуры непонятности. Письмо по-прежнему ограничено последовательной репрезентативностью смирительной

рубашки романа, формы столь же деспотичной, как сонет, и столь же далекой от действительных фактов человеческого восприятия и сознания, как эта поэтическая форма xv века. Сознание и есть нарезка; жизнь – нарезка. Всякий раз, когда идете по улице или смотрите в окно, ваш поток сознания нарезается случайными факторами.

За последние сто лет живопись проделала путь от исключительно репрезентативных позиций, когда любое количество художников может изображать тот же материал, до такого состояния фрагментации, когда у каждого художника должна быть особая точка, где есть место лишь для него. Любой может рисовать деревенские пейзажи, но место есть только для одной банки супа Уорхола. Каждый художник теперь – сам себе направление. Вот вопрос всем школам: если искусство подверглось такой радикальной перекройке за прошедшее столетие, что, по-вашему, будут делать художники в следующие пятьдесят или сто лет? Конечно, мы можем предвидеть экспансию в область подрывного искусства... Самовзрывающиеся телевизор, холодильник, стиральная машина и электроплита взлетают на воздух, оставляя обломки от сверкающей современной квартиры; мечта домохозяйки разлетается в куски за барьером из противоударного стекла, чтобы не поранило зрителей.

Вот вам одна идея, молодые искатели в искусстве: существует взрывчатое вещество, называемое йодид аммония, – его получают, заливая кристаллы йодида аммиаком или смешивая с тинктурой для растворения красок. Высохнув, полученное соединение столь чувствительно, что его может взорвать даже муха. Помню, в далекие двадцатые я целыми днями рассыпал сахар вокруг кучек йодида аммония и ждал, когда мухи взорвутся в дымке лиловых испарений. Так что можно написать йодидом аммония и сиропом картину и запустить в галерею мушиный рой...

или бродящие по галерее люди взорвут ее своими сотрясениями... или она детонирует от пугачей мальчиков-певчих...

И металлический натрий зверски взрывается при контакте с водой; так что можно писать натрием (от него на холсте очень красивый блестящий налет, похоже на спину серебристой рыбы в чистой воде), а затем отойти подальше и пнуть в картину из водяного пистолета, или убедить кобру плюнуть в нее, чтобы разлетелась в клочья. Далеко ли тут до жертвенного искусства? Отрубите курице голову и пишите фонтаном крови. Выпотрошите овцу и пишите ее кишками. Или смешайте их с натрием.

108

А вот появляется Бешеный Медведь Флойд, художник-миллиардер, покрывший двадцатифутовый монтаж порнокартинок тысячедолларовыми купюрами, вымоченными в йодиде аммония... монтаж разложили посреди галереи, затем сверху высыпали корзину тысячедолларовых купюр, работа детонировала и вывела из обращения миллион сгоревших долларов, а его агент тут же продал сожженный холст за десять миллионов.

Может ли это изобилие конкурирующих подходов предвещать возрождение древних потлачей? Потлач – состязательное разрушение собственности, проводимое, пока один из соперников окончательно не разорится и, как это часто бывает, не умирает от стыда на месте. Интересно посмотреть на американских магнатов, садящихся за эту игру: взрывают свои заводы и шахты, нефтяные скважины, сжигают урожаи, заливают нефтью пляжи, облучают свои земли, орошают их соленой водой, оставляют гнить мороженые продукты, жгут «роллс-ройсы» и «бентли», оригиналы Рембрандта, разбивают греческие статуи отбойными молотками... американская братва засыпает Штаты атомными бомбами, а Россия и Китай отвечают бомбами на бомбардировку их территории.

Потлач изобрели индейцы Северо-Западного побережья – там, где теперь Британская Колумбия, – и он занимал большую часть их времени. По неприятным случаям таких празднований уничтожалось множество предметов, включая лососевый жир, одеяла, медные бляхи. Рыбий жир выливался в костер, полыхающий в центре вигвама, часто опаяя почетных гостей в первом ряду, которым по протоколу не полагалось проявлять недовольство. Медные бляхи – это гравированные пластины из тонкой меди два на три фута, сейчас они высоко ценятся коллекционерами.

Бляха приобретает ценность благодаря количеству потлачей, через которые она прошла: «Это великая бляха, пред коей прочие бляхи обоссываются, как последние суки». И прочие бляхи жмутся в сторонке, теряя цену. Понимаете, такая вот мощная бляха представляет собой столько ценностных единиц – равно как и объекты современного искусства могут прирасти ценой после ряда состязательных манипуляций: эта банка супа может представлять пятьдесят сожженных табуреток, двадцать писсуаров и свинью Уайета<sup>1</sup>. Состязательная сверхинфляция ценностей может привести к *La Chute de l'Art*<sup>2</sup>: тотальному коллапсу арт-рынка. Представьте артистическую Фондовую Биржу, где все художники стоят возле своих полотен – неистовые телефонные звонки брокеров коллекционерам... «У тебя критический уровень маржи, маляр. Надо пополнить счет товаром с золотым обрезом – знаешь, что я имею в виду: Моне, Ренуары, Рембрандты, Пикассо...» И тут: ПИКАССО РЕЗКО ОБЕСЦЕНИВАЕТСЯ – РЫНОК ЗАТОВАРЕН ЕГО РАБОТАМИ, СБРОШЕННЫМИ ОБЕЗУМЕВШИМИ ДИЛЕРАМИ... Как только художник оказывается за Бортом, Санэпидстанция

1 «Портрет свиньи» (1970) – картина американского художника Джейми Уайета (р. 1946).

2 Падение искусства (фр.).

принуждает его сдать картины в общественный мусоросжигатель. Какое искусство и какие художники переживут такой холокост?

И как тебе такой поворот, маляр? Теперь это искусство держит тебя за яйца, понятно? Дало под дых и щиплет глаза. Так что теперь художник забирается за свою картину, как Панч и Джуди в райке, продирается сквозь нее, хватает критика за лацкан или бьет в печень и опрыскивает слезоточивым газом. Подавать можно по-разному. Дохлые коровы на лугу. С картины прыгают собаки. Нарисованные легавые зверски избивают дубинками гостей на вернисаже. В итоге, кроме изображений опасных зверей, электрических стульев, мятежей, пожаров и взрывов, в галерее никого не остается. Оживут ли на лугу дохлые коровы? Вчера одного критика забили насмерть. Другой утонул в речке Моне, а от выставки Бэкона начались гадкие мутации...

Что же здесь произошло? Искусство стало буквальным и возвратилось к своей магической функции – делать так, чтобы это случилось – после долгой ссылки в областях воображения, где его аппетит к происшествиям чрезмерно вырос. И теперь вдруг искусство смертоносно извергается в так называемый реальный мир. В начале были письмо и живопись, и слово было письменным образом. Сейчас художники рисуют будущее до того, как оно написано, опередив умственно отсталую близняшку, литературу, оставляя ее вместе с азбукой позади. Догонит ли письмо?

Писатель, сочиняющий книгу о невозделанной целине эпидемий, насыщает страницы описанными вирусами... в книге о Польше при эпидемии тифа тифозные вши скрываются в переплете и выскакивают, стоит бабулькам из клуба книголюбов перевернуть страницу. Мектуб. Так написано. В других радиоактивные листы слегка приправлены ботулизмом. Читательница больше не может безопасно читать об

акуле, порыгивая шоколадным запашком: на странице – сильнейший акулий аттрактант. Кое-кто презирает такие грубые трюки и полагается на силы магии – с тлетворных страниц спархивают могущественные заклинания и проклятия, зачастую подкрепленные человеческими жертвоприношениями.

«Красота убивает. Красота – убийца», по словам Грегори Корсо, и живопись воссоединяется со своим глупым братом, письмом, в книгах, полностью составленных из пиктограмм. К этому времени все книги уже источают соответствующие ароматы, а читателям предоставляются флаконы духов для их обновления... Muskusный Озон, Дождь На Конском Крупе, Пустые Раздевалки... Наконец – Мастер Чистого Листа, который можно читать лишь посвященным...

III

La snute du mot<sup>1</sup>... буквализацию искусства переживет вневременной изменчивый мир магии, уловленный кистью художника или словами писателя, фрагменты ярких и исчезающих деталей. Легионы художников могут танцевать в космосе на кончике кисти, а писатель беззвучно откланивается и исчезает в алфавите.

1 Падение слова (фр.).

## ХЕМИНГУЭЙ

112 В сочинении старомодных романов была более-менее ясно очерченная техника и цель. Имелись начало, середина и конец. Были сюжет и главы, которые поддерживали интерес: одна заканчиваясь напряженной ситуацией, которая вела к следующей главе, посвященной другому персонажу, затем опять к напряженной ситуации, пока не дойдет до кульминации. Цель состояла преимущественно в привлечении читателя и продаже книг. Критики по сей день порицают авторов за то, что те не пишут такие романы, даже когда романист и не пытался этого делать. Теперь живопись и литература подразделяются на школы и движения. Техника и цель одного движения может сильно отличаться от техники и цели другого: когда занимаешься кинетической скульптурой, присущая поп-арту шелкография не пригодится.

Теперь обратимся к писателям, которые что-нибудь говорили о технике письма. Кое-кто мог ничего не заявлять прямо, но их представления о цели и технике можно вычленивать из их работы. Я уже упоминал Грэма Грина; он искренне приходит в ужас от одной мысли сформулировать технику писательства. «Я был очень дружен с Ивлином Во, но мы никогда не обсуждали с ним *писательство*». Понятно, английская игра: говори о погоде, говори о чем угодно, лишь бы это было не важно. Помощи от мистера Грина не дожدهшься – поступите

в Даунсайд<sup>1</sup>, станьте плохим католиком и говорите о погоде. Здесь он определенно разделяет точку зрения Гэтсби.

Есть кое-какие правила. Очень часто от звучания первой фразы зависит, будут читать книгу или нет. Вот чудовищная первая фраза: «Герр [какая-нибудь непроизносимая фамилия], Наследный Главнокомандующий Флотом Дроко, Ловец Западных Морей, главный жрец и оракул звезд, расправил крылья и с ужасающим громом хлопка снова сложил их». В-первых, у него невразумительное имя (даже если постараться и выговорить его), слишком много титулов и у него с самого начала есть крылья. Сами по себе крылья – не проблема, но к этим крыльям надо как-то подвести.

Вот еще одна первая фраза, на сей раз удачная: «Джон Оминар (все легко произносится), Император Востока (всего один титул), расположился у себя в саду, наблюдая, как приговоренного сажают на кол».

Хемингуэю было что сказать о писательстве. Начинать писать он, конечно, как журналист, и высоко ценит такую подготовку. Он говорит, что лучше писать короткими словами и короткими фразами, хотя сам не всегда этому следует. Слова у него действительно короткие, но фразы порой очень длинные. Он рекомендует рассматривать человека или какой-то предмет и описывать то, что видишь. Он разработал еще целый ряд упражнений, например: описывать сцену с некой точки зрения, затем убирать точку зрения и оставлять только описание. Так я бы описывал всех у себя на занятии со своей точки зрения, а потом

1 Школа Даунсайд при одноименном бенедиктинском аббатстве, расположенном неподалеку от города Бат, – наиболее известная в Британии католическая школа для мальчиков и девочек 10–18 лет. В своем современном виде функционирует с 1912 г. Выпускником Даунсайда был сын Ивлины Во, писатель и журналист Оберон Во (1939–2001).

убрал себя, оставив чистое описание. Удалять «я». Однако вся его техника в конечном итоге сводится к одному: как писать хемингуэевские тексты.

То же самое можно сказать о Керуаке и Вулфе<sup>1</sup>. Керуак был убежден, что первый черновик – всегда лучший. Нужно просто отпустить разум на волю и печатать, ничего не меняя. Ему-то нормально, только я пишу иначе. Я говорил ему об этом. Я редактирую. Он пишет по-керуаковски. И с Вулфом практически то же самое.

114

Хемингуэем восхищаются и хвалят его за то, чего он никогда не делал. «И восходит солнце» провозгласили определяющим манифестом потерянного поколения. Он таковым не был. У Фицджеральда на одной странице больше 20-х годов, чем во всем Хемингуэе. Хемингуэй этим не занимался, и его нельзя за это критиковать. Он не воссоздавал эпоху, как Фицджеральд.

Хемингуэя часто называют мастером диалога. Он не таков. Никто не разговаривает, как персонажи в романах Хемингуэя, – кроме персонажей романов Хемингуэя. Даже не столь хорошему писателю, как Джон О'Хара, диалоги удаются куда лучше. Читая О'Хару, понимаешь: он слышал, как это на самом деле кто-то говорил.

Наверное, несправедливо утверждать, что в Хемингуэе нет ничего, кроме Хемингуэя, но именно так мне кажется. Это даже не вполне критика, потому что именно такова была его цель. У Хемингуэя настолько особый стиль, что он так навсегда и остался в его плену. Тем не менее, я думаю, что Хемингуэй ближе других писателей подошел к тому, чтобы писать себя в настоящем времени, писать свою жизнь и свою

1 Томас Вулф (1900–1938) – американский писатель, классик прозы XX в.

смерть. Конечно, Мисима писал о харакири, а потом его совершил. Французский детективщик написал: «Потом он прошел по комнате, распахнул окно и выпрыгнул». Напечатав эти строки, он прошел по комнате, распахнул окно и выпрыгнул. Это, в общем, надувательство. То есть, Хемингуэй описывал свою смерть как персонаж, а не как актер. Разница в том, что кто угодно может написать «после чего он застрелился» и сразу же застрелиться – если он, конечно, готов это сделать. Я же говорю о человеке, который пишет «и тут его застрелили», после чего в него кто-нибудь стреляет. В этом вся штука.

Всю жизнь Хемингуэя преследовали странные происшествия. В Париже на него упал световой люк; он сломал палец на ноге, пнув калитку; он бил острой акулу и, когда стрелял ей в голову из «кольталесника» 22-го калибра (прежде он бил из него без промаха с сотни футов по пустым винным бутылкам), острога сломалась, и он прострелил себе обе ноги. Одна дама-охотница едва не снесла ему голову пулей. Несколько автокатастроф; одно сотрясение мозга за другим. *Пикадоры* не дремлют.

Хемингуэй чуял смерть. Внезапно он уехал из шато, сказав, что здесь воняет смертью, и тут же замок разбомбили и несколько человек погибли. Чужую смерть он тоже чуял. Я уже приводил примеры.

Хемингуэй сочинял себя как персонажа. Он настолько точно писал свою жизнь и смерть, что его следовало остановить, пока он не понял, что делает, и не написал этого. Есть такой миг, когда бык задумчиво переводит взгляд с плаща на матадора. Бык начинает понимать. Теперь матадор должен быстро его убить. Две авиакатастрофы подряд, обе вблизи Килиманджаро. Матадору приходится головой выбивать иллюминатор горящего самолета. Иначе он бы понял, почему два самолета разбились у Килиманджаро: он все это написал. Он написал

это в «Снегах Килиманджаро», где за штурвалом – Смерть. «Он уже показывал: белые белые белые, насколько хватало глаз – снега Килиманджаро». Это последняя строка.

Тому, кто описывает смерть как пилота самолетика над Африкой, следует остерегаться самолетиков над Африкой, особенно вблизи Килиманджаро. Однако это было написано, и он шагнул прямо в написанное. Мозговая травма, которую он получил, головой прокладывая себе путь из горящего самолета, привела к безнадежной депрессии и в конечном итоге – к самоубийству. Он приставил ко лбу двуствольное ружье 12-го калибра, заряженное тяжелой утиной «шестеркой», и спустил оба курка. Сосредоточьтесь на этих словах: «белые белые белые, насколько хватало глаз – снега Килиманджаро».

В отличие от французского детективщика, Хемингуэй никогда не хотел надуть самоубийством. Он был уже мертв.

Теперь вообразите, что у вас есть все произведения какого-то писателя, но взять с собой вы можете лишь некоторые; от каких вы бы отказались в первую очередь? Я бы сразу отбросил «Ни один человек – не остров»<sup>1</sup>, «По ком звонит колокол», «За рекой в тени деревьев», «Зеленые холмы Африки» и «Смерть после полудня». В «За рекой...» он написал себя в точности, только ничего хорошего не вышло – совсем ничего. Это едва ли не самая слабая из всех книг Хемингуэя.

1 У Хемингуэя нет произведения с таким названием. Берроуз приводит две фразы 17-й медитации английского поэта Джона Донна (1572–1631) из сборника «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» (1624), избранной Хемингуэем эпиграфом и источником заглавия романа «По ком звонит колокол» (1940). Книга «Ни один человек – не остров» опубликована в 1955 г.: ее написал Томас Мертон (1915–1968) – американский монах-траппист.

Но я бы обязательно оставил «Снега Килиманджаро» – эта книга остается величайшим из когда-либо написанных рассказов о смерти, ибо там он написал собственную смерть. Возможно, он был слишком большим эгоистом, чтобы писать что-то еще.

Хемингуэй говорит, что нужно смотреть на то, что перед тобой. Так вот, молодой человек, желающий научиться писать, отправился на рыбалку с Папой Хемингуэем и спросил его совета. Папаша ответил:

– Попробуй понять, почему я послал тебя подальше десять минут назад и как переливался на солнце марлин, которого я только что поймал.

Однако между глазами Хемингуэя и тем, на что он смотрел, неизменно лежала тень Хемингуэя.

Коржибский говорит, что творческий процесс идет, когда вы рассматриваете что-то в тишине. Мне кажется, это особенно верно для диалога. Если вы способны взглянуть на персонажа, не говоря ни слова, из внутренней тишины, персонаж заговорит сам, и диалог выйдет реалистичным. Возьмите что-либо действительно услышанное, заставьте персонажа это сказать и посмотрите на него: вскоре так он заговорит и дальше. Я помню того потрясающего торговца подержанными машинами из Хьюстона – это он сказал мне:

– Знаете, еврейю одно подавай – отодрать христианскую девушку, вы же сами это прекрасно знаете.

Я ничего не ответил, но если бы стал ему возражать прямо там, уверен, он бы высказался много пространнее.

Но Хемингуэй не давал своим персонажам разговаривать. Он сам за них всегда говорил, и все они говорят, как Хемингуэй. Возьмите, к примеру, «Убийц»: хороший рассказ, прекрасно читается, мастерски скомпонован. Диалог звучит нормально – однако насколько нормально? Двое убийц поджидают шведа, и между делом треплются с барменом у него в закускойной.

- Чем тут занимаются?
- Ужинают. Все приходят сюда и набивают животы.
- Ну да, – говорит бармен.
- «Ну да», говорит, слышь.

И они уходят, соображая, не убить ли им также и бармена.

- А что с сынком?
- Нормально.
- Везет тебе. Тебе б на скачках ставить.

118 Последние фразы – чистый Хемингуэй. И тут кто-то – вполне возможно, бармен, – говорит про шведа: «Съежился у себя в комнате». И потом:

- Подумать жутко – затаился у себя там, знает, что ему крышка.
- Тогда не думай.

Все стилизовано. Убийцы не сходят со страницы, на самом деле мы их не видим. Так и не удалось убедить, что они реально угрожают читателю.

## Великий Гэтсби

119

Я бы никогда не стал всерьез задумываться об экранизации «Великого Гэтсби», однако, поскольку фильм уже снят<sup>1</sup>, интересно было бы поупражняться: подумать, как сделать эту экранизацию, какие для этого существуют возможности и есть ли они вообще. Мне кажется, ответ скорее всего будет отрицательным. Фильм, конечно, снять можно, только ничего хорошего не выйдет. Раздумывая над экранизацией сложной книги и стараясь понять, что можно и что нельзя передать средствами кинематографа, узнаешь куда больше, нежели снимая по книге, которая изначально написана как сценарий, вроде «Челюстей» Питера Бенчли, где речь идет о большой белой акуле.

Теперь возьмите «Гэтсби» и уберите прозу: что останется? Деревянные диалоги, вялый сюжет, а для воссоздания 20-х годов подборка кинохроники подойдет куда лучше. Во всяком случае, хроника даст куда более правдивую картину 20-х, чем современный фильм.

Суть в том, что даже простой вопрос «как можно экранизировать эту книгу?» заставит вас пристальнее взглянуться и в книгу, и в Гэтсби. Как говорит Волфшайн<sup>2</sup>: «Вижу: молодой человек, красивый, об-

1 К моменту написания этого эссе существовали три американские экранизации романа: Герберта Брэнона (1926), Эллиотта Наджента (1949) и Джека Клэйтона (1974).

2 В книге Фицджеральда фамилия героя – Вулфшим.

ходительный, а когда он еще мне сказал, что учился в Оксфорде, я сразу сообразил, что от него может быть прок». Для ворованных облигаций нужен тот, кто хорошо выглядит, но такие деньги, которые получал Гэтсби, за одну хорошую внешность не платят. В те времена кого-нибудь с хорошей внешностью можно было купить за 200 долларов в неделю. Оксфордскую молодежь, типа Гэтсби: «конечно, старина, все по-честному!». Или достойного вида стариков, чтобы сидели в отделах работы с клиентами. Не тот человек был Майер Волфшайн, чтобы выкладывать деньги просто так или платить больше, чем нужно. Дело, значит, в том, что Гэтсби не просто был вовлечен в теневой и незаконный бизнес, но и хорошо умел заметать следы. В законном бизнесе даже глупцы могут разбогатеть, случись им оказаться в нужное время в нужном месте. Я видел, как это происходит. Но поделить выручку с Майером Волфшайном, автором аферы с Чемпионатом страны по бейсболу, у болвана бы не получилось. Однако ни в чем, что Гэтсби говорит в книге, нет ни малейшего указания на интеллект. Изредка неопределенное, не поддающееся описанию, но все же знакомое выражение на его лице означает, что с нами – тот Гэтсби, который играет в команде Волфшайна. Однако об этой стороне жизни Гэтсби в книге вообще нет ни намека.

Карауэй говорит о Дэйзи: «в ее голосе звенят деньги», и это довольно проницательно. Точняк. Не стоит думать, что мальчик глупее, чем есть. Он просто не мог быть глупым – тогда почему он так глупо себя ведет? Это его «старина», эти оксфордские замашки, выдуманнные истории о прошлом, охота на тигров и прочая туфта. Купить большой дом и наполнить его пьяными хлявщиками, чтобы произвести впечатление на Дэйзи. У него что, не было более доступных девушек? По крайней мере, нам их не показывают. И почему именно Дэйзи? Есть ведь куча приятных

барышень, готовых из кожи вон лезть, лишь бы выйти замуж за представителя этой породы.

На самом деле, чем больше присматриваешься к Гэтсби, тем более загадочным он становится. Психопат с раздвоением личности, у которого правая рука не ведаёт, что творит левая? Вряд ли. У Волфшайна надо работать обеими руками. Или все эти чувства и несбыточная мечта – умело выполненная автором прививка? Может, в этом весь секрет? Может, Гэтсби – гибрид, искусственное существо, в буквальном смысле созданное прозой Фицджеральда, которое не могло бы жить ни в какой иной среде? Время от времени его лицо принимает то самое, не поддающееся описанию, но знакомое выражение, он говорит: «Прости, старина» – и быстро удаляется в свою роскошную ванную: вделанная в пол ванна из розового мрамора, золотые краны и прочие примочки. И там на зеркале серебряными буквами написан целый абзац того, что ему нужно, чистая проза Ф. Скотта. Он просвечивает, он уже и сам не может разглядеть свое отражение в зеркале; он наклоняется и достает из-под умывальника свое хозяйство: старинные серебряные ложки, шприц, иглу – и проза стекает в ложку. Он набирает ее в огромный конский шприц и вводит себе в вену. Вот теперь он себя видит. Пригладив волосы и поправив изысканный шелковый галстук, он выходит из ванной: вот он, старина, красивый, обходительный выпускник Оксфорда. Ну и концовка, само собой, такова: у него кончается проза, он вкалывает всю книгу целиком, и выражение на лице становится все более знакомым. Тема вполне в духе Джекилла и Хайда, мне кажется.

Он обманом разоряет Тома. При таких обстоятельствах Дэйзи с ним разводится, чтобы в ее голосе по-прежнему звенели деньги, и выходит замуж за Гэтсби. Прошло пять лет. Она стала пить: бродит по дому, постоянно прикладываясь к бутылке. Гэтсби

уже не так обходителен. Вот он хлещет ее мокрым полотенцем: к обеду он ждет важных деловых партнеров. Но он уже не тот, кого приятно пригласить к себе домой, познакомить с мамой и сестрой. Теперь с ним и в одной комнате находиться не хочется. Не поддается описанию этот старина. И, кроме того, становится жадным. С некоторой неохотой Волфшайн все же звонит в Чикаго, и его настигают в бассейне.

Вы только посмотрите на этот дубль: Гэтсби плавает по бассейну на надувном матрасе, оставляя на воде тоненький алый круг. Каково? Из чего его там застрелили – из 22-го короткоствольного? Пуля не прошла навывлет, и матрас под ним не утонул. В общем, сдается мне, Гэтсби лучше оставить в покое.

*Нарезка из «Великого Гэтсби» и других источников*

Это был редкостный дар надежды, какого я, наверное, уже не встречу – какой причал? Ветер утих, и вместе с ним утихли все его мечты. Есть сведения, что эти осадки могут наносить деревьям непоправимый вред. Шлаково-серая фигура – пожалуй, слишком серая для этого бархатистого газона. И его мечта стояла у бассейна. Очертания ненужных построек начинали стираться человеческие мечты тихие огни в траве на улице... темнота гуляла по комнате бледные флаги как шлаково-серые деревья закручивая и потом покрывала рябью короткий миг лицо тень. То, что я уже почти припомнил, старый неведомый мир Гэтсби сносит обратно в прошлое. Зеленый огонек в конце романтический запал шум ночных крыльев ядовитая пыль, что вздымалась вокруг незначительных осадков. Обрывок утраченных слов облитых глазурью струйка воздуха – будто спугнули. Легкий ветерок гулял по комнате, трепля занавеси на окнах – то внутрь с одного конца, то наружу с другого точно бледные флаги в конце причала, там где жила Дэйзи. Губы начали шевелиться струйка воздуха – будто

спугнули легкий порыв ветра столкнувшись с кучкой опавших листьев, начинал медленно кружиться на одном месте, точно ножкою теодолита прочерчивая в воде тоненький алый круг. Дорогой ценой заплатил за слишком долгую верность единственной мечте. Наверно, подняв глаза, он встречал незнакомое небо, просвечивающее сквозь грозную листву, и, содрогаясь, дивился тому, как резок свет солнца на кое-как сотворенной траве, новый мир, вещественный, но не реальный, и жалкие призраки, дышащие мечтами, как воздухом, бесцельно скитались в нем как та шлаково-серая фигура, что медленно надвигалась из-за старого «Метрополя», где так много лиц, которых больше никогда не увидишь и он медлил, еще прислушиваясь к звучанию камертона, задевшего звезду однажды вечером пять лет тому назад была осень падали листья они бродили по городу вдвоем и вышли на улицу где деревьев не было и тротуар белел в лунном свете уже расплываясь в пыльном тумане. Но над этой безотрадной землей над стелющимися над ней клубами серой пыли вы различаете глаза доктора Т. Дж. Эклберга голубые и огромные смотрящие сквозь гигантские очки в желтой оправе грустно созерцающие мрачную свалку.

## СЕМЕЙСТВО ДЖОНСОНОВ

124

Впервые я встретил это выражение в книге Джека Блэка «Вам не победить» – истории жизни грабителя. Книга была издана в 1927-м, я прочел ее в детстве и увлекся этим мрачным, скрытным, целеустремленным миром. Недавно мне довелось отыскать экземпляр, и я с острой ностальгией перечитал ее. Между читателем в 1927-м и читателем в 1980-м ложится тень 6-го августа 1945-го года, одной из самых зловещих дат в истории.

Поезд со свистом несется по далекому небу. Тут можно заглянуть в ушедший мир взломщиков-гастролеров, медвежатников и домушников, бродяг, педиков, трущоб на пустырях и скупщицы Мэри-Солонины с притоном в ее двухэтажном кирпичном доме возле железной дороги где-то в Айдахо. Она всегда держит на огне синий фаянсовый кофейник и железный котелок со свининой и бобами. Сначала поешь, затем переходишь к делу, часы и кольца свалены на кухонном столе рядом со щербатыми кофейными кружками. Она называла цену только один раз.

В этом мире ветхих мебелирашек, вороватых серых личностей в темных костюмах, опиумных притонов и мексиканских харчевен Семейство Джонсонов стало символизировать кодекс поведения. Если называешь кого-то Джонсоном, это значит, что он держит слово и выполняет обязательства. С ним хорошо иметь дело, его можно держать в своей команде. В нем нет злобы, любопытства, назойливости, самодовольства и напряжения.

Джонсона узнаете по виду – как и тех, у кого иные убеждения. Помню, я был в учебке торгового флота в Шипсхед-Бее, когда закончилась война. Большинство курсантов сваливали сразу, и выстроилась длинная очередь, чтобы вернуть обмундирование, которое приходилось сдавать предмет за предметом; некоторые из нас пробыли там всего несколько дней, и нам нечего было возвращать. Так что мы надеялись избежать напрасного стояния в очереди часами, а то и днями. Помню, как этот латинос сказал: «Ну, либо мы напоремся на нормального парня, либо на мудака». Мы напоролись на мудака, но умудрились найти и Джонсона.

Да, Джонсона узнаешь по виду. Легавый, который дал мне выкурить косяк в автозаке. Служащий отеля, который предупредил, что я погорел. А иногда Джонсона не видно. Помню, мой приятель попросил кого-то прислать ему из Франции плитку гашиша. Ну, придурок положил ее в дешевый конверт без обертки, и конверт она прорвала. Но какой-то Джонсон снова положил ее внутрь и заклеил конверт лентой.

Много лет назад я оказался на мели в глуши восточного Техаса, и Билл Гэйнз<sup>1</sup> высылал мне почтой по чуть-чуть пантопона; он изобрел такой умный шифр, и в обе стороны летали телеграммы:

«Срочно нужны панталонь».

«Паника среди поставщиков. Панталон нет продаже».

Это было во время войны в городишке с населением 200 человек. По справедливости, вокруг нас должны были кишеть агенты ФБР. Помню телеграфиста на вокзале. Человек с добрым, несчастным лицом. Подозреваю, у него были трудности с женой. Ни разу – ни вопроса, ни комментария. Ему просто

<sup>1</sup> Билл Гэйнз – настоящее имя: Билл Гарвер, приятель Берроуза.

было все равно, что означают панталоны. Он был Джонсоном.

126 Джонсон не сует нос в чужие дела. Но он поможет, когда нужна помощь. Он не стоит просто так, если кто-то тонет или застрял в покореженной машине. Мой приятель Келлз Элвинс выжимал в своем «крайслере таун-энд-кантри» девяносто по дороге из Фарра, штат Техас, в Ларедо. Влетает на бугор, а там прямо посреди дороги на мосту стоит сраная корова. Он бьет по тормозам и врезается в корову на шестидесяти. Машина переворачивается, и он придавлен под ней – со сломанной ключицей, с головы до ног в крови, кишках и навозе. Тут проезжает машина с какими-то коммивояжерами. Осторожно выходят. Он говорит им, как приподнять домкратом машину и выволочь его, но когда они видят эту кровь, они и слышать ничего не хотят. Не желают в такое впутываться. Залезают в свою в машину и уезжают. Затем появляется грузовик. Шоферу не нужно говорить, что именно делать, – он убирает с Келлза машину и отвозит его в больницу. Водитель грузовика был Джонсоном. Коммивояжеры были говнюками, как и большинство торгашей.

Семья Джонсона вырабатывает манихейскую позицию там, где существует конфликт добра и зла, а последствия пока самые неопределенные. Это не вечный конфликт, поскольку окончательную победу должно одержать то или другое.

На чьей вы стороне?

Помню, Брайон Гайсин, Иэн Соммервилл и ваш покорный слуга пили эспрессо на террасе небольшого кафе на калле де Винь в Танжере... после обеда – мертвое пустое пространство... Тут мимо проходит испанец. Лет пятидесяти или старше, потрепанный, очевидно очень бедный, несет что-то в упаковочной бумаге. И наши рты раскрылись, а мы воскликнули в унисон:

– Господи, вот безвредный человек!

Он прошел, и больше я его не видел: его появление, необычайное, словно комета, напомнило нам, как редко можно увидеть безвредного человека, который не сует нос в чужие дела и живет так, как может, в этом мире, большей частью населенном людьми совершенно иных убеждений, которые только и жаждут кому-то навредить, то и дело ходят в «комисарио», чтобы донести на соседа или конкурента, оставляя за собой закорючки злобного ворчанья, словно маленьких уродливых духов.

127

Он прошел, и больше я его не видел. Но я узнал его. Он был Джонсоном.

3 февраля 1982-го... Программа о Сальвадоре... корреспондент вышел на группу партизан. Один взгляд на лица – и мне ясно, где я. Я знаю их всех. Они Джонсоны. Корреспондент проверяет заявление хунты и администрации Рейгана, что партизаны вооружены советским оружием, поставляемым через Кубу и Никарагуа...

– Давайте посмотрим ваши пушки.

У молодого человека бельгийская штурмовая винтовка, 9 мм... у симпатичного парня лет двадцати – «М-16», толстый мальчик лет шестнадцати держит 22-й калибр, весь перевязанный проволокой и лентой.

– Ему полвека, – улыбается он нам.

Вот человек за тридцать, милая улыбка:

– А у меня нет оружия.

– Ну а где же русские «АК-47», которые вы вроде как получаете с Кубы?

– No hay. – (Нет.)

Взгляните на эти лица. Нормальные лица. Лица Джонсонов. Их невозможно подделать. Тот старый испанец не мог быть полковником КГБ, Кузеном из ЦРУ или «МИ-5». Ни у одного агента не могло быть такого прикрытия, потому что это не прикрытия. Это настоящее.

Три пушки на двадцать человек. Застенчивый и симпатичный пятнадцатилетний мальчуган с партизанами – с четырнадцати. Почему? Никакой идеологии, никакой чепухи. Самозащита. Как только берешься за оружие против кучки говнюков, назад пути нет. Сложи оружие – и они тебя убьют. Я видел, как действовала Policía Nacional в Колумбии в гражданскую войну. Отъявленные головорезы. Ни одного Джонсона.

128

Другой информации, чтобы все понять про Сальвадор, мне не нужно. Не желаю слушать вранье госсекретаря Хейга<sup>1</sup> или кого-либо еще. Хейг – не Джонсон. У него одно из самых типично бесчестных лиц, которые я когда-либо видел. И тот же взгляд, когда он лжет, что и у генерала Вестморлэнда<sup>2</sup>... ЛОЖЬ ЛОЖЬ ЛОЖЬ написано на нем вдоль и поперек.

1 Александр Хейг (р. 1924) – американский военачальник и дипломат. Госсекретарь США в 1981–1982 гг.

2 Уильям Вестморлэнд (1914–2005) командовал американскими войсками во Вьетнаме в 1964–1968 гг.

## ОТПИДАРАСЬ КОРОЛЕВУ!

129

Думаю, все читали о неприятностях, которые были у «Секс Пистолз» в Англии из-за песни «Боже, храни королеву (И ее фашистский режим)». Джонни Роттен получил железным прутом от верноподданных Ее Величества.<sup>1</sup> В Англии сказать что-то против, как они выражаются, «нашей Королевы» равносильно государственной измене. Я вот не считаю Рейгана нашим Президентом. Просто он тот, от которого в данный момент никак не избавиться. В память о тех годах, что я провел в Англии, – в связи с чем вспоминается дурацкая песенка Дуайта Фиска: «Спасибо огромное, миссис Дородная, за тот бесконечный уикэнд... (он длился пять лет)... За теплые ваши коктейли и мокрые ваши постели...» – так вот с теплыми воспоминаниями о тех пяти годах я сочинил песенку и надеюсь, что когда-нибудь ее споют в Англии. Называется она «Отпидарась Королеву».

*Супруг мой и я* (именно так Королева всегда начинает свой треп)

*Крутая семья*

*Двойные имена*

*Дурные времена*

*Иди оно в болото* (Болото – это на панковском жаргоне туалет)

<sup>1</sup> Сингл панк-группы «Секс Пистолз» (солист – Джонни Роттен), выпущенный в 1977 г., когда в Великобритании отмечался Серебряный юбилей Елизаветы II, вызвал скандал и был запрещен к трансляции Би-Би-Си, хотя и занял второе место в хит-параде.

*К прочим ебоглотам  
В очко сливаем Букингем  
Канализация ждет, МЭМ (Королеве всегда надо  
говорить «мэм», знаете ли)  
ОТПИДАРАСЬ КОРОЛЕВУ!*

Подхватив припев, публика вываливает на улицы с воплями «Отпидарась королеву!»

130 Вдруг из окна высовывается голова отставного майора и, оскалив желтые лошадиные зубы, он выдавливает из себя: «Одпидадась королеву!»

Будто прорвало могучую плотину.

Это как в Ирландии – у них там есть особая форма жизни, которую называют «гомбин». Он шантажист, полицейский осведомитель, скупает краденое, дает деньги в рост. В деревеньках он часто держит лавочку и непременно нажимает на весы, доходя до сути...

– Да уж, лорд Брэмблтай, я всегда говорю: то, что происходит у джентльмена дома, – личное дело джентльмена. Но есть ведь и такие, кто думает иначе...

(Жмет... жмет... жмет...)

– Э... Вас не затруднит доставить на дом?

– Конечно, сэр. С удовольствием, сэр.

И вот уже в доме...

– Дэнни, парнишка мой, это не тебя я только что видел за сараем – кто-то там развлекался, прям как ребенок?

(Жмет... жмет... жмет...)

А вот и женщина, у которой – пока муж трубит срок на флоте – милая интрижка с лудильщиком... а муж скоро приедет на побывку... стоит только слово ему шепнуть... и:

– А-а, миссис О'Мэлли, добренького вам утреча! Должно быть, ваши горшки надобно пренебреженно и всесторонне залудить. Вы ведь не можете не знать, что значит бить склянки, миссис О'Мэлли? (Жмет... жмет... жмет...)

Или вот гомбин приносит товар на дом. Пыхтит и тужится, усаживается без приглашения.

– А вот и ваш стейк, лорд Брэмблтай. Лучше кусочка мяса вам и в руки не давалось, если позволите так выразиться... Всегда рад оказать услугу джентльмену, а настоящего джентльмена легко узнать – настоящий джентльмен не скупится и не напускает на себя важности, как не знаю кто... Мне бы капельку чего-нибудь, чтоб холод прогнать. И вы ж не будете возражать, если я скину ботинки, – из города путь неблизкий, а ногам моим просто конец. У вас не найдется пластыря, а то у меня тут мозоль, будьте так добры, лорд.

И в этом весь гомбин. Будьте уверены, лорду Брэмблтаю придется клеить пластырь собственными лилейными ручками, и для гомбина это дороже сотни фунтов. Настоящему гомбину важнее игра, а не деньги. Ему больше радости продать обрезки с костей по цене первоклассной вырезки или обвесить бдительную домохозяйку на четверть фунта, чем получить чек на круглую сумму от адвоката за письма или негативы. Ему нужно *общение*...

– О, я вовсе не из-за денег, лорд Брэмблтай. Так, забежал немного поболтать...

Совет вам, юноши: остерегайтесь шлюхи, которая говорит, что ей не нужны деньги. И хуже нет шантажиста, которому не нужны деньги. Ему нужна ваша кровь, и так же, как и шлюха, которой не нужны деньги, он в итоге получит сторицей. Очень скоро лорд Брэмблтай отдаст все, что угодно, лишь бы его не видеть.

Настоящий гомбин шантажирует жертву самим своим присутствием, своим вкрадчивым, склизким, мерзким присутствием. На него не смотрят, когда он взвешивает покупку, потому что не хотят с ним общаться.

Так вот, в Англии детей учат «никогда не делать того, что им стыдно было бы делать при королеве», что тут же превращает портрет королевы в орудие

шантажа. Видите, чем мы обязаны Джорджу Вашингтону и ребятам из Вэлли-Фордж<sup>1</sup>, которые вызволили нас из-под ига этого портрета-кровососа. Представьте, что у нас кто-нибудь стал бы говорить своим детям: «Никогда не делайте того, что вам стыдно было бы делать при президенте Рейгане». А для англичанина портрет королевы – все равно что гомбин, пристроившийся прямо у кровати:

– Не обращайтесь на меня внимания – я, знаете, тоже люблю шуры-муры...

И, естественно, всегда найдутся желающие по-своему употребить портрет королевы. Как ни крути, королева получит свою десятину мяса.

В такой ситуации выйти и объявить кого-либо гомбином – значит признать, что вам есть что скрывать, вас можно чем-то шантажировать, поэтому всегда найдется хороший гомбин, готовый ждать целую вечность, пока не настанет момент истины, когда каждый посмотрит в глаза своему соседу и скажет...

– Он нажимал на вас?

И вот тогда все восстанут и прогонят гомбина.

Как собаки Павлова, у которых слюни текли по звонку, это счастливое племя пресмыкается перед королевой, потворствуя абсолютно унижительной

1 Вэлли-Фордж – военный лагерь американской Континентальной армии во время Войны за независимость (1775–1783), располагавшийся недалеко от Филадельфии. После значительных поражений в осенней кампании 1777 г. Джордж Вашингтон расквартировал здесь 11-тысячное войско. Несмотря на суровые погодные условия и нехватку еды в гарнизоне, солдаты и офицеры всю зиму принимали участие в учениях под руководством прусского офицера барона Фридриха Вильгельма Августина фон Штойбена. Во многом именно благодаря этим учениям армия Вашингтона одержала решающую победу при Монмуте (штат Нью-Джерси) 28 июня 1778 г. Зимовка в Вэлли-Фордж стала символом героизма и стойкости борцов за независимость.

и мерзостной английской привычке «знать свое место» – привычке, навязанной армией лавочников, официантов, портье и швейцаров.

Вот молодой длинноволосый американец с каким-то музыкальным инструментом в чехле за спиной подъезжает с багажом к «Отелю Брауна», где швейцар готовит ему старый добрый английский прием.

Бросает беглый взгляд на прическу и музыкальный инструмент:

– Мне очень жаль, сэр, но у нас нет мест, сэр.

– Я звонил из аэропорта и забронировал номер.

– Ошибка, сэр. Вызвать вам такси, сэр? Попробуйте заглянуть в отель побольше. Там постояльцы меняются быстрее.

Если у молодого человека достаточно здравого смысла, он сразу двинет обратно в аэропорт.

Королева – первоисточник и неисчерпаемый кладезь снобизма, что отравляет промозглый английский воздух смрадом брюссельской капусты, булькающей на огне в болотной жиже соуса. Какой уважающий себя англичанин не мечтал о приглашении в Букингемский дворец на чашечку чая с королевой – где бы он чувствовал себя, знаете ли, спокойно и непринужденно. Королева нажимает на всех своих подданных, мужчин, женщин и детей. Настоящая гомбинка и никто больше.

Огромная толпа движется на Букингемский дворец, вопя «Отпидарась королеву!»

Выходит принц Филипп и объявляет, что после стольких лет, что он, как какой-нибудь племенной жеребец, провел при королеве принцем-консортом, ему остается сказать только одно:

– Отпидарась королеву!

Это словно римейк Великой Хартии Вольностей. Из-за нехватки мощности королева подписывает отречение в неверном свете факелов... туда гомбинке и дорога.

## ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА

134 ГрОб. «Гражданская оборона» началась с имен на карточках. Эти удостоверения удостоверяли, что предъявитель – фотография, отпечатки пальцев, описание внешности и адрес – является Агентом Гражданской Обороны. На всякой карточке номер. Думается, неслучайно, что владельцем одного из первых 13 удостоверений стал компьютерный программист. За удостоверениями агента ГрОб стояла очень простая идея: мы будем следовать примеру «Ангелов-Хранителей»<sup>1</sup>. Патрулировать станции метро, предотвращать преступления, защищать жертв нападений и помогать им, как того от нас требует долг гражданина и человека. Мы надеемся, что наш пример вдохновит сограждан на помощь себе и

1 «Ангелы-хранители» – благотворительная неправительственная организация, занимающаяся охраной общественного спокойствия; основана в Нью-Йорке в 1979 г. Кёртисом Сливой, в настоящее время действует на всей территории США, а также в Европе, Южной Африке, Бразилии, Японии, на Филиппинах и в Новой Зеландии. Поводом для создания организации послужила жесткая криминальная ситуация в нью-йоркском метро, преодолеть которую идеологи организации предлагали с помощью общественной самозащиты и осознанного противостояния преступным действиям со стороны обычных граждан. Основная форма деятельности организации – невооруженные патрули активистов. В середине 1980-х «Ангелы-Хранители» пользовались неизменной финансовой и идеологической поддержкой со стороны мэра Нью-Йорка Рудольфа Джулиани.

другим. Мы надеемся приучить людей действовать по принципу «вмешаться и помочь», а не согласно рефлексу «держаться в сторонке, быстрее смотаться и помалкивать». Самозащита и защита других войдут в моду. К нам потянутся люди всех возрастов и профессий. Чтобы вступить в ГрОб, нужно заполнить анкету и получить удостоверение. Члены обязаны раз в месяц участвовать в ночном патрулировании, но при желании могут делать это чаще.

«Ангелы» не вооружены. Наша политика состоит в том, что на патрулирование полевой агент может взять с собой какое угодно оружие, за ношение которого отвечает по закону. Наиболее распространенным законным оружием среди участников патрулей является палка или трость. Приобрести ее можно в специализированном магазине ГрОб (поначалу мы указывали несуществующие адреса) по предъявлении удостоверения. Сперва магазины торговали в основном простыми тростями из тяжелых пород дерева, к которым прилагалась брошюра, излагающая основы палочного боя. К сомнительным с точки зрения закона средствам относились пистолеты со слезоточивым газом и короткие дубинки, которые легко спрятать под одеждой. Политика ГрОба состояла в том, чтобы найти такое оружие, к которому суд не смог бы придаться. Над решением этой задачи работали немало гениев от юриспруденции.

ГрОб стала безумно популярной. Организация принесла с собой новый дух освобождения. Рядовые граждане почувствовали, что больше нет необходимости молчать и терпеть. Можно переходить к действиям: вступать в ГрОб.

Мощным толчком к развитию нашей организации послужило судебное решение о профессиональных инструментах, вынесенное по делу, в котором фигурировали шило и мертвый панк. Суд постановил, что гражданин не может быть арестован или привлечен

к ответственности за то, что имел при себе профессиональный инструмент, если ношение и пользование указанным инструментом специально не оговаривается другими законодательными актами. Подзащитный работал на полставки в кожевенной мастерской.

– Так это решение можно хоть грузовиком с прицепом таранить, – орал полицейский комиссар. – Они будут таскать с собой что угодно и называть это профессиональными инструментами!

Мы организуем центры по обучению палочному и рукопашному бою. Внимательные и квалифицированные инструкторы ГрОб всегда готовы помочь вам. Вам предоставят списки надежных фирм, специализирующихся на установке квартирных охранных устройств. Вам помогут найти единомышленников, проживающих в вашем районе.

Мы размещаем рекламу в метро. На плакате – компания ГрОбов, улыбки до ушей, все в майках с символикой ГрОб, с нашивками, повязками, нашивками...

*ВМЕСТЕ МЫ СИЛА*

*ВСТУПАЙ В МЕТРО-ГрОбы!*

*Познакомься с теми, кто ездит с тобой в метро.*

*Вступай в Метро-ГрОбы. ГрОбы помогут тебе, а ты поможешь ГрОбам.*

*ДАВАЙ. Вступай сейчас же...*

Метро-ГрОбы пользовались особым успехом. То есть кто рискнет остаться в стороне и не стать ГрОбом? Вон они, стоят на платформе, смеются, меряются тростями, посохами, клюшками для гольфа.

– Для ближнего боя годится и ниблик. А вот на финише лучше взять утяжеленный драйвер.

А как они рассаживаются в вагоне, понимающе скалятся друг другу. Водопроводчик нежно поглаживает массивный разводной ключ. *Его товарищи по Метро-ГрОбу не станут добычей кидал.*

Магазины ГрОба теперь стали огромными оружейными супермаркетами. Широкий выбор рабочих комбинезонов для плотников: кожа и хлопок, особо прочные карманы, сумки, футляры для шил и пешней – иногда подхалтуриваю ремонтом холодильных установок, жизнь такая, – а эти замечательные ваги для ледового отбойника: цельный кусок великолепной нержавеющей стали... а изысканные круглые бойки с ручками, как у плеток!

– Не забудьте профсоюзный билет, сэр. Вы теперь член профсоюза столяров-ГрОбовщиков. – Продавец многозначительно подмигивает. – Все абсолютно законно. А этой дрелью, сэр, – она работает от аккумулятора, – можно потрудиться и над глазом гоп-стопщика. А вот пневматический молоток, он заменит вам трость. Рвущее-дырявящее орудие, если позволите так выразиться.

Заходим в отдел дезинсекции.

– Этот распылитель дает мельчайшую черную пыль цианида. Достаточно пыхнуть один раз, сэр. Не рекомендуется использовать в толпе, сэр.

Особое внимание уделяется сельскохозяйственному сектору. Балконные садоводы-любители воображают себя прямо-таки старухой с косой, а один ловкий старикан умудрился испепелить двоих подонков огнеметом.

– Фермер я. Мы ими сорняки выжигаем. Без него в нашем деле никуда... кхе-кхе...

В суде на многих инструментах пришлось поставить крест. Например, огнеметы и все виды зажигательного оружия по правилам пожарной безопасности объявили вне закона, однако возникали все новые виды, пока суды не завалило оружейными делами.

– Дорогая, я все перерыл и обнаружил, что для приобретения и ношения кремневого или пистонного ружья не требуется абсолютно никаких разрешений.

И если уж на то пошло, открытое ношение меча тоже нигде не запрещено.

– Господи помилуй! – орет старый вояка из транспортной полиции. – Полсотни человек с кавалерийскими шашками и револьверами времен Гражданской войны!

138

А любители гольфа с их утяжеленными драйверами и предупреждающим окликом: ЭЙ, ВПЕРЕДИ! Бейсболисты, дюжие и грубоватые, готовые вышибить мозги любому гоп-стопщику. Игроки в поло, гибкие, немного отчужденные юноши в безупречных костюмах для верховой езды. Они ловко подсекают своими клюшками – или могут выпустить грабителью кишки одним задним пинком бритвенно-острой шпоры, а потом, закатив глаза и оскалив по-лошадиному зубы, знаменуют свой триумф ужасающим ржанием.

Членство в ГрОб становится такой же обязанностью, как заседание в коллегии присяжных. Все наши данные компьютеризированы. Мы заводим досье не только на тех, кто уже совершил какое-либо преступление, но и на тех, от кого определенных видов преступлений можно ждать в будущем. Наши оценки основаны на агентурных сведениях. Полевой агент знает в своем районе всех и каждого. Записывает голоса. Фотографирует. Многие материалы заносятся в сверхсекретное досье «Глупцам лишь». («Глупцам лишь жалко наказать злодея до преступленья!» – Шекспир<sup>1</sup>).

ГрОб не остановить. Постучи в любую дверь. Пройди по любой улице. Везде символика ГрОб: футболки, нашивки, повязки, кольца, скромные золотые булавки на лацканах пиджаков, разноцветные шляпные ленты – «луч света в кромешной тьме». Многие носят удостоверения в пластиковых кармашках. ГрОб!

1 Слова Гонерильи из трагедии У. Шекспира «Король Лир», пер. Т. Щепкиной-Куперник.

ГрОб! ГрОб! Наши смертоносные издолщители, как мы их называем в шутку, вездесущи, кладут конец преступности. Они знают, куда смотреть. Знают, за кем идти.

– Они подменяют само понятие полиции! – стонет комиссар.

– Полиция – это мы, и нам не нужны преступники, – последовало телексом лаконичное возражение Умника – главного компьютера ГрОб.

Каждый член ГрОб может задать Умнику вопрос. Тот заглатывает их скопом, затем выплевывает решение. Умник считает, что есть такие преступления, что в основе своей преступнее других. Им должно уделяться особое внимание.

Хорошо ли это для нашей космической программы? Это основной критерий в программе Умника, и он диктует все решения. Только что выпущенный из психушки острой палкой насмерть закалывает *спящего*; заметив в метро *спящего*, юная сучка выливает ему на голову бензин из зажигалки и чиркает спичкой.

– Просто захотелось, – сообщила она.

В числе прочих жертв значились бродяги, *спавшие* на тротуарах и пустырях. Общий знаменатель – убийство *спящих*.

На космическом корабле людям может понадобиться войти в биостаз. Нужна ли нам какая-нибудь поблядушка, что будет рыскать вокруг и отключать системы жизнеобеспечения? Теперь люди – просто носители определенных сущностей. А нам не нужны тут никакие носители этой сущности. Поэтому мы собрали ударную группу разъяренных граждан, поджигателя хватают, окунают в воду и кидают на контактный рельс. Сущность поневоле задумается.

Или вот еще. Такое можно наблюдать каждый Хэллоуин: трехлетняя девочка приходит домой с обранными сладостями, и мать обнаруживает булавку,

упрятанную в леденец со сливочной начинкой: головка у булавки белая, под сахар. Это можно приравнять лишь к отравлению водопровода. Нам не хочется, чтобы такое случилось на борту космической станции «Земля».

Полковник смотрел на огонь. Он служит в элитных частях Эволюционной Охраны. Их функция – создание безопасной среды для проведения биологических экспериментов без животных и злонамеренных вмешательств.

140

– Разумеется, мы понимали, что рано или поздно дойдет и до покушений на отдельных людей. Или, как теперь говорят, «заказухи». Эту бабу найти было несложно. Ее деревянный каркасный домик просто смердел. Ни сорняка во дворе. Она работает в библиотеке, которой уже давно никто не пользуется: там невозможно получить нужную книгу, но если все же удастся, начинают пачками приходить мерзкие письма с требованием вернуть книги, которые ты никогда не брал. Она принимала снотворное. Так что раз плюнуть. Кроме того, удалось изъять довольно интересные документы. Много лет эта старая карга писала в газеты. Среди ее бумаг отыскались старые, еще времен смертной казни<sup>1</sup> оскорбительные анонимки: она отсылала их родителям приговоренных с расчетом, чтобы те получили их в день казни. Или вот: четырехлетний мальчик, растерзанный сторожевыми псами, доставлен в больницу в критическом состоянии, а она пишет его матери: «Вскоре он должен умереть. И я надеюсь, он умрет».

А дневник... «Рождество 1848-го. У меня, кажется, получилось.

27 декабря... Мои молитвы услышаны».

1 На несколько лет про смертную казнь в США забыли, однако в президентство Рейгана она была юридически восстановлена. – Прим. автора.

Очень набожная женщина. Единственной книгой в ее доме была Библия.

В миг ее смерти волны округу захлестнули волны радости и эйфории:

– Нам стало гораздо *легче*, – сказал один из соседей. – Как будто исчезло что-то *ужасное*, и теперь можно вздохнуть свободно.

– ГрОб можно расшифровать и как Грамотное Обхождение. Если кому-то нужна помощь, он ее получит. Если кто-то хочет, чтобы его оставили в покое, его оставляют в покое. Он имеет на это право. Принцип семейства Джонсонов... Господь, должно быть, очень любит Джонсонов, раз так много их наделал.

141

Мы утверждаем, что человек – это артефакт, предназначенный для космических странствий. Оставаться в нынешнем биологическом состоянии – в той же мере предназначение человека, в какой предназначением головастика – оставаться головастиком. Если этот постулат не вызывает возражений, из него можно вывести стандартные инструменты оценки. Соответствует ли предложенная программа созданию космических условий? Искусство, наука, техника – что в них способствует развитию космической программы? Что касается людей, спросите себя: полетел бы я в *космос* с *таким* человеком? При условии, что в космосе нельзя уединиться и нет обмана: даже самые сокровенные мысли, чувства и намерения моментально становятся известны окружающим. Так что подбирать себе окружение нужно очень тщательно.

Что мешает Джонсонам реализовать свой космический потенциал? Кто не дает нам осуществить наше биологическое и духовное предназначение? Этим людей называют говнюками. Они не могут заниматься своими делами, потому что дел у них не больше, чем у вируса оспы. Узнать говнюка можно по тому, что он всегда прав. А чтобы всегда оставаться правым, ему

нужно выставить кого-нибудь неправым. Понятно, что говнюки будут чинить нам препятствия, потому что они являются артефактами, особое предназначение которых – не пускать нас в космос.

142

Наши исследования направлены на то, чтобы про-извести биологические изменения в человеческом артефакте. Для космических условий тело человека слишком плотно. У нас есть куда менее плотная модель, на самом деле почти невесомая: астральное или сновидческое тело. Это облегченное тело, «тело света», как называл его Кроули, гораздо лучше приспособлено к космическим условиям.

Недавние эксперименты показали, что сновидения – такая же биологическая необходимость, как и сон. Сновидение связывает нас с нашим космическим предназначением. Мы погибнем, если нас лишит этого канала подачи воздуха. Так что когда мы видим, как его преподобие Джерри Фолуэлл<sup>1</sup> и его Моральное Большинство перекрывают нам воздух, мы квалифицируем такое поведение как преступное вмешательство.

Шаг в космос – это шаг в неизведанное, перемена столь же кардинальная, сколь и выход из воды на сушу. Те, кто сегодня пытаются силой навязать нам свои догмы, могут рассматриваться исключительно как смертные враги ГрОба. Они угрожают жизни и космической судьбе каждого приличного и благонамеренного Джонсона. Роль ГрОба – в том, чтобы защищать новые формы жизни на легкоуязвимых стадиях мутации. Возможно, что новые прекрасные формы жизни, обладавшие огромным потенциалом, уже не раз искоренялись теми, кто не выносит рядом

1 Джерри Фолуэлл (1933–2007) – один из лидеров протестантского фундаментализма в США. Агитировал за отмену аборт, принятие поправки к Конституции, разрешающей молитвы в государственных школах, увеличение военного бюджета страны и т. д.

с собой ничего хоть немного выходящего за рамки тупости, уродства и фанатизма. Это манихейский конфликт. Исход его сомнителен.

## СЕКСУАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА

<sup>144</sup> Вся сексуальная сфера до сих пор окутана тайной и невежеством. Любые попытки использовать объективные экспериментальные методы при изучении сексуальных явлений строго пресекаются. Люди, не считающие себя верующими – врачи, социологи, психиатры, – до сих пор оперируют понятиями, установленными христианской церковью. Церковь полагает, что любая сексуальная деятельность, помимо совокупления с законным супругом, категорически ненормальна, ибо так говорит Библия. Они осуждают так называемое «девиантное поведение» в самых жестких выражениях. Психиатры, используя слово «нездоровый» вместо слова «ненормальный», следуют старой христианской линии. Недавние эксперименты с электрической стимуляцией мозга, тем не менее, предоставили нам значительно более точные средства выработки условных рефлексов, нежели психоанализ и психотерапия.

Предполагается, что гомосексуалиста можно обработать так, что он начнет сексуально реагировать на женщину – или на старый ботинок, если уж на то пошло. На самом деле и гомо-, и гетеросексуального испытуемых обрабатывали так, что они сексуально реагировали на старый ботинок; так можно сэкономить кучу денег.

Точно так же гетеросексуальные мужчины могут быть натренированы сексуально реагировать на других мужчин. Кто скажет, что одно предпочтительнее

другого? Кто вправе устанавливать сексуальные догмы и навязывать их другим? Новейших апологетов св. Павла, называющих себя психиатрами, мало что может здесь оправдать, кроме их дурной статистики. Такая статистика не сошла бы им с рук ни в одной другой области. Представьте, что вы руководите производством, и транспортный отдел не отправляет товар. Утверждают, что им нужно больше денег и сотрудников. Ситуация ухудшается. Все забито товаром, как государственная больница пациентами. Говорят, им нужно еще больше денег и сотрудников, чтобы совладать с растущей проблемой отправки. Когда наконец вы уволите весь транспортный отдел и наймете тех, кто в состоянии делать свою работу? Психиатры говорят, что им нужно больше денег и сотрудников на борьбу со все растущей проблемой психических заболеваний, и чем больше денег и сотрудников спущено в эту бездонную прорву, тем выше статистика роста психических расстройств.

145

3 декабря 1973 года Американская психиатрическая ассоциация постановила, что гомосексуальность больше не будет считаться психическим отклонением. Ну что, раз они не в состоянии справиться с таким количеством психбольных, исключить гомосексуалистов из этой категории – казалось бы, шаг в верном направлении. Но решение вызвало бурю протестов. Один психиатр сравнил его с «психиатрическим Уотергейтом, который, будем надеяться, не станет нашим Ватерлоо...» Им просто не нравится, что сбегают их потенциальные пациенты; это может породить массовый исход. Доктор Чарльз Сокарис, доцент психиатрии в клинике имени Альберта Эйнштейна, решительно выступает против нового подхода АПА: «АПА совершила то, чего не осмелилась совершить ни одна цивилизация... вторгаясь в биологические отношения между полами». Только прикиньте... и в письме в «Плейбой» в июне 1970 года

доктор Сокаридес заявляет: «Пятьсот миллионов лет эволюции установили стандарт мужчина/женщина как *единственную* функционально здоровую модель сексуального поведения человека».

Минуточку, доктор... роду человеческому – не больше миллиона лет, согласно самым ранним человеческим останкам, обнаруженным на сегодня. У других существ забег был длиннее. Триста миллионов лет установили большой рот, который может оттяпать что угодно, и внутренности, которые могут это переварить, как функционально здоровую модель для акул. Около 130 миллионов лет установили большой размер как функционально здоровый для динозавров. То, что может быть функционально здоровым в один момент, необязательно будет таковым в изменившихся условиях, как молчаливо свидетельствуют кости снятых с производства моделей. Но акулы, динозавры и психиатры не хотят меняться.

Сексуальная революция сейчас входит в свою электронную стадию. Недавние эксперименты с электрической стимуляцией мозга показывают, что сексуальное возбуждение и оргазм могут быть произведены с помощью кнопочного контроля или *выбора* – в зависимости от того, кто эту кнопку нажимает. Это вовсе не технология будущего; методы и большая часть оборудования существуют уже сейчас.

Например, уже сейчас есть устройство, которое может использоваться в сочетании с обратной биосвязью и электрической стимуляцией мозга. Я цитирую статью Патрика Карра «Звуковое дилдо: Наконец-то бесконтактный оргазм» о том, как житель Сан-Франциско по имени Хау Вахспресс разработал аудиоустройство, которое посылает звук в человеческое тело через кожу: «Он начинает двигать ползунки своего синтезатора, программируя серию звуковых узоров, воздействующих чувственно, и от моего живота к паху начинает распространяться

это *ощущение*, недвусмысленно сексуально меня возбуждая и одновременно расслабляя. Мне сразу же хочется, чтобы это продолжалось, только *громче*. Чудные ощущения растекаются по моим ляжкам, паху, животу и позвоночнику, и я начинаю чувствовать удивительно тонкие нюансы тональности и мотива, но тут Хау пускается в „частотные пассажи“ – резкую атаку с долгим угасанием, долгий подъем с резким угасанием... о, да...

– Очень по-индийски, а? – говорит Хау. – Знаешь, я уверен, раги понравятся организму...

Потом, отключившись от устройства, я испытал восхитительный зуд в теле и спокойствие».

Что это может означать для человеческой сексуальности? Предела, видимо, нет. Партнер, вызванный изодренной электрической стимуляцией мозга, может быть так же реален и удовлетворять вас гораздо лучше, чем соседские мальчик или девочка. В вашем распоряжении – все звезды Голливуда, живые и мертвые. Пресытившись суперзвездами, можно отыметь Клеопатру, Елену Троянскую, Изиду, мадам Помпадур или Афродиту. Можно быть выебанным Паном, Иисусом Христом, Аполлоном или самим Дьяволом. Все, что вы любите, любит вас, стоит лишь нажать на кнопку. Мальчики, девочки, боги, ангелы, черти. Можно подключить и нужные декорации. Секс в египетском дворце? На греческой лужайке? В сортире 1910 года? В римских термах? В космической капсуле? На откидном сиденье 20-х годов? На пиратском корабле? В избе? В монгольской юрте? И никаких неудобств, обычно свойственных измам, юртам и пиратским кораблям. Все построено под ключ, ждет вас, и можно исчезнуть в любой момент.

Способны ли с этим состязаться реальные партнеры? Ну, не знаю. Эксперименты по автономному формированию показали, что люди могут научиться контролировать эти ответные реакции и воспроизводить

их по своей воле, как только поймут, где располагаются нейтральные кнопки. Нужно только решить, чего вы хотите, и местный сексрегулирующий центр подключится к волнам вашего мозга и обеспечит вас подходящим партнером любого пола, реальным или воображаемым. Теперь каждого мужчину и каждую женщину можно обеспечить лучшим сексуальным удовольствием, который он или она могут вытерпеть, главное – чтоб у них не вышибло пробки. И каждый кандидат, который начнет баллотироваться по этому списку, должен набрать множество голосов и предать огласке множество наблевших тем:

– Обещаю распустить армию и флот и направить весь оборонный бюджет на установку сексрегулирующих центров по всем Соединенным Штатам. И я обещаю вам, что физическая энергия, выработанная в этих центрах, сделает всех ваших потенциальных врагов друзьями – *близкими* друзьями, – а другие нации последуют нашему блистательному примеру... Контрольные кнопки – Народу!

## О ФРЕЙДЕ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ

149

Фрейд – один из первых исследователей, обративших внимание на тяжелые потери от душевных болезней, вызванные материалистическим капитализмом XIX века, – никогда не подвергал сомнению моральную основу. Он полагал, что нам следует платить высокую цену за то, что он называл цивилизацией, и эта цена справедлива. Ему не приходило в голову спрашивать, стоит ли платить вообще. Отчего бы не наслаждаться преимуществами так называемой цивилизации без травмирующих конфликтов? Фрейд обнажил размах маргинального, подсознательного мышления, но не понял, что это мышление может быть крайне полезным и выгодным. «Там где было Оно и Сверх-Я, должно быть Я» – несомненно устаревшая цель. На самом деле сознательное Я во многих случаях – обуза; это знает любой, кто пытался овладеть физическим навыком, вроде стрельбы, фехтования, бокса, вождения, пилотирования. Успешно можно действовать, лишь когда реакции доводятся до автоматизма и включаются без осознанной воли.

Буддисты всегда воспринимали эго как духовную помеху. Помнится, один болтун спросил Чогъяма Трунгпа Ринпоче<sup>1</sup>, почему люди встают, когда он входит в помещение. Трунгпа ответил:

1 Чогъям Трунгпа Ринпоче (1939–1987) – тибетский духовный учитель (с 1950 г. – в изгнании), основатель Университета Наропа.

- Из уважения.
- Уважения к чему? – настаивал любопытный.
- К отсутствию эго, – ответил Его Святейшество.

Буддизм и ряд других духовных учений разработаны как раз для того, чтобы разрушать эго. И я могу засвидетельствовать на собственном опыте: эго – обуза для творчества. Лучший текст или картина появляются тогда лишь, когда эго вытеснено или отвергнуто. По сути, художник расшифровывает бессознательное.

150

Предложенная Фрейдом концепция бессознательного основана на его клиническом опыте. Он наблюдал ряд травмирующих симптомов и выводил их из бессознательных конфликтов. Таким образом, он склонялся к тому, что бессознательное деструктивно или, по меньшей мере, служит хранилищем иррациональных и атавистических побуждений. В таком случае как же объяснить с точки зрения биологии неблагоприятный фактор в человеческой душе? Фрейд говорит, что ограничения бессознательных побуждений необходимы для укрепления цивилизации, но это объяснение в целом слишком рационально и подразумевает сознательно одобренный общественный договор для подавления иррационального. Он наверняка видел недостатки этого вывода и для его подкрепления разработал более чем сомнительную концепцию вечного противостояния Инстинкта Смерти и Инстинкта Жизни. В этом он близок к манихейской теории о борьбе между силами Добра и Зла. Хотя Фрейд критиковал Юнга за то, что тот стремился быть философом и пророком, а не простым клиницистом, ему самому несомненно можно предьявить сходные претензии. Я, Сверх-Я и Оно, плавающие в безвоздушном пространстве без всякой привязки к нервной системе человека, представляются мне в высшей степени сомнительной метафизической концепцией.

В последние годы жизни Фрейд неохотно признавал телепатию, ибо в своей клинической практике сталкивался со множеством случаев телепатического обмена.

Помню, когда я проходил курс анализа у доктора Федерна<sup>1</sup>, телепатический обмен проявлялся неоднократно. Например, я во сне увидел, как он угощает детей конфетами, и велел ему быть осторожнее, чтобы не заслужить репутацию растлителя малолетних. Когда я упомянул этот сон, он сказал, что в самом деле раздавал конфеты во время отпуска в Кейп-Коде, но затем понял, по его собственным словам, что «люди могут принять меня за порочного старикашку». И рассказал о знакомом психоаналитике, который собрал тысячу двести случаев телепатии из своей практики. Но доктор Федерн отказывался признавать последствия телепатии. Когда я предположил, что злобный человек действительно может наслать порчу, он такое категорически отрицал.

– Ведьмы, – сказал он, – истерички, а их жертвы – параноики.

Между тем, если мы признаем телепатический контакт, следует логически признать и что он может быть опасен не менее прямого столкновения.

Фрейд, признавая случаи телепатии, оценивал ее как атавистический и нежеланный рудимент, восходящий к протоплазменной древности. Ему не приходило в голову, что эта способность может приносить пользу, и обыкновенные люди применяют ее ежедневно. Самый настырный офицер полиции полагается на интуицию. Он *знает*, когда подозреваемый врет. Понаблюдайте за двумя махинаторами – увидите телепатию в действии. Один не поднимет цену выше определенной цифры. Другой не спустится ниже

<sup>1</sup> Пауль Федерн (1871–1950) – австро-американский психолог и психоаналитик.

определенной цифры. Вы увидите, как сумма сделки созревает у них в мозгу. Позже я вернусь к практическому использованию экстрасенсорных возможностей. Не следует забывать, что во времена Фрейда бессознательное было более бессознательным, чем нынче, сексуальные табу – гораздо жестче, а сексуальное поведение вслух не упоминалось. Нецензурные слова не могли появиться в печати, а мягкое порно, продающееся теперь в каждом киоске, в XIX веке было немислимым. Истерия, классический пример бессознательно мотивированных симптомов, была в клинической практике обычным делом, а в наши дни, насколько я понимаю, встречается довольно редко.

Так что бессознательное – не стабильный фактор, но серьезно варьируется как в личностях, так и в культурах. Помню психоаналитика, практикующего в Марокко: он сказал мне, что у его арабских пациентов Сверх-Я, похоже, вообще отсутствует или, во всяком случае, не такое. На Западе мы, по всей видимости, находимся на стадии, которую можно назвать полуили маргинально сознательной. И, возможно, следует ожидать, что когда-нибудь бессознательное сольется с сознательным.

Фрейд считал, что Я, Сверх-Я и Оно в конечном счете должны помещаться современными мозговедами на физиологическую основу. Исследователи уже практически этого достигли. Профессор Дельгадо, автор книги «Физический контроль разума»<sup>1</sup>, показал,

1 Хосе Мануэль Родригес Дельгадо (р. 1915) – испанский физиолог. Его книга «Физический контроль разума: навстречу психовициализованному обществу» опубликована в 1969 г. Дельгадо усовершенствовал метод исследования деятельности нервных центров с помощью вживленных электродов. Широко применяя этот метод для электрической стимуляции и радиостимуляции мозга животных (кошек, обезьян и др.) и больных людей, Дельгадо выявил

что иррациональные страхи, агрессия, беспокойство могут быть порождены электрической стимуляцией определенных участков мозга. Все симптомы под-сознательного конфликта можно включать и вы-ключать одним нажатием кнопки. Биоуправление продемонстрировало, что такие непроизвольные реакции, как потоотделение, усиленное сердцебие-ние и повышение кровяного давления – симптомы бессознательного конфликта – можно поставить под сознательный контроль.

Я не считаю себя материалистом, но убежден: все, связанное с нервной системой человека, долж-но иметь контрольную точку, находящуюся где-то в человеческой нервной системе. Джулиан Джейнс в книге «Происхождение сознания из краха двух-камерного мозга»<sup>1</sup> выдвигает предположение, что бессознательное должно находиться в подчиненном полушарии. По его теории, бессознательное Я, то есть Оно, – относительно новое образование, появившееся где-то между 1000 и 800 г. до н. э. Прежде человек беспрекословно подчинялся Гласу Божьему, который исходил из подчиненного полушария мозга. Никакой сомневающейся сущности не было. У них в букваль-ном смысле не имелось Я, но они руководствовались тем, что Фрейд называет Сверх-Я, и своими инстин-ктивными побуждениями, Оно. Джейнс подкрепляет свой тезис многочисленными клиническими свиде-тельствами, собранными при несчастных случаях,

---

ряд центров, непосредственно связанных с эмоциями, влечениями, ощущениями страдания или удовольствия, наслаждения. Применял электро- и радиостимуляцию мозга для воздействия на поведение больного, лечения эпилепсии, шизофрении и других психических заболе-ваний.

1 Джулиан Джейнс (1920–1997) – американский психолог. Его книга «Происхождение сознания из краха двухкаме-рного мозга» опубликована в 1976 г.

когда часть мозга была повреждена или уничтожена, а также экспериментами по электрической стимуляции подчиненного полушария мозга, при которых психически здоровые подопытные слышат голоса. Между тем, подчиненное полушарие – не просто источник иррациональных симптомов, оно занимается полезной и действительно необходимой деятельностью. Например, если подчиненное полушарие повреждено, чрезвычайно трудно решить простейшие пространственные задачи.

Так что, если цель Фрейда «там, где было Оно и Сверх-Я, должно оказаться Я», осуществится, это приведет к крайне деструктивным последствиям. Гораздо проще достичь гармоничного существования двух полушарий мозга, а не сомнительного территориального преимущества так называемого рационального полушария.

Джейнс выдвигает тезис о том, что сознание в известном нам виде не существовало до 1000 г. до н. э., но тут же возникает вопрос об определении сознания. Ну, определения зачастую не нужны и нередко сбивают с толку. Нам не нужно определять электричество, вырабатывать формулировку, в чем его суть, чтобы знать, как оно действует и как эффективно его использовать. Мне не нужно определять что-то, дабы им пользоваться или описывать его свойства. Формулировок, продиктованных здравым смыслом, будет достаточно. Мы не нуждаемся в определении сознания, чтобы обозначить его участки и предположительно определить их в коре головного мозга, речевых центрах и доминантном полушарии. Больше того, можно сказать, что сознание – та самая инстанция, которая пытается дать определение сознанию; это сродни парадоксу линейки, измеряющей саму себя. И мы можем предположительно определить, что бессознательное находится в затылочной части мозга и подчиненном полушарии. И как бы мы ни

определяли происхождение сознания, очевидно, что для одних действий его требуется больше, чем для других. Нужно больше сознания, чтобы перейти городскую улицу, нежели для прогулки по сельской дороге. Человек с двухкамерным мозгом не нуждался в особом сознании. Его среда была намного однообразнее и предсказуемее, а сам он, согласно гипотезе Джейнса, получал приказы непосредственно от Гласа Божьего из подчиненного полушария мозга. Он был всецело Оно и Сверх-Я, с небольшим или крошечным Я. Самоанализ был попросту невозможен.

155

Согласно Джейнсу, благоговение, которое испытывали перед королем-жрецом, обуславливалось его способностью транслировать свой голос в мозг верноподданных. На этом уровне слышать – это подчиняться, и не было никакой возможности оспорить или выбрать альтернативное решение. Так что сознание, выбирающее между одним образом действий и другим, не функционировало. Двухкамерный мозг разрушился в эпоху общественной нестабильности, войн, природных бедствий и миграций. Этот период неразберихи породил конфликтующие голоса и, в конечном счете, – сознательное Я, известное нам сегодня. Симптомом разрушения двухкамерного мозга стало появление оракулов и прорицаний. Предсказаний, связывающих человека с его сознанием, в двухкамерном мозгу не существовало, поскольку человек уже был слит с подсознанием. Теперь ему приходилось посещать оракулов ради Гласа Божьего, и его Я, находившееся в постоянном конфликте с самими собой и другими Я, медленно проявлялось.

Но Глас Божий не умер. Люди продолжали слышать голоса и подчиняться им; происходит это и в наши дни. «Нью-Йорк Пост», пятница, 18 января 1980 года: «Пациент, сбежавший из психиатрической клиники, сказал полиции, что голоса заставили его разбить голову пожилому прохожему». Зачем повинуются

голосам? Если двухкамерный человек подчинился голосам добровольно и безропотно, человек современный, похоже, вынужден подчиняться, *потому что голос присутствует*. Голос захватил двигательные центры своим присутствием. Джулиан Джейнс описывает человека, которому голос приказал утопиться. Вытащенный спасателем, очухавшийся пациент дает такое описание своего опыта: «Низкие голоса втолковывали ясно и четко, словно все части моего тела стали ушами – мои пальцы, и ноги, и голова слышали слова. Вот океан. Утопись. Просто войди в него и иди. *Я знал, что этим хладнокровным приказам я вынужден подчиняться*».

Каково же изначальное происхождение голосов? Джейнс не рискует выдвигать гипотезы. Если мы способны порождать голоса электростимуляцией подчиненного полушария мозга, быть может, изначально они были порождены электростимуляцией извне. Мы вступаем в сферу научной фантастики, которая быстро становится научным фактом. Пятнадцать лет назад опыты в Норвегии показали, что голоса в голове могут порождаться непосредственно в мозгу электромагнитным полем. Не исключено, что дальнейшие исследования в этом направлении засекречены.

Различие нормальных и патологических проявлений – количественное, вопрос степени. Когда вы думаете о ком-то, вы можете услышать его голос так же ясно, как представить его образ. Обратите внимание на то, что некоторые люди слышнее других. Стоит мне подумать о моей английской приятельнице Фелисити Мэйсон, и я слышу ее голос так, словно она сидит рядом. Прочие ее друзья свидетельствуют о том же. Так где же граница между памятью и галлюцинациями?

Психиатры склонны считать, что любые голоса, которые человек слышит в своем мозгу, зарождаются

там же и не имеют и не могут иметь внешнего происхождения. Вся психиатрическая догма о том, что голоса – порождение больного рассудка, поставлена под вопрос голосами, исходящими извне и действительно и наглядно записанными на пленку. Фрейд утверждает, что ошибки и оговорки мотивированы бессознательным. Соглашусь, что ошибки и случайности *мотивированы*. Например, когда вы что-то роняете или разливаете. Непросто будет вспомнить, о чем вы думали, когда это произошло. У меня такое обычно случается, когда я думаю о том, кого не люблю или с кем поссорился. Стало быть, это демонстрация враждебности, но враждебность может быть вполне бессознательной. Другие ошибки могут иметь сложную этиологию и часто выглядят вполне необъяснимыми.

157

Вот пример. В Боулдере, Колорадо, я пошел на рыбный рынок под названием «Пеликан Пит». Там принимают карточки «Америкэн Экспресс», так что я протянул им то, что мне казалось карточкой «Америкэн Экспресс». Однако по ошибке я дал карточку банка «Чейз Манхэттен». Пустяковая ошибка, не так ли? Через несколько месяцев я хотел обналичить чек в банке «Чейз Манхэттен» на углу Хаустон и Бродвея в Нью-Йорке. Напротив банка стоял уличный лоток, где продавали рыбу. Проходя, я его заметил. А придя в банк, случайно протянул кассиру карточку «Америкэн Экспресс» вместо банковской. Что в этом бессознательного? Только миг, в который совершена ошибка. Но к этому мигу тянется весь шлейф ассоциаций. Возникает впечатление потустороннего присутствия, круглосуточного невнятного бормотания, которое человек сознает лишь время от времени и не до конца. Одно правило неизменно: молния всегда бьет дважды в одно и то же место. Одна ошибка с карточками делает более вероятной другую. Но мотивация остается скрытой.

Фрейд утверждает, что сны всегда обозначают исполнение желаний. Содержание снов может быть пугающим или отвратительным для сновидца, поскольку выраженное желание бессознательно. Возьмем синдром военных кошмаров. Ветерану снится, что он возвращается на поле боя. В каком смысле это воплощение желания?

Недавние исследования сна и сновидений представили множество данных, которые не были доступны во времена Фрейда. Возможно, самое главное открытие – тот факт, что сны являются биологической потребностью. Лишенные «быстрого сна» подопытные демонстрируют все симптомы бессонницы вне зависимости от того, сколько сна без сновидений им позволяют. Они становятся раздражительными и беспокойными, страдают галлюцинациями. Несомненно, длительное лишение сна закончится смертью.

Интересное открытие Жуве<sup>1</sup> – тот факт, что все теплокровные животные, включая птиц, видят сны, а холоднокровные не видят. Он объясняет это тем, что нервная ткань холоднокровных животных регенерируется и излечивается от травм, а у теплокровных она не восстанавливается после повреждения. Между тем, у млекопитающих имеется часть мозга, которая может самозаживляться, – это варолиев мост. Если удалить его у кошки, она воплощает свои сны: лакает воображаемое молоко и гоняется за мышами из сна. Таким образом, варолиев мост служит для обездвиживания тела во время сна. Дальнейшие исследования должны пролить свет на функции снов, которые сейчас еще далеко не поняты.

Английский физик и математик Джон Данн написал книгу «Эксперимент со временем», она была опубликована в 1924 году. Данн записывал свои сны и

1 Мишель Жуве (р. 1925) – французский нейрофизиолог, исследователь сна.

обнаружил, что они содержат материал не только из прошлого, но и из будущего. Он приводит множество примеров и утверждает, что любой, кто не почтет за труд держать блокнот и карандаш у постели и записывать сны сразу, через какое-то время обнаружит пророческие сновидения. Данн отмечал, что если вам снится будущее событие, будь то наводнение, пожар или авиакатастрофа, снится вам не оно само, но время, когда вы о нем узнаете – обычно благодаря фотографиям в газете. Иными словами, вам снится ваш будущий временной курс.

159

Много лет я записывал сны. Я заметил, что если не запишу сон немедленно, скорее всего, забуду его вне зависимости от того, сколько раз повторю этот сон в своем сознании. Я просыпаюсь – слишком хлопотно зажигать свет, ну как я такой сон забуду? – однако забываю. Похоже, переживания в сновидениях оставляют в памяти значительно более слабый след, чем переживания наяву. Я видел немало пророческих снов, обычно довольно тривиальных и незначительных. Например, мне приснилось, что хозяйка показывает мне комнату с пятью кроватями, и я возмущался, что не хочу спать в комнате с пятью людьми. Несколько месяцев спустя я поехал на чтения в Амстердам, и гостиничный служащий показал мне номер с пятью кроватями. В общем, спонсор переселил меня в другой отель. Еще как-то раз мне приснился плывущий мимо платяной шкаф. На следующий день я сидел в «Кафе де Франс» в Танжере – поднял голову и увидел проплывающий мимо окна шкаф. Человек нес его на спине, накинув на лоб ремень, и я не видел носильщика, только шкаф. Предощущение не ограничено сновидческим состоянием. Вообще-то мне кажется, что оно возникает постоянно. И сновидческое состояние не ограничивается сном. По моему опыту, сновидческое состояние не прекращается никогда, и мы можем контактировать с ним бодрствуя.

Много лет назад я увлекся тотализатором. Помню, стоял в очереди к кассе, чтобы сделать ставку, и мотив песни «Улыбки» крутился у меня в голове. Но на Улыбку, лошадь-победителя, я не поставил. Любой, кто стрелял по мишеням или из лука, скажет, что перед тем, как выстрелить или спустить тетиву, он уже знает, попадет или промахнется.

160 Для меня сны невероятно полезны профессионально. Возможно, половину моих декораций и персонажей я беру из снов. Бывает, я нахожу во сне книгу или листок и читаю целую главу или рассказ... Прочитайте, сделайте заметки, сядьте за машинку на следующий день и скопируйте из книги снов.

Как только мы пытаемся описать или определить бессознательное, мы сталкиваемся с определениями сознания, а они всегда заводят в тупик, поскольку мы по умолчанию сокращаем сознание до чисто вербальной деятельности лобных долей мозга. Сознание само определяет сознание. Кто сознает что? Коржибский, разработавший Общую Семантику, описывает сознание как реакцию целого организма на все, что его окружает. «Вы думаете большим пальцем ноги точно так же, как и мозгом, – говорил он студентам, – причем гораздо эффективнее».

Если мы примем, что бессознательное проявляется через подчиненное полушарие мозга, окажется, что, хотя в ряде случаев подчиненное полушарие может быть источником патологических и разрушительных мыслей, оно также является источником художественных и творческих идей, полезной интуиции и экстрасенсорных способностей, пространственных ощущений, ценных и насущных возможностей. Очевидно, сознание столь изменилось с XIX века (отчасти за счет терапевтических подходов, обнаруженных Фрейдом и его последователями), что теперь необходима новая терминология. Вольтер сказал о Священной Римской империи, что она не была ни Священной, ни Римской,

ни империей. И так называемое бессознательное – больше не бессознательное. Мы имеем дело с уровнями и степенями осознания. Определенные виды деятельности требуют более сильной активности лобных долей доминантного полушария, чем другие. В некоторых видах деятельности сознание – помеха. Цитирую руководство по боевым искусствам: «Как только мысль перестает быть необходимой, достигается единство реакции».

Что же до экстрасенсорики, думаю, эти способности и их использование очень распространены, фактически – часть повседневной жизни... Помню рассказ бывшего полицейского о легавом-телепате. Вдруг, без всякого повода, тот останавливался, заходил в бар и задерживал преступника. Утверждал, что просто чуял затылком. Другие могут называть это предчувствием или интуицией. Когда имеешь дело с телепатией, невозможно отделить ее от других факторов – голосов, тембров, жестов, выражений лица и т. п. Я полагаю, что так называемые «обыкновенные люди» более восприимчивы к экстрасенсорному опыту, нежели интеллектуалы и ученые, зачастую демонстрирующие иррациональный страх и отторжение всего, что они не могут объяснить в понятиях причин и следствий. Один ученый заявил, что никогда не поверит в телепатию, какие бы доказательства ему ни предъявили.

## О СОВПАДЕНИЯХ

162

С моей точки зрения, никаких «совпадений» не существует. Но это слово эмоционально заряжено. Сколько раз в беллетристике, сталкиваясь с экстрасенсорным восприятием или иным явлением за пределами рационального объяснения, герой-ученый восклицает: – *Совпадение!* Наверняка! Все остальное немислимо!

Что же это за волшебное слово, которое изгоняет и отвергает волшебство? Обращаюсь к толковому словарю Фанка и Уэгнелла. «Совпадение: обстоятельство, соответствующие другому подразумеваемому происшествию».

Не вполне понимаю, отчего эта претензия на произвольность вызывает столь мощное успокоительное воздействие. Похоже, нам пытаются внушить удобную уверенность, что ни на каких небесах не существует никакого Бога и то, что с нами происходит, не связано с чьим-либо планом, намерением или ответственностью. Это *просто случилось*. Спросите, отчего это случилось и отчего именно в это конкретное время, – и вновь прозвучит волшебное слово:

– Это было совпадение.

Вселенная произвольна, безбожна и бессмысленна. Веря в создателей или какой-то замысел, вы принимаете желаемое за действительное. А если вы возразите, что сознание всегда принимает желаемое за действительное, гневная отповедь продемонстрирует, что мы имеем дело не с логикой, а с верой.

«Истина» – еще одно изрядно заряженное слово. Между тем, истина служит для оживления, а не для умерщвления высказывания. Истина подразумевает не просто констатацию факта. «У меня нет виски» – быть может, факт, но это не истина.

«Что есть истина?» – спросил остроумный Пилат и благоразумно не стал дожидаться ответа. Ибо Христос действительно глаголил истину, кою доносил Глас Божий из подчиненного полушария мозга. Он излагал сырой материал, из которого сделана догматическая истина. Он говорил голосом, которому нужно подчиняться, ибо он *есть*. Джулиан Джейнс в «Происхождении сознания из краха двухкамерного мозга» утверждает, что этот голос некогда слышали все люди, и он руководил ими до 1000 г. до н.э. К королю-жрецу, утверждает Джейнс, относились с благоговением потому, что он умел транслировать свой голос в мозги верноподданных. Голос утратил силу и престиж в эпоху хаоса, миграций и социальных потрясений.

Некоторые до сих пор слышат голос, но теперь его считают симптомом психического расстройства. Слышать этот голос – значит подчиняться, так что у Пилата был такой же резон избегать контакта с Христом, как сторониться омерзительной и крайне заразной болезни. Многие сообщали об ужасной силе голосов, зачастую приказывающих совершить нечто жестокое и опасное. Теперь нам известно, что эти голоса исходят из подчиненного полушария мозга, и их можно вызвать у нормальных людей электростимуляцией этого передающего участка подчиненного полушария. Возможно, голосам следует подчиняться, потому что они захватили двигательные центры тех обычно добровольных действий, которые контролируются доминантным полушарием.

Одна из загадок – в том, откуда голоса пришли изначально и как они получили доступ к подчиненному полушарию. Высказанная в «2001» Артура Ч. Кларка

теория о том, что оказавшиеся на мели космические путешественники возглавили племя обезьян, тем самым одновременно обучив их понимать речь и подчиняться, представляется мне столь же вероятной, как и любая другая теория происхождения языка. Согласно гипотезе Джейнса, язык произошел не от практической надобности, а из религиозного опыта. Природа религиозной истины всегда категорична и догматична: «Я *есть* путь и свет». В этой определенности заключена концепция единственного и неповторимого. *Единственный* путь. *Единственная* вселенная. *Единственная* истина. Никаких доказательств или споров не допускается. Религиозная истина *абсолютна*. Некоторые люди, похоже, заражены этой истиной и способны заражать ею других на протяжении тысячелетий.

Поколения верующих верят, поскольку внутренний голос говорит им, что это *истина*. А такой сорт истины столь же могуч, как великая истина Эйнштейна: «Материя в энергию». Между тем, религиозная истина, похоже, направляется в иную сторону – к заземлению энергии в материи, то есть в безжизненное повторение догматических формулировок. Коржибский, разработавший концепцию Общей Семантики, «значения значения», указывает, что западная мысль была изувечена формулировками Аристотеля и Платона. Мы по-прежнему мыслим категориями или-или, безусловными терминами, которые не соответствуют тому, что мы знаем о нервной системе человека или физической вселенной... Коржибский начинал лекцию с удара по столу...

– Чем бы оно ни было, это не стол. Это не вербальный ярлык «стол». Мы можем называть его как угодно, если согласны, что этот предмет – то, о чем мы говорим.

Возьмем абстрактное слово вроде «истины». Его невозможно увидеть, невозможно потрогать. У каждого,

кто им пользуется, есть свое определение. Одни подразумевают религиозную истину, другие – научную, магическую, прагматическую, некоторые – личное помешательство. Все противоречат друг другу. И эта чехарда происходит от убеждения, что если у вас есть ярлык, необходимо такое, что он обозначает, некая абсолютная суть истины, парящая в пещере Платона вместе с «добром», «злом», «справедливостью» и прочими бессмысленными абстракциями. Меня иногда спрашивают, добра ли техника. Ну а для кого, где и когда? Если у вас ясная цель, можете сообразно с ней решать, что хорошо, а что плохо. Например, вы строите мост. То, что приведет к постройке надежного моста, – хорошо. Концепции, ведущие к тому, что мост рухнет, – плохи. Философия, социология и психология скатываются в пустословие из-за отсутствия внятной цели.

165

Поразмыслим о разновидности истины, несколько отличающейся от религиозной: об истине ученого. В настоящее время абсолют, которого мы можем здесь достичь, – 186 000 миль в секунду, скорость света. Серьезные ученые, не смущаясь, скажут, что «невозможно» превысить скорость света, и это слово «невозможно» подразумевает некий абсолютный стандарт возможности. А этот абсолют, в свою очередь, подразумевает некую надежность измерительных средств и нервной системы человека, которая проводит и фиксирует измерения. Считается, что так называемый научный метод в целом можно применить к закону причин и следствий. Между тем, именно физики, тщательно изучавшие материю как таковую, пробовали первые общепризнанные дыры во всей ткани причин-и-следствий, путем заключений вывести существование черной дыры. Притяжение черной дыры поглощает даже свет, так что избежать ее нельзя, поскольку, чтобы преодолеть это притяжение, необходимо невозможное – превышение

скорости света. В черной дыре не действует ни один из известных нам законов природы. Так можем ли мы заключить, что существуют условия, при которых не действует ни один из наших законов, включая постоянство скорости света? Истина в этой сфере, похоже, заканчивается знаком вопроса.

Теперь я буду говорить о магической истине, с которой и сам согласен. Магия – утверждение *воли*, заключение, что в этой вселенной (то есть, в той крошечной ее части, которая нам знакома) ничего не происходит, если некое существо не *захочет*, чтобы это произошло. Магический акт – неизменно или триумф, или поражение воли.

У так называемых первобытных народов, если человек погибает, упав со скалы, друзья и родственники жертвы начинают искать убийцу.

– Дело рук Иззи-Толкача, – мрачно изрекает Вождь.

Первобытное сознание? Быть может... В «Парапсихологических открытиях за железным занавесом»<sup>1</sup> описан русский медиум, который мог на расстоянии в тысячу миль вогнать человека в обморок проецированной силой своей воли... Ну а секундная отключка на горной тропе...

Рассказывают, что внештатный журналист собирався в редакцию с документами и фотографиями,

1 «Парапсихологические открытия за железным занавесом» (1970) – книга Шейлы Острандер и Линн Шрёдер, описывающая результаты парапсихологических исследований (от астрологии и народных целителей до НЛЮ и передачи мыслей на расстоянии), проводившихся в странах советского блока в 60-х гг. Авторы основываются на обширной переписке с советскими учеными и личных впечатлениях от участия в международной конференции по экстрасенсорным явлениям, проводившейся в Москве в 1968 г. Кроме того, авторам удалось посетить ряд исследовательских учреждений этого профиля в Болгарии и Чехословакии.

доказывающими причастность ЦРУ к операции Заливе Свиней<sup>1</sup>. Просто так случилось, что юный репортер ехал стопом, и просто так случилось, что его подвез сотрудник ЦРУ. Цээрушник всячески старался убедить парня не публиковать материал. Ему это не удалось, и он позвонил по особому номеру в Вашингтон. На пути в редакцию парня насмерть сбил фургон прачечной. Так что дело было решено. Задавить человека, который всего десять минут идет по улице? Помню давние времена в Чикаго, когда водителю приходилось следить за жертвой несколько дней на пришпоренной тачке, прежде чем выполнить заказуху. У Конторы, должно быть, имеется способ *столкнуть* жертву под грузовик...

Магический толчок или рывок, осуществленный проекцией злой воли сильного мага, достигает чистейшей формы в дефенестрации: жертва, стоящая возле окна, внезапно высасывается наружу, словно там разверзся вакуум. Подозреваю, что Контора полагается на некую машину – возможно, устройство, проецирующее голограмму. Ученые говорят, что лазеры могут двигать спутники в космосе. Даже небольшой толчок в нужный момент, когда жертва застигнута врасплох... может, хорошенький мальчик или девочка озаряют его Конторской Улыбкой... нужно лишь слегка подтолкнуть.

Путешественникам по магической вселенной будут полезны кое-какие практические наблюдения. Один закон, или скорее предположение, состоит в том, что молния бьет в одно место не один раз.

Вот большой пожар в ночном клубе в Кентукки, более сотни погибших. Героический помощник офицанта оповещает гостей о пожаре и успокаивает

1 Операция в Заливе Свиней – военная операция, подготовленная руководством США в апреле 1961 г. с целью свержения правительства Фиделя Кастро на Кубе.

их, иначе жертв было бы больше. Загляните в подшивки газет. Да, на этом самом месте уже был пожар, в другом ночном клубе. Без жертв. А вот ночное заведение на границе Франции и Швейцарии. Играет поп-группа «Дер Штурм». Двести погибших в огне. И там тоже раньше был пожар. Несколько пострадавших. Одно происшествие склонно провоцировать подобные. Происшествие может быть связано с местом, стечением обстоятельств или человеком.

Можно пронаблюдать этот механизм на собственном опыте. Если ваш день начался с того, что вы опоздали на поезд, возможно, это день упущенных поездов и пропущенных встреч. Вам даже не нужно говорить «Мектуб, так написано». Первый случай – предупреждение. Опасайтесь сходных происшествий. Ужесточите свое расписание. Подкрутите часы. И обдумайте символическое значение упущенного поезда. Присматривайтесь ко всему, что может оказаться упущенной возможностью.

Предположим, вы столкнулись с грубым продавцом, официантом, барменом, лифтером. Поройтесь в подшивках памяти. Всё уже там. Конечно, он как две капли воды похож на грубого продавца в Танжере, Лондоне, Гонконге. Даже говорит то же самое. Вы что-то спросили, а он в ответ: «Никогда о таком не слышал».

Остановитесь. Посмотрите. Послушайте. О чем вы думали сразу перед тем, как вам нахамили? Что привело к предыдущему инциденту? Опустошите сознание. Пусть ноги ведут вас сами. Прежде всего, вы вспомните нежелание заходить в эту лавку. Остановитесь. Изменитесь. Двигайтесь дальше. Вы заметите, что приятные встречи с милыми дружелюбными людьми тоже происходят сериями. А единственное серьезное правило азартных игр – в том, что выигрыши и проигрыши идут полосами. Продолжайте, если выигрываете, и прекращайте, если проигрываете.

«Всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется и то, что имеет»<sup>1</sup>. В азартной игре или в жизни любая система, вынуждающая удваивать ставки, когда проигрываете, – худшая из возможных.

Писатели действуют в магической вселенной, и вы обнаружите, что магический закон «подобное привлекается подобным» часто дает ключевой знак: зловещий клоун в «Смерти в Венеции». Рассказы Джона Чивера полны таких предупреждений о несчастьях и смерти, однако бездуховные и ограниченные «истинные американцы» их игнорируют.

Я предлагаю своим студентам различные упражнения, демонстрирующие, как один инцидент провоцирует сходные инциденты или встречи. Можно назвать этот процесс синхронизацией и наблюдать его действие.

Прогуляйтесь по кварталу. Вернувшись, опишите все в точности, обратив особое внимание на то, что вы подумали, увидев дорожный знак, проезжающую машину, незнакомца или что угодно, привлекшее внимание. Вы обнаружите, что ваши мысли непосредственно *перед* тем, как вы увидели знак, связаны с ним. Этот знак может даже завершить фразу в вашем сознании. Вы получаете послания. Всё говорит с вами. Вы встречаете какого-то человека снова и снова. Не следят ли за вами? Тут некоторых студентов охватывает паранойя. Я говорю им: ну разумеется, вы получаете послания. Ваше окружение – это *ваши* окружение. Оно связано с *вами*.

Однажды я читал историю прокаженного. За много лет до болезни он уже знал, что станет прокаженным: он ехал на лошади, та понесла и доставила его прямо к лепрозорию. Впоследствии он обратил свою болезнь в доходный приработок – разводил прокаженных броненосцев для правительственного исследовательского центра.

1 Лука, 19: 26.

Если вы успокоитесь и посмотрите отстраненно, вы заметите, что в большинстве случаев происшествия ни плохи, ни хороши и не особо зловещи – они занимают нейтральную зону. Вот я на углу 72-й улицы и Бродвея, отошел далеко от дома и направляюсь к врачу. Прохожу мимо гастрономического магазина, решаю зайти и что-то купить. Тогда я жил на Франклин-стрит, ниже Кэнал, и магазинов поблизости не было. Замечаю внутри молодого человека. Позднее он оказывается напротив меня в метро до центра. Тогда я понимаю, что мы в одном диапазоне происшествий, и знаю, что он выйдет со мной на Франклин-стрит. Нет, он не следил за мной. Ни один шпик не станет вести себя так неуклюже. Мы оба из одного района, оба подумали об одном в одно время... Надо кое-что купить... и мы пересеклись.

Существует множество вариантов этого прогулочного упражнения, их цель – показать студенту, как создаются происшествия и как он сам может их создать. Художники и люди творческие откроют дорогу в космос, поскольку они его уже описывают, рисуют и снимают. Только они предлагают нам карты для космического путешествия. *Мы отправляемся в путь не для того, чтобы изучить статичные, уже существующие данные.* Мы отправляемся, чтобы создавать новые миры, новых существ, новые уровни сознания. Как сказал Брайон Гайсин, «они доберутся туда в аквалангах за триллион долларов и обнаружат, что художники уже там». Сходство между розовым пустынным пейзажем, который нарисовал Брайон Гайсин, и фотографиями, присланными с Марса «Сатурном-II», очевидно любому, кто их сравнит. В подписи к марсианскому снимку говорится о буквах «Б Г» на марсианских камнях... случайность, конечно, выточенная ветром и песком. В 1963 году я написал: «Ветер здесь 1000 миль в час, бури... что-то потрескивает... сухо и ломко как опавшие листья

поисковая партия поднялась по склону и вот наш корабль погребенный в песках». Много лет спустя я узнал о сильнейшей скорости ветра, который, говорят, преобладает на поверхности Марса.

То, что вы испытываете в сновидениях или внетелесных странствиях, что замечаете в произведениях писателей и художников, – это обетованная земля космоса. То, о чем толкуют христиане и мусульмане, должно быть на самом деле *сотворено* живыми людьми, если мы собираемся выжить в космосе или где-нибудь еще.

171

Переход от времени к пространству может привести к мутациям, столь же разительным и необратимым, как переход от воды к суше.

Вначале было слово, и слово было Бог. И во что это превращает нас? В куклы чревовещателя. Пришла пора оставить Слово-Бога позади. «Он атрофировался и свалился с меня, точно жуткие старые жабры, – общал уцелевший. – И до чего ж мне стало хорошо».

## ПАРИЖ, ОСТАНЬСЯ КАК ЕСТЬ

172 Выскакивает Морис Шевалье<sup>1</sup> в соломенной шляпе...

*Я видел тебя безумным  
Видел в глухой тоске  
Но если и был я счастлив  
То благодаря тебе  
Париж, останься как есть*

*В последний раз, что я был там  
Париж был весел и юн  
И что бы они  
Ни сделали с ним  
Я запомню его таким*

Некоторое время назад приятель сообщил мне грустные новости: «Кодетилин Удэ»<sup>2</sup> впредь будет отпускаться только по рецептам (по решению стран Общего рынка). Меня пронзила глубокая боль утра-ты – сродни той, что я ощутил, когда убрали писсуары с улиц, снесли Лезаль<sup>3</sup>, срубили деревья в Гран-Сокко в Танжере и поменяли написание с Tangier на Tanger. Исчезло... пропало... еще одна частичка

1 Морис Шевалье (1888–1972) – французский актер и шансонье.

2 Препарат против кашля, содержащий этилморфин.

3 Старейший рынок в Париже, за которым закрепилось традиционное наименование «чрево Парижа». Знаменитое массивное здание из стекла и металла, возведенное для нужд рынка в середине XIX в., было снесено в 1971 г.

хих века... воздух наполнен светом... писсуары, Лезаль, деревья...

– Codethyline Houdé...

– Oui Monsieur... une ou deux?

– Deux.

Я запомню его таким.

«То, чего не было у нас, осталось. Лишь то, что мы имели, исчезает...»<sup>1</sup>

– Maintenant il me faut une ordonnance, Monsieur...<sup>2</sup>

Когда я думаю обо всем исчезнувшем, оно мне видится, будто в телескоп, далекое и давнее. Я вижу себя: полулежу в кровати, на тумбочке – пузырек с маленькими розовыми пилюлями и стопка научной фантастики; вызванные гонконгским гриппом ломота в костях и мучительный кашель снимаются этим благотворным снадобьем, я от удовольствия ерзаю под одеялом, будто какой-нибудь английский джентльмен XVIII века, решивший не вставать всю зиму. И я помню – тогда я еще не расстался со своей зависимостью, – после целого дня в тюрьме...

Pharmacie... зеленые неоновые буквы в синих электрических сумерках... принимаю сразу двадцать четыре розовенькие и запиваю их кофе со сливками, волна ползет от затылка к бедрам, из музыкального автомата звучит Эдит Пиаф:

*Ты услышишь мое «прощай»*

*В унылом свистке паровоза...*

И я помню Лезаль не каким он был в 50-х и 60-х, а таким, каким я увидел его, когда в восемнадцать лет впервые приехал в Европу самостоятельно, перед

<sup>1</sup> Строка из стихотворения американской поэтессы Сары Тиздейл (1884–1933), уроженки Сент-Луиса, родного города Берроуза.

<sup>2</sup> – «Кодетилин Удэ»... – Да, мсье, – один или два?.. – Два. – Теперь нужен рецепт, мсье (фр.).

этим пил всю ночь... луковый суп, запах опилок, красного вина, мочи и хлеба... Таксист остановился и пригласил меня в бар выпить. Рассказывал об уличных беспорядках после дела Ставински: «Et tout d'un coup... Vthruuuuuuuur»<sup>2</sup> (словно ткань рвется). Когда слышишь пулемет, понятно, что дело серьезно... (многозначительный смех мертвых).

*On n'est pas sérieux  
Quand on a dix-sept ans*<sup>3</sup>

174

Осень, на улицах лежат мертвые листья... Где-нибудь в Отёй... длинная стена...

– Simon, aimes-tu le bruit des pas sur les feuilles mortes?<sup>4</sup> – Симон, любишь ли ты звук шагов по мертвым листьям? Мертвые листья, плывущие к писсуару, резкая аммиачная вонь мочи... на оцинкованном железе нацарапаны слова – их мог бы написать Рембо: «J'aime

1 Дело Ставински – финансовый скандал, ставший причиной самого значительного политического кризиса в истории Третьей Республики. Скандал начался с того, что облигации, выпущенные финансовой конторой Ставински и закупленные по рекомендации высокопоставленных чиновников действующего правительства крупнейшими страховыми компаниями, в декабре 1933 г. обесценились. В январе 1934 г. самого Ставински нашли мертвым, полиция заявила, что он покончил с собой, однако парламентская оппозиция заявляла, что его убили ради предотвращения политического скандала. В результате подстрекательств фашиствующих организаций правого толка 6 февраля 1934 г. в Париже произошли массовые волнения, в результате которых погибли 15 человек.

2 И тут... trrra-a-ax (*фр.*).

3 «В семнадцать лет нельзя быть серьезным» (*фр.*) – песня известного французского шансонье Лео Ферре (1916–1993).

4 Строка из стихотворения французского символиста Реми де Гурмона (1858–1915).

ces types vicieux, q'ici montrent la bite» – Мне нравятся порочные типы, что показывают здесь свои хуи. Un soldat jeune, très jeune<sup>1</sup>, взгляд искоса... О-ля-ля... Исчезло... пропало...

Так и вижу старого торговца опиумом под деревьями Гран-Сокко – солнце играет на его золотых зубах. Джейн Боулз составила петицию, призывающую сохранить деревья, но эта старая стерва мадам Порт, владелица чайной «Порт», подписать отказалась: «Je n'ai pas d'opinion». У меня нет мнения.

175

Лишь то, что мы имели, исчезает... писсуары... Лезаль... деревья... Танжер... «Кодетилин Удэ»...

*Ты услышишь мое «прощай»  
В унылом свистке паровоза...  
N'existe plus  
Il pleut dans la ville  
Finnies nous attendond bonne chance<sup>2</sup>  
«Дождь идет, мисс Чаррингтон».*

Finnies nous attendond bonne chance... Тут целая история. В 1960 году четверо молодых людей встретились в Париже, купили себе «лендровер» и собрались ехать через ливийскую пустыню. Их звали Армстронг, Шеннон, Пелье и Ив Мартэн. Первые двое – американцы, остальные – французы. На границе с Суданом, в Асуане, они взяли себе проводника. Много месяцев спустя египетский патруль обнаружил в пустыне увязнувший «лендровер». В машине и около обнаружили четыре трупа, но они так разложились, их было трудно опознать. Кого не хватало? Проводника? Египтяне утверждали, что Шеннона. В машине нашли дневник, и последняя запись в нем гласила:

1 Молодой солдат, очень молодой (фр.).

2 Этого больше нет  
В городе идет дождь  
Умирающие, мы ждем чуда... (фр.)

*Finnies nous attendons bonne chance...*

*Умирающие, мы ждем чуда...*

Неправильная грамматика последней записи указывает, что писал кто-то из американцев. Глава «Заднее сиденье снов» в «Мягкой машине» основана именно на этом происшествии.

«Дождь идет, мисс Чаррингтон...» Последние слова Улисса Гранта<sup>1</sup>, сказанные сиделке.

<sup>1</sup> С. Улисс Грант (1822–1885) – 18-й президент США (1868–1876).

## ЛЕКАРСТВО БОГОВ

177

На экране маковое поле... лепестки осыпаются как снег на ветру...

Закадровый голос: «Снотворный мак культивируется тысячи лет, и опий экстрагируют из зрелых семенных коробочек». Тут мы видим, как рабочие высыпают содержимое маленьких сопочков с опиумом в котел с водой.

«Сок, полученный из семенных коробочек мака, подвергается кипячению и фильтруется для удаления примесей, а затем перерабатывается в опий-сырец». – Кирпичики опиума на экране. – «И тысячи лет опий облегчает человеческие страдания, помогая переносить недуги и боли...» – Люди в разнообразной одежде, от тог до деловых костюмов, принимают опий в разной форме от кашля, простуды, прострелов, зубной боли, проказы и т.д. – «Недуги старости...» – Старый китаец курит опий – «Тяготы нищеты...» – На рассвете индейцы-фермеры в хижине запивают опий – «Или мученья обычной скуки».

Джентльмен XVIII века в лавке аптекаря; Аптекарь: «Жуткая погода на дворе, сэр».

Джентльмен: «В самом деле, ужасная. Нужно чуточку настойки опиума».

Аптекарь: «Разумеется, сэр. Сколько?»

Джентльмен: «Литр. Принимаю перед сном – как иначе перенести эту зиму?»

Аптекарь: «Конечно, сэр. Очень разумно с вашей стороны».

(Закадровый голос продолжает:) «Тысячу лет назад опий поддерживал силы солдат, когда армии совершали переходы из Вьетнама в Малую Азию». Солдат во Вьетнаме прислоняет к дереву свою «М-16» и колет себе опий. Тот же солдат в турецком платье запивает паек из опия, фиников и желтого сахара.

«Но задолго до того, как мак стали культивировать и человек научился получать свою вытяжку опия, некий отважный экспериментатор, должно быть, съел маковую коробочку, открыл ее целебные свойства и передал это знание ученикам. Вы видите унглингов, племя кроманьонцев, обитавшее на земле 30 000 лет назад. Хомо-сапиенсы, как вы или я – или как наши соседи».

Доисторические унглинги в звериных шкурах несут каменные топоры; один – старик, ревматик-страдалец, ковыляет позади, опираясь на посох. Подходят к полю, заросшему снотворным маком. Лепестки уже опали, коробочки созрели и пожелтели. Старик больше не может идти. Опускается на землю среди маков. В одной руке вертит коробочку; на лице задумчивость. Кусает коробочку, высасывает сок. Поднимается и отбрасывает посох. Энергичными жестами приказывает остальным собирать коробочки.

«Всю долгую зиму, укрывшись от непогоды в пещере, унглинги готовят из коробочек черное густое варево. Это горькое питье, но с ним почему-то гораздо легче переносить холод, голод и бесконечные поиски пищи».

Унглинги передают по кругу тыквенную бутылку с опийным раствором. Их передергивает от горечи, но едва питье начинает действовать, они улыбаются и энергично принимаются за дела.

«Однако происходит неожиданное...» Женщина-унглингка, уперев руки в бока, склоняется над молодым мужчиной. Внезапно она разражается бранью.

«Что она говорит? Наверное, мы все догадываемся... и вот кое-что новенькое: с приходом весны последние запасы опиума истощились, и на унглингов напала хвороба. Что за таинственная болезнь поражает не только стариков, но и молодежь? Неужели ничего нельзя сделать? Старого мудрого унглинга осенило. Должна быть какая-то связь между этой болезнью и недостатком маковых коробочек. Молодых унглингов отправляют на поиски. Они возвращаются с коробочками. И вскоре правота старого унглинга становится очевидной».

Многие годы бесчисленным миллионам людей суждено было подтверждать открытия старого мудрого унглинга и узнавать, что опиум снимает боль, устраняет недомогания, болезни и усталость, однако взимает дань – зависимость. Ежедневный прием опиума за четыре-шесть месяцев создает стойкую привычку, и внезапный отказ от приема вызывает целый ряд болезненных симптомов: спазмы в желудке и понос, насморк и слезотечение, чихание, общее беспокойство и бессонницу, слабость и упадок сил, повышенную чувствительность, самопроизвольные оргазмы и ночные кошмары.

Кокто сравнивал абстинентные синдромы с внезапным приливом растительных соков у деревьев. Действительно, в то же время возникает ощущение обновления и укрепления здоровья; Томас де Квинси писал: «Джереми Тэйлор<sup>1</sup> полагает, будто рождение столь же болезненно, сколь и смерть... все время, пока я уменьшал дозы опиума, я испытывал муки перехода из одной формы бытия в другую. Исходом же стала не смерть, а, скорее, некое телесное возрождение; и во мне с небывалой силой оживает юношеский дух...»<sup>2</sup>

1 Джереми Тэйлор (1613–1667) – английский священник и писатель.

2 Здесь и далее – пер. С. Панова и Н. Шептулина.

(Никому еще не удалось описать опыт абстиненции с большей точностью и краткостью.)

Де Квинси дал подробный и точный отчет о своем употреблении опиума в «Исповеди англичанина, любителя опиума», и я приглашаю всех, кому доводилось полностью или частично пережить этот опыт – даже если он ограничивался до- или послеоперационным уколом морфия или приемом перкодана при зубной боли – перевоплотиться в девятнадцатилетнего английского юношу дождливым воскресеньем в Лондоне.

180

Сегодня 17 сентября 1804 года. Де Квинси выбрался со своей хазы; его терзает лицевая невралгия из-за воспалившегося зуба. Бродя, видимо, безо всякой цели, он оказывается перед скромной чайной и входит. Внутри он встречает знакомого по Оксфорду, Одри Лоусона, и подсаживается к нему. Официант приносит чай, и когда горячее попадает на больной зуб, Де Квинси не удается скрыть острого приступа боли. Приятель спрашивает, в чем его беда, и сочувственно слушает.

– Рекомендую настойку опиума. Моя двоюродная бабушка страдала опоясывающим лишаем, и только это средство полностью избавляло ее от боли.

Возвращаясь домой по Оксфорд-стрит, Де Квинси видит свет в аптекарской лавке. Дождь уже стих, на город опустился густой туман, и туман этот медленно вливается в лавку, когда юноша открывает дверь и входит. Призрачный аптекарь рассеянно взирает на него.

– У вас есть настойка опиума?

– Лауданум? Разумеется, сэр. – Неторопливыми старческими движениями он наполняет бутылочку. Дает сдачу с шиллинга. – Двадцать пять капель каждые четыре–шесть часов, сэр.

Вернувшись домой, молодой Де Квинси старательно отмеряет 35 капель. Выпивает отмеренное,

разжигает камин и подсаживается к огню. Впоследствии он напишет, что сны и видения, вызванные опиумом, похожи на видения утопающего, перед глазами которого проносится вся его жизнь...

«Возьмем сельский домик, стоящий в горной долине... и пусть тот домик будет белым, обсаженным цветущим кустарником... Пусть будет у нас, однако же, не весна и не лето, не осень, а зима... Итак, нарисуй мне комнату семнадцати футов в длину, двенадцати в ширину...» Де Квинси сидит у камина и запивает чаем тщательно отмеренную дозу опийной настойки из графина.

181

Де Квинси описал мельчайшие детали опиумного опыта с точностью и откровенностью, которую до сих пор никто не превзошел; он подметил даже метаболическую предрасположенность к зависимости, которую подтвердили только недавно при исследованиях эндорфина, природного болеутолятеля, вырабатываемого головным мозгом. В части, озаглавленной «Горести опиума», Де Квинси описал глубокую меланхолию и продолжительные кошмары, сопровождающие серьезную передозировку. В его кошмарах фигурировали зловещие азиатские лица и сцены. Он описывает абстинентный синдром и метод постепенного отвыкания от опиума – систему, которая используется и по сей день. Он отмечает, как невероятно трудно отучиться от опиума собственными силами: любитель всегда найдет повод, чтобы сделать себе послабление. За пятьдесят лет у него было лишь два периода свободы от опиума: шесть месяцев и четыре.

В общем, нельзя не почувствовать, что с опиумом ему лучше, чем было бы без него, к тому же он утверждает, что не будь опиума, он умер бы от чахотки в ранней молодости. В те времена употребление и торговля опиумом были вполне законными, и, хотя Де Квинси критиковали из моральных соображений,

никто не ставил под сомнение его право покупать и употреблять опиум. Среди критиков был и Кольридж<sup>1</sup>, и когда тот в 1834 году умер, семидесятилетний Де Квинси представил в переработанном издании «Любителя опиума» следующее занятное описание безуспешных попыток Кольриджа преодолеть страсти к опиуму:

«Известно, что в Бристоле он зашел так далеко, что нанимал людей – привратников, кучеров и прочих, – чтобы те не давали ему входить в аптеки. Но поскольку полномочия останавливать его исходили от него же, эти бедняги оказывались перед метафизической дилеммой, подходящего решения для коей не смог бы найти и мастер иезуитской казуистики.

*Привратник:* Сэр, вам не следует идти туда; сэр, подумайте о своей супруге и...

*Кольридж:* О супруге? Какой супруге? Нет у меня никакой супруги!

*Привратник:* Но в самом деле, сэр, вам нельзя. Не вы ли говорили мне не далее, как вчера...

*Кольридж:* Хватит, хватит. Вчера было давно. Знаете ли вы, дружище, что известны случаи, когда люди падали *замертво*, если вовремя не получали дозу опиума?

*Привратник:* Да, но вы говорили, что мне не следует вас слушать...

*Кольридж:* Неважно, что я там наговорил вам во время оно. Возник непредвиденный случай, ужасающий непредвиденный случай – и при том совершенно неожиданно».

И здесь мы оставим Томаса Де Квинси, эсквайра, с его опийной настойкой, с его чаем, книгами и бумагами. В «Исповеди» описывается сон, от которого он проснулся со словами «вечное прощай», эхом

1 Сэмюэл Тэйлор Кольридж (1772–1834) – английский поэт и литературный критик.

звучавшими в ушах. А подобные прощания никогда нельзя принимать без глубокой ностальгии. Зимний вечер, весело потрескивает огонь в камине, отсвет горячей свечи падает на рубиновый графин с настоеккой опия.

## ПОСЛЕДНИЙ ДЖАНКИ

184

А. Дж. закрывает папку, кладет на нее локти и подается вперед. Он смотрит на Щелкопера с неприязненным холодком.

А. Дж.: Откровенно говоря, нам в Студии не нравится слово «последний» – никаких «последних»... А в чем фишка, Щ. П.? (Примечание: «фишка», «макгафф»<sup>1</sup>, «прикол», «номер» – это все голливудские жаргонизмы, обозначающие формулу, план или какой-то поступок, – то, на чем держится все действие фильма: то, что все хотят заполучить или к чему стремятся).

Щ. П.: А что если открыли средство, одного укола которого достаточно, чтобы полностью излечиться от зависимости? И что если не только мафия и прочие дилерские структуры, но и Департамент по борьбе с наркотиками совместно с ЦРУ пытаются не дать ходу этому открытию, не гнушаясь никакими средствами? Неожиданный поворот: вместо подтянутых агентов, которые выслеживают гнусных наркоторговцев, у тебя будут действовать агенты и гнусные наркоторговцы, сообщда отражающие угрозу их благосостоянию.

А. Дж.: Пока неплохо... тем более, что почва уже подготовлена Уотергейтом и «Марафонцем»<sup>2</sup>.

1 «Макгафф» или «макгаффин» – термин, предложенный Альфредом Хичкоком для обозначения любого предмета, вокруг которого в его фильмах строилась напряженная интрига, но необязательного для ее развития и разрешения.

2 «Марафонец» (1976) – фильм Джона Шлезингера (1926–2003), в котором главному герою противостоят как пре-

Щ. П.: С самого начала должно быть понятно, что возможность эффективного лечения существует уже довольно давно, но до сих пор распространение метода успешно блокировалось вышеупомянутыми заинтересованными сторонами. Краткое представление лечебной методики с помощью апоморфина, внедренной лондонским врачом доктором Дентом: сочетание апоморфина и леводопы, нынче успешно применяемое в Дании, акупунктура... определенный объем специальной информации, который следует донести до зрителя в простой, интересной и необычной форме. Недавнее открытие, что в мозгу всех позвоночных – даже самых примитивных рыб и рептилий – есть рецепторы, воспринимающие опиаты, и что, следовательно, все животные имеют предрасположенность к формированию зависимости – (у меня тут, А. Дж., будет коронная шутка: динозавры-наркоманы) – так вот, открытие воспринимающих опиаты рецепторов привело ученых к гипотезе, что тело в ответ на боль, перенапряжение и тревогу вырабатывает вещество, подобное морфию. При тяжелой травме или острой боли выработка вещества оказывается недостаточной для нейтрализации защитных реакций организма, что часто приводит к шоку, сосудистой недостаточности и смерти.

Выводы о присутствии в организме морфиеподобного вещества побудили ученых провести опыты по его выделению. Некий доктор Голдстайн выделил вещество, которое он назвал «питуитарным опиоидным пептидом», ПОП. Теперь мы можем точнее сформулировать механизм отказа. При длительном приеме морфия или героина организм прекращает вырабатывать ПОП, поскольку в нем больше нет необходимости. Поэтому если внезапно прием морфия или героина прекратить, организм остается без

---

ступники из числа бывших нацистов, так и коррумпированные агенты американских спецслужб.

естественного болеутолятеля, и то, что в обычном состоянии едва замечается как неудобство, благодаря действию этого естественного регулятора и болеутоляющего, теперь становится невыносимым, пока организм снова не начнет вырабатывать ПОП. Ученые предположили, что эффективным средством лечения наркоманов за счет стимуляции производства ПОП может оказаться акупунктура.

Далее можно предположить, что апоморфин, получаемый кипячением морфия в растворе соляной кислоты, не обладающий болеутоляющим действием, но формирующий при этом зависимость, напрямую воздействует на рецепторы, воспринимающие опиаты, и стимулирует возобновление естественного производства ПОП, что ведет к ускоренному выздоровлению, которое, однако, все равно занимает определенное время и сопровождается недомоганиями. А теперь предположим, что мы подвергаем ПОП воздействию соляной кислоты и получаем *суперрегулятор*, единичного введения которого достаточно, чтобы возобновить естественное производство ПОП и нормальный метаболизм. *И еще представь, что в момент выхода фильма появляются сообщения, что подобный метод лечения действительно разработан. Как тебе такой пиар?*

А. Дж.: Ага, как? И Киноиндустрию тут же начнут обвинять в провоцировании пожаров, эпидемий, землетрясений и разведении чудовищ... Лучше уж без такого пиара.

Щ. П.: Нужно ответить на целый ряд вопросов еще до того, как наш фильм...

А. Дж.: *Твой* фильм, Щ. П.

Щ. П.: Ладно, фильм должен быть выстроен логично и правдоподобно. Исследования по выделению ПОП действительно ведутся, о них появлялись статьи в научных журналах и массовой прессе. Нет сомнений, что хотя бы частично эти исследования

финансируются государством. Возникает вопрос, можно ли приостановить подобного рода исследования, не поднимая крупномасштабного скандала, который тут же раздут в прессе? Делаем допущение, что существует международная ударная супер-группа, куда входят наркоагенты, ЦРУ, мафия, китайцы, негры и мексиканцы, – безжалостная, хорошо финансируемая и готовая на все. Набрасываем методы атаки: срыв работы лабораторий на фоне распространения версии о том, что преступники – китайские коммунисты, стремящиеся защитить свою всемирную сеть наркоторговли; организация фиктивных лабораторий для получения заведомо негативных результатов; препятствование выпуску средства путем «демонстрации» его якобы негативного воздействия на организм; в отдельных случаях – убийство ведущих ученых невыявляемыми ядами. Подобные меры наши вояки считают подходящими в отсутствие организованного противостояния.

187

Однако противостояние постепенно формируется. Оппозиционные силы включают в себя английского врача, который разработал методику лечения апоморфином и много лет пытается добиться признания ее эффективности, что привело бы к синтезу и потенциации апоморфиновой формулы. Он вылечил двух наркоманов, которые ранее были двойными агентами секретных служб, знает все премудрости операций «плаща и кинжала» и видел, как работает Департамент по борьбе с наркотиками. Эти двое начинают собирать собственную команду: идеалистически настроенный бывший врач из Лексингтона<sup>1</sup>, бывшие

1 В Лексингтоне, штат Кентукки, находилась печально известная федеральная лечебница – одна из двух подобных колоний в США, где в 1935–1970 гг. принудительно лечили обвиненных в наркомании и связанной с ней преступлений. Сам Берроуз добровольно прошел в ней курс лечения, описанный в романе «Джанки». Его сын, Уильям

агенты и торговцы. В группу сопротивления войдут представители всех этнических групп.

Вся операция финансируется эксцентричным миллиардером, который собирается делать деньги на лекарстве от наркомании. Естественно, исследования должны проводиться подпольно. Так что лаборатория устраивается не где-нибудь на острове в Вест-Индии или в уединенной хижине в горах, а в Нью-Йорке, в мансарде СоХо. Легенда – современное искусство и кино-андеграунд. Оборудование можно выдавать за арт-объекты. Это тоже будет коронной шуткой и пародией на современное искусство, к тому же появится недорогое помещение для съемок целого ряда сцен.

Разумеется, вояки вскоре понимают, что им противостоит оппозиция. По ходу дела выясняется, что для получения лекарственного средства недостаточно просто подвергнуть ПОП воздействию соляной кислоты, но они подбираются все ближе и ближе – и в кульминационный момент фильма обнаруживается, как далеко готовы зайти вояки: они хотят начать мировую войну, сбросив атомную бомбу на Нью-Йорк.

«Господа, под угрозой будущность самой манипуляции поведением. Если это дьявольское лекарство попадет на рынок, мы потеряем все, к чему стремились. Потеряем *навсегда*...». После чего напряжение фильма постепенно спадает.

А. Дж.: Неплохо... ты говорил, что нужно подавать специальную информацию в популярной форме. И как ты предлагаешь это делать?

Щ. П.: Рад, что ты задал мне этот вопрос, А. Дж. Вместе с фильмом нужно будет показывать 15–20-ми-

---

С. Берроуз-мл., был препровожден туда в 60-х годах отцом после того, как Берроуза-мл. обвинили в подделке рецептов во Флориде (см. роман Берроуза-мл. «От винта», 1973).

нутную документалку, рассказывающую об истории опиума, его употреблении, анти-опийном законодательстве, включая разоблачение Департамента по борьбе с наркотиками и так называемой Больницы в Лексингтоне, Кентукки. Получится *пакет*: фильм плюс документалка, где вкратце излагается материал, необходимый для понимания фильма.

А. Дж.: И много у тебя еще идей наподобие этой, Щ. П.?

Щ. П.: Хоть отбавляй.

189

А. Дж.: Помнишь «Высокую Сьерру»<sup>1</sup> с Хамфри Богартом? Богарт там играет последнего из великих взломщиков, только что освобожден и уже планирует новое большое дело с двумя молокососами. Один рассказывает, как грабил винную лавку. «Так вот, смываемся через черный ход, а полиция уже перегородила проулок с обоих концов». Богарт смотрит на него и спрашивает: «И много у тебя еще таких историй?».

Значит, делаешь документалку о Департаменте по борьбе с наркотиками, да? И она идет в прокат вместе с фильмом. Получается, что все герои фильма – реальные лица, и нам вворачивают иск на миллиард долларов... Не то чтоб идея была совсем уж непрактична... Хм, документальная короткометражка, которую мы пускаем в прокат вместе с фильмом... таким образом там можно подать кучу информации, которую иначе фиг всунешь в фильм, не прерывая действия и не утомляя публику. Допустим, решили экранизировать «Мутацию сибирской язвы» Алана Скотта<sup>2</sup>; начинаем

1 «Высокая Сьерра» (1941) – криминальный триллер американского режиссера Рауля Уолша по роману Уильяма Райли Бёрнетта.

2 «Мутация сибирской язвы» – роман английского писателя Алана Скотта (р. 1947), первоначально опубликованный в 1971 г. под названием «Проект Дракула».

с документальной короткометражки «Лицом к лицу с сибирской язвой».

Щ. П.: «Му-у-у-у...» Ага, понял... хор мычащих коров; старый мудрый ветеринар по-простому рассказывает о болезни, дальше идет мультик про мистера Сибирскую Язву – как его берут в армию и он попадает в сверхсекретную лабораторию, как он уходит в самоволку... Так нам удастся избежать сцены, где два врача, работающие в одной лаборатории, популярно объясняли бы друг другу, в чем суть их совместного проекта.

190

А. Дж.: Всю концепцию надо причесать и применить к какой-нибудь не такой горячей теме...

Щ. П.: На самом деле, все зависит от того, как подать. В этой документалке про наркотики мы всего лишь популярно разъясняем публике про героин и зависимость и в то же время *показываем*, на что Департамент тратит деньги налогоплательщиков... «По плодам их узнаете их».<sup>1</sup>

А. Дж.: Если гондон налазит – суй...

## ГРАНИЦЫ КОНТРОЛЯ

Растет интерес к новым способам контролировать сознание. Существует версия, что Сирхан Сирхан<sup>1</sup> подвергся постгипнотическому внушению, когда сидел, трясясь от страха, на мармите в кухне отеля «Амбассадор» в Лос-Анджелесе, а некая женщина держала его и шептала ему на ухо. Есть сведения, что методы изменения поведения испытываются на проблемных заключенных и пациентах лечебниц, причем зачастую без их ведома. Доктор Дельгадо, которому удалось остановить разъяренного быка, дистанционно управляя электродами в мозгу животного, уехал из США, чтобы в Испании продолжить свои эксперименты на человеке.<sup>2</sup> Промывка мозгов, психотропные наркотики, лоботомия и более уточненные формы психирургии; технократический аппарат контроля в Соединенных Штатах имеет под

191

1 Сирхан Сирхан (р. 1943) – палестинский террорист. 5 июня 1968 г. в лос-анджелесском отеле «Амбассадор» убил сенатора Роберта Кеннеди. Был приговорен к смертной казни, но по просьбе Эдварда Кеннеди она была заменена на пожизненное заключение. Неоднократные прошения Сирхана об условно-досрочном освобождении отклонялись.

2 Испанский нейрофизиолог Хосе Мануэль Родригес Дельгадо в 1950–1973 гг. работал в США. Эксперимент с разъяренным быком, которого Дельгадо успокоил, действуя радиосигналом на вживленный в мозг быка электрод, был проведен в 1965 г. и получил широкую известность.

рукой новые методы, и если их применят в массовом порядке, «1984» Оруэлла покажется милой утопией.

Но основным инструментом контроля по-прежнему являются слова. Внушения – это слова. Убеждения – слова. Приказы – слова. Ни одно известное контролирующее устройство не может работать без слов, и любое контролирующее устройство, которое попытается это сделать, полагаясь единственно на внешнюю силу или физическое управление сознанием, вскоре натолкнется на границы контроля.

192

Главная загвоздка в работе контролирующих устройств – в том, что Контролю нужно время, чтобы осуществить контроль. Ибо контролю необходимо сопротивление или согласие; иначе он перестает быть контролем. Я *контролирую* загипнотизированного субъекта (по крайней мере, частично); я *контролирую* раба, собаку, рабочего; но если я каким-то образом устанавливаю *полный* контроль (вставляя в мозг электроды, например), мой подопечный немногим отличается от магнитофона, камеры, робота. Вы не *контролируете* магнитофон – вы его *используете*. Если не забывать об этом отличии, станет ясно, что тут-то и таится загвоздка. Все системы контроля пытаются сделать контроль как можно жестче, но в то же время, если бы они добились полного успеха, контролировать было бы нечего. Представим, что система контроля установила электроды в мозгах всех будущих рабочих, как только те появились на свет. Контроль теперь полный. Даже мысль о восстании неврологически невозможна. Не нужно никакой полиции. Не нужно никакого психологического контроля – просто нажимай кнопки, чтобы запускать операции.

Когда нет сопротивления, контроль теряет всякий смысл. Крайне сомнительно, что человеческий организм смог бы вынести полный контроль. Ничего бы не было. Никаких людей. *Жизнь – это воля* (побуждение),

и рабочие бы не были больше живыми, – возможно, в буквальном смысле слова. Концепция внушения как метода контроля предполагает, что контроль является частичным, а не полным. Вам не нужно ничего внушать магнитофону, равно как причинять ему боль, воздействовать физически или убеждать его.

В системе контроля индейцев майя, где священнослужители хранили всемогущие Книги о временах года и богах, календарь был рассчитан на неграмотность рабочих. Современные системы контроля рассчитаны на всеобщую грамотность, поскольку они действуют через средства массовой информации – настоящий обоюдоострый инструмент контроля, как продемонстрировал Уотергейт. Системы контроля уязвимы, а средства информации по своей природе неконтролируемы – по крайней мере, в западном обществе. Альтернативная пресса – это новости, и альтернативное общество – тоже новости, именно так их воспринимают средства массовой информации. Монополия, которой некогда пользовались Херст и Люс, рушится. В действительности, чем более герметичной и на вид успешной является система контроля, тем более уязвимой она становится. Слабость, присущая системе индейцев майя, заключается в том, что они не нуждались в вооруженных силах, чтобы контролировать рабочих, и в результате оказались без армии, когда она понадобилась, чтобы сразиться с захватчиками. Таково правило социальных структур: все ненужное атрофируется и через некоторое время приходит в негодность. Не давайте им играть в войну – а помните, что у индейцев майя не было соседей, с которыми можно было ссориться, – и они утратят способность воевать. В «Скачке майя»<sup>1</sup> я предположил, что такая система герметичного контроля

1 Седьмая глава романа У. Берроуза «Мягкая машина» (1961).

может быть полностью дезорганизована и разрушена одним-единственным человеком, имеющим доступ к контрольному календарю, от которого все больше и больше зависела система контроля, пока обычные средства подавления приходили в негодность.

Рассмотрим ситуацию контроля: десять человек в спасательной шлюпке. Двое вооруженных самозванных вожаков заставляют остальных восьмерых грести, а сами распоряжаются провиантом и водой, придерживая большую часть для себя и распределяя лишь скудную долю, достаточную, чтобы остальные восемь могли грести. Вожак теперь *вынужден* поддерживать контроль, чтобы сохранить выгодное положение, которое иначе не смогли бы удержать. В этом случае способ контроля – сила, обладание оружием. Освободиться от контроля удалось бы, взяв верх над вожаками и отобрав у них оружие. Случись такое, разумнее всего было бы сразу их убить. Таким образом, вожаки, начавшие осуществлять политику контроля, должны продолжать ее ради самосохранения. Кому в таком случае нужно контролировать других, как не тем, кто защищает положение относительного превосходства с помощью такого контроля? Зачем им нужно устанавливать контроль? Потому что, ослабни контроль, они утратили бы свое положение, превосходство, а, скорее всего – и жизнь.

Теперь рассмотрим принципы, которым следует контроль в шлюпочном сценарии: два вожака вооружены, скажем, револьверами 38-го калибра – двенадцать выстрелов на восемь потенциальных противников. Спать они могут по очереди. Как бы то ни было, им следует заботиться о том, чтобы восемь гребцов не сообразили, что их собираются убить, когда покажется земля. Даже в такой примитивной ситуации принуждению сопутствуют обман и угрозы. Вожак высадется в точке А, оставив остальным достаточно еды, чтобы те добрались до точки Б.

У них есть компас, и они разбираются в навигации. Короче, они постараются убедить остальных, что это совместное предприятие, в котором все работают для достижения одной цели. Они могут также делать уступки: увеличивать рацион пищи и воды. Уступка, конечно, означает сохранение контроля, то есть права распоряжаться запасами пищи и воды. Убеждениями и уступками они надеются предотвратить согласованное нападение восьмерых гребцов.

На самом деле они собираются отравить питьевую воду, как только покинут шлюпку. Если бы все гребцы это знали, они бы взбунтовались, невзирая на преимущество противника. Теперь мы видим, что другой существенный фактор контроля состоит в том, чтобы скрыть от контролируемых истинные намерения контролеров. Распространим шлюпочную аналогию на Корабль Государства: немногие нынешние правительства смогли бы выдержать внезапное нападение всех своих неимущих граждан, а такое нападение спокойно могло бы произойти, если бы намерения правительств были предельно ясны. Предположим, вожаки шлюпки построили баррикаду, смогли выдержать согласованное нападение и убили восьмерых гребцов. Тогда им пришлось бы грести самим, и один не был бы защищен от другого. Так и современное правительство, вооруженное мощным оружием и подготовленное к нападению, могло бы стереть с лица земли 95% своих граждан. Но кто выполнял бы работу, кто бы защищал его от солдат и техников, необходимых для производства и применения оружия? Чтобы контролировать успешно, нужно достичь равновесия и избегать ситуаций, при которых придется применять силу против всех. Это достигается путем различных методов психологического контроля – также сбалансированного. Методы подавления и психологического контроля постоянно улучшаются и совершенствуются, и все же мировые противоречия

никогда не были столь широкомасштабными или столь опасными для контролеров, как сейчас.

Все современные системы контроля пестрят противоречиями. Посмотрите на Англию. «Никогда ни в чем не заходите слишком далеко» – вот основной постулат, на котором зиждется Англия, и в этом есть своего рода здравый смысл. Тем не менее, избегая одного тупика, они попадают в другой. Все, что не продвигается вперед, движется на выход. Что ж, нет ничего вечного. Время конечно, а контролю необходимо время. Англия попросту застыла в нем и медленно идет ко дну. Посмотрите на Америку. Кто в действительности контролирует эту страну? Сложно сказать. Конечно, сверхбогатые – одна из самых могущественных контрольных групп, поскольку имеет возможность манипулировать всей экономикой. Тем не менее, ей было бы невыгодно учредить или попытаться привести к власти слишком уж фашистское правительство. Стоит применить силу, и власть денег рухнет. Вот еще одна загвоздка контроля: защита от защитников. Гитлер сформировал СС, чтобы защититься от СА. Если бы он прожил достаточно долго, сам собой возник бы вопрос защиты от СС. Римские императоры находились во власти преторианской гвардии, которая за один лишь год убила двадцать императоров. Кроме того, ни одна современная индустриальная страна не становилась фашистской без программы военной экспансии. Но больше некуда разрастаться – спустя сотни лет колониализм ушел в прошлое.

Не может быть никакого сомнения, что в Америке за последние тридцать лет произошла культурная революция беспрецедентных масштабов, а поскольку Америка теперь служит образцом для всего Западного мира, революция эта стала мировой. Другой фактор – средства массовой информации, которые во всех направлениях распространяют культурные

тенденции. Тот факт, что эта всемирная революция произошла, показывает, что контролеры были вынуждены пойти на уступки. Уступка, разумеется, – все равно сохранение контроля. Вот тебе десять центов, а я себе оставлю доллар. Ослабим цензуру, но помните, что мы еще можем пойти на попятную. Ну, сейчас это, положим, сомнительно.

Уступка – еще одна загвоздка для контроля. История показывает: как только власть начинает делать уступки, обратной дороги нет. Они могли бы, конечно, взять все уступки обратно, но это вдвойне увеличило бы риск революции и усилило угрозу открытого фашизма, что крайне опасно для нынешних контролеров. Может ли при такой неразберихе возникнуть ясный политический курс? По всей видимости, нет. Средства массовой информации оказались весьма ненадежным и даже предательским инструментом контроля. Они неуправляемы из-за своей потребности в новостях. Если одна газета или сеть газет, принадлежащих одному владельцу, сделает некий сюжет сенсационной новостью, другая газета его обязательно подхватит. Какое-либо введение правительственной цензуры в информационных службах – шаг к государственному контролю, а на это толстосумы идут с большой неохотой.

Я не хочу сказать, что контроль уничтожает сам себя автоматически и протест таким образом не нужен. Опаснее всего правительство становится, когда выбирает пораженческий или явно самоубийственный курс. Обнадеживает, что некоторые проекты по изменению поведения разоблачены и остановлены, и, конечно, подобное разоблачение и гласность будут существовать и впредь. По сути, я утверждаю, что у нас есть *право* настаивать, чтобы все научные исследования стали предметом публичного рассмотрения, и чтобы никаких исследований под грифом «совершенно секретно» больше не было.

## СТОЛЕТНИЙ ПЛАН

198

Коммунизм возник как реакция на капитализм *laissez-faire*<sup>1</sup> образца XIX века, как форма противостояния ныне уже не существующей экономической и политической системе.

Диалектический материализм – формулировка идеологическая, и именно из-за своих материалистических притязаний не может приспособиться к переменам. Запад проделал длинный путь от Папаши Военторга<sup>2</sup> и улучшенных мышеловок. Остались в прошлом потогонные мастерские, детский труд и нищенские зарплаты. Корпоративная структура западного капитализма больше не нуждается в мелком производителе с его улучшенной машиной, домом, пушкой, тканью или контрацептивом. Точно так же современный капитализм не может позволить себе мириться со злоупотреблениями, наподобие тех, что сопровождали его становление. У него нет идеологии, поэтому он умеет приспосабливаться к новым условиям. Но ему недостает долгосрочного плана. Для

1 Принцип невмешательства (*фр.* позволить делать) – экономическая доктрина, согласно которой государственное вмешательство в экономику должно быть минимальным.

2 Папаша Военторг (Daddy Warbucks) – персонаж комиксов «Сиротка Энни», созданный американским художником Гарольдом Грэм (1894–1968) в 1924 г., олицетворение «просвещенного капиталиста», заработавшего на военных заказах и ставшего филантропом.

любых подобных планов нужна хоть какая-нибудь идеология; пусть несовершенная, противная всякой логике, устаревшая или неоднократно доказавшая собственную ложность, это значения не имеет. Значение имеет лишь то, что значительная часть советских граждан верит в нее и ставит государство выше индивида. Каковы же намерения Советского государства? Они в точности соответствуют открытым заявлениям: завоевание мира. Мы вас всех похороним и превратим ваши могилы в плодородные грядки, на которых будет расти спаржа на прокорм нашим рабочим. Нам достаточно и миллиона афганцев-подхалимов, чтобы основать социалистическое государство. С остальными одиннадцатью миллионами следует обходиться как с врагами народа, с пустоглазыми паяцами, преданными делу контрреволюционного obstructионистского хулиганства.

Слова не имеют значения. Имеют значение лишь русские самолеты, танки и орудия, а также русские солдаты, готовые поставить на поток расправу с пустоглазыми паяцами и запахать их под колхозные уголья для прокорма других рабочих.

Разве повторять то, что они сами сказали, реакционно? Само собой, они имеют в виду завоевание мира. Что ж еще? Все уже сказано у Маркса. Следующий ход – ближневосточная нефть. Шах и мат. Кто-нибудь о тактике желает побазарить? *Qui vivra verra.*<sup>1</sup>

Я – элитист. Я убежден, что управлять должны способные к управлению. Мастеров своего дела всегда очень мало: очень мало по-настоящему хороших юристов, врачей, плотников, писателей, художников.

Ограничьте избирательно право... те, кто получают власть, меньше всего знают, как ею пользоваться. Мы живем в *нуждающейся* вселенной. В ней получают то, что получают, потому что в этом нуждаются,

1 Поживем – увидим (фр.).

оттесняя по дороге достойных и прошеных гостей. Весь этот фарс с правлением большинства – всего лишь лазейка, сквозь которую проникают недостойные: им известно, что инстанция избранных и разборчивых сразу же низведет их до уровня обслуги и конторских служащих, ведь только на такую работу они и способны. Шансы на выживание вида несколько не увеличиваются оттого, что принятие всех основных решений перелagается на плечи негодных, на плечи тех, кто в наименьшей степени способен представлять этот вид.

Политика – единственная сфера, где тупость и невежество бесстыдно выставляются как условия, необходимые для получения должности... Фут заявил, что не желает слышать никаких фактов об употреблении марихуаны, потому что он уже составил об этом собственное мнение... Или Уэнделл Уилки<sup>1</sup>: «И вот я стою перед вами, обыкновенный простой человек без всякого там гротонского<sup>2</sup> акцента...» «Ум, ученость» – слова, звучащие как упрек... «Умники»!

Таким образом, под руководством наименее способных, наименее компетентных, наименее дальновидных и хуже всего информированных вид навлекает на себя биологическую катастрофу. Приходят и уходят другие виды...

Возьмите динозавра: многотонный зверина пятидесяти футов в длину, а мозг – с грецкий орех.

1 Уэнделл Льюис Уилки (1892–1944) – американский политик, один из самых активных критиков политики «Нового курса». Будучи кандидатом от республиканцев на президентских выборах 1940 г., проиграл Франклину Д. Рузвельту с разрывом в 5 миллионов голосов.

2 Гротон – городок в штате Массачусетс, известный двумя элитными частными школами, выпускниками которых были Франклин Д. Рузвельт, Эверелл Харриман, Дин Ачесон и др. политики, разработавшие доктрину «Нового курса».

У него были серьезные неприятности, однако он не мог всерьез ими озаботиться. Создано множество теорий, объясняющих исчезновение этих величественных существ. Несомненно, одним из факторов был размер. Плотоядные их разновидности были настолько огромны, что трудности с соответствующим пропитанием становились хронической проблемой, которая за много веков и тысячелетий не могла не привести к критической ситуации.

Один из травоядных видов был оснащен тонкой длинной шеей, которая становилась все длиннее, чтобы добывать как можно больше корма; возможно, они попали в безвыходное положение, когда поддерживать такой образ жизни стало проблематично, даже если они ели день и ночь. Появившиеся в то время млекопитающие тоже причиняли хлопоты: поедали яйца динозавров и тем самым на корню подрывали перспективы их выживания. Представим внеочередной чрезвычайный конгресс динозавровых лидеров. Лучшие и ярчайшие – по крайней мере, по их собственным представлениям.

– Товарищи рептилии! В этот тяжелый для нас час, я готов без колебаний признать, что перед нами стоят серьезнейшие вопросы... И готов без колебаний признать, что ответ на них у нас есть. *Величина* – вот наш ответ, *наращивание* величины... Мне вот помогло. (*Аплодисменты.*) Только величина позволит нам сокрушить любое сопротивление. (*Аплодисменты.*) Среди нас есть товарищи, полагающие, что величина – не ответ. Есть и такие, кто осмеливается говорить о необходимости осквернения нашего благородного рептильного племени смешением и скрещиванием с презренными млекопитающими... На это я отвечу: даже если бы единственным средством выживания для меня оказалось спаривание с этими крысами-йцеедами, я предпочел бы не выживать. (*Аплодисменты.*) Но мы будем жить... Мы будем увеличиваться

в размерах и прирастать числом и мы по-прежнему будем господствовать над планетой, как и триста миллионов лет назад... (*Бурные аплодисменты.*)

Именно это мы теперь слышим и наблюдаем. Когда для выживания требуются максимальное разнообразие и высокая биологическая приспособляемость вплоть до мутации, как на Западе, так и в коммунистических странах раздаются требования все более жесткой конформности и стандартизации.

202

Шпионаж и война – игры, быть может – единственные из оставшихся у нас осмысленных игр. Когда один игрок становится слишком искусным, возникает угроза прекращения самой игры. Как каратист, который может, не уронив пивной бутылки, отсечь ей горлышко. Он никогда не был в настоящем бою – кто станет с ним биться? Феноменальные мастера стрельбы типа Джо Макгиверна никогда не участвовали в реальных перестрелках. Они для этого слишком виртуозны.

Если шпионаж – одна из немногих оставшихся нам игр, значит, профессиональное мастерство следует самым тщательным образом, э-э, нормировать... Именно поэтому спецслужбы с такой неохотой пользуются детекторами лжи – разве что ради очистки собственных рядов от геев и наркоманов. Вот, например, роман Ле Карре «Шпион, пришедший с холода»... Лимас делает вид, что переходит на сторону коммунистов, ибо крайне недоволен отношением британских служб к собственной персоне. (Между прочим, один из старейших приемов в шпионских играх – очевидный перебежчик... Сколько бы он продержался с детектором лжи?)

Так что семейство Джонсонов обладает неоспоримым превосходством. Мы не играем. Мы хотим положить конец этим дурацким играм. Для нас шпионаж и война – всего лишь средство достижения цели: освоения космоса.

## ЖЕНЩИНЫ: БИОЛОГИЧЕСКАЯ ОШИБКА?

203

Я отдаю себе отчет в том, что многие считают меня мизогинном. Но, цитируя «Оксфордский словарь», «мизогин – ненавистник женщин». Предполагается, что этим он занимается круглые сутки? Коржибский, основатель Общей Семантики, всегда призывал сузить обобщение: *каких именно* женщин? Где и когда? Моей английской няни со страниц «Поворота винта»<sup>1</sup>? Она действительно научила меня кое-каким полезным присказкам – «Споткнулся, поскользнулся, покачнулся и упал...» Или старой ирландской ведьмы, обучившей меня заклинать жаб и вызывать слепящего червяка<sup>2</sup> из сгнившего хлеба? Как отдаленно и ностальгично, с душком перегноя и свинарника. Или той матроны из Сент-Луиса, которая сказала, что я – ходячий труп? Да только не всякий труп может ходить; ее не может.

Перейдем к тяжеловескам. *Femme fatale*<sup>3</sup>, во всех ее обличьях... Кали отплясывает мохнаткин водевиль... Белая Богиня пожирает супруга... Ужасная Мать входит в роль... Вавилонская блудница въезжает на черной пантере, вереща: «Придурки! Я выжму из вас все соки». Такого хватит, чтобы мужчина окаменел. Но это лишь поверхностные манифестации,

1 «Поворот винта» (1898) – повесть американского писателя Генри Джеймса (1843–1916).

2 Паразитический червь вида *Onchocerca volvulus*.

3 Роковая женщина (*фр.*).

точнее – девочки второго плана: обслуга. После одного взгляда на эту планету любой визитер из космоса сказал бы: «позовите *НАЧАЛЬНИКА!*»

204 Запросто может оказаться, что женщины – биологическая ошибка; я сказал это в «Работе». Но точно так же – и все остальные, кого я вижу вокруг. Динозавры тоже оказались ошибкой, но что такое несколько сот миллионов лет, чуть больше или меньше, для такого благородного эксперимента? А сейчас, когда смертельный круговорот перенаселения, загрязнения окружающей среды, истощения природных ресурсов, радиоактивности и конфликтов разрастается до катаклизма под лозунгом *sauve-qui-peut*<sup>1</sup>, – сознательные граждане задаются вопросом, не ошибкой ли было выпускать в забег племенных все человеческое племя. Затем возникает такой вопрос: чья это ошибка, ибо ошибки предполагают умысел, а я убежден, что ничего в этом мире не происходит без чьей-то на то воли или умысла.

Было бы самонадеянно, если не сказать нагло, утверждать, что Создатель схалтурил, поскольку халтура с нашей точки зрения может быть хорошей работой с его, ее или их точки зрения. История этой планеты – история идиотизма, подчеркнутого несколькими дебилами, которые выделились как относительные гении. Рассматривая человеческий организм как намеренный *артефакт* Создателя, мы, стало быть, можем более-менее разобраться – где мы и что мы. На сегодняшний день ни один супергений не сумел даже приблизиться к так называемым нормальным умственным способностям, потребным для возможного функционирования человеческого артефакта.

– Посмотрите на этот артефакт, – инструктор берет ружье с кремневым замком. – Что с ним не так?

1 Спасайся кто может (*фр.*).

Много чего. Ему еще предстоит долгий путь. – Берет современную автоматическую винтовку. – Теперь мы приближаемся к пределу эффективности стрелкового оружия, выталкивающего пулю подрывом заряда. Теперь посмотрим на *этот* артефакт. – Он берет в руки клетку, в которой рычит ласка. – Что не так с этим артефактом? Ничего. Он ограничен, но в пределах своих задач и структуры функционирует совсем неплохо...

Посмотрите на человеческий артефакт. Что с ним не так? Да почти все. Вот вам биологический вид, который может жить на морском берегу, смотреть на корабли, приходящие день за днем, год за годом, и все равно верить, что Земля плоская, потому что так учит церковь; вид, способный пятьсот лет пулять ядра, и только потом в его бесплодной почве расцветет мысль, что пушечное ядро может взрываться при контакте... Я мог бы продолжать до бесконечности. Так почему же человеческий артефакт так задержался со своим кремневым замком? Я выдвигаю теорию, что мы не были созданы для нашего нынешнего состояния, – так же как головастик не создан для того, чтобы оставаться головастиком навсегда.

Человеческий организм находится в неотении. Этот биологический термин применяется к организму, заиклившимся на том, что обычно является личиночной или переходной фазой. Как правило, саламандра начинает свой жизненный цикл в воде с жабрами, затем жабры атрофируются, и у животного появляются легкие. Хотя некоторые саламандры никогда не расстаются с жабрами и не выходят из воды. Они пребывают в неотении. Возьмем, к примеру, аксолотля, найденного в Мексике. Ученые, растроганные плачевным состоянием прекрасного существа, сделали ему инъекцию гормонов, дабы помочь избавиться от жабр и выйти из воды после многовековой неотении. Наверное, слишком самонадеянно будет

рассчитывать, что одна простая инъекция способна вытряхнуть человеческий род из его задержанной эволюции. Но при каких бы обстоятельствах не произошла эта перемена, она будет необратима. Аксолотль, утративший жабры, никогда не сможет их вернуть. Похоже, эволюция – дорога с односторонним движением.

Что же до ступеней эволюции, возникает ощущение, будто живое существо на них как-то хитро заманили. Вот рыба, способная пережить засуху, потому что у нее появились ноги и зачатки легких. Рыбе подавай одно – добраться от одного источника воды к другому. Но избавившись от жабр, она останется неразлучна со своими легкими отныне и навсегда. Таким образом, рыба совершила эволюционный шаг вперед. Искала воду, а обрела воздух.

Возможно, для человеческого племени шаг вперед будет сделан так же. Астронавт не ищет пространство, он ищет больше *времени* – таким образом уравнивая пространство и время. Вся космическая программа – просто-напросто попытка перевезти наши безвыходные временные тупики куда-то еще. Хотя, как таходячая рыба, в поисках времени мы вместо этого, возможно, обретаем пространство и потом обнаружим, что пути назад нет.

Такой эволюционный шаг повлек бы за собой изменения, буквально невообразимые с нашей нынешней точки зрения. Является ли разделение полов произвольным ухищрением, дабы не отказываться от заведомо невыполнимой договоренности? Повлечет ли следующий шаг слияние полов в один организм? И какова будет природа этого организма? Как Коржибский всегда говорил, «я не знаю; посмотрим». Или глупо ожидать, что эта выброшенная на берег рыба – человеческое племя – во имя эволюции задумается о чем-то неммыслимом?

## БЕССМЕРТИЕ

*Для меня единственный успех, единственное величие – бессмертие.* 207

Джеймс Дин

Цит. по книге Дэвида Долтона  
«Джеймс Дин, король-мутант»

Полковник обводил толпу лучезарным взглядом... напояженный, наманикюренный – на вид такой довольный, словно только что продал вдове перезаложенный персиковый сад.

– Народ, мы тут продаем единственное, что стоит продавать или покупать, – бессмертие. Вот вам простейшее решение, и путь к нему открыт. Просто замените изношенные детали – и колымага будет ездить сколько угодно.

Вековая мечта о бессмертии становится доступна человечеству по мере того, как усовершенствуются и оттачиваются методы трансплантации. Но кто будет выбирать из миллиона соискателей одного сердца? Запчастей на всех просто не хватит. Крупные чиновные шишки неизменно расходуют по сердцу в месяц. Полководцы, платя своим солдатам печенками, почками и гениталиями, изводят население целых областей. Всю землю покрывают гигантские госпитальные города – от больничных дворцов с кондиционированием воздуха для богачей до полевых госпиталей и операционных киосков на открытом воздухе. Восстают огромные толпы бедняков. Нападают на

государственные склады, где хранятся драгоценные запчасти. Все, кто может их себе позволить, держат собак и охрану, дабы защититься от бродячих шаек охотников за деталями, вроде кошмарных Диких Врачей, которые оперируют друг друга после боя, отрезая теплые и подрагивающие части тел мертвых и умирающих. Гоп-резчики выскакивают из парадных и несколькими умелыми взмахами четырехдюймовых скальпелей выкраивают почку. Люди совсем потеряли стыд. Вот мужчина, продавший последнюю почку своей дочери, чтобы купить себе новую мошонку, – появляется на телеэкране, призывает собирать средства на покупку искусственной почки, чтобы подарить малютке Салли на минувшее Рождество. За руку его цепляется пышная блондинка, явно по кличке Пумпусик. А его она зовет Длинным Джоном – нет, ну какая прелесть, а?

В выпотрошенных городах, опустошенных анатомическими бунтами, ширится и процветает черный рынок частей тел. В жутких трущобах оживают сцены из Брейгеля и Босха... бесформенные массы гнилой рубцовой ткани, кишашей личинками, на костылях и с клюками, в инвалидных креслах и на каталках. Жестокие мясники-врачи оперируют без анестезии в уличных киосках, среди кровавых ножей и пил. Нищие стоят в очередях за больными гениталиями, раковыми легкими, циррозной печенью. Ползут к операционным киоскам, протягивают врачам что-то неведомое в бутылках – они считают это еще пригодными деталями. На доверчивых паразитируют бесстыжие жулики, скупающие операционные отходы за бесценок.

И вот, пожалте, г-н Изобилл Анатомье. Ему триста лет. Он еще может умереть от несчастного случая, и при одной мысли об этом он корчится от идиотического ужаса. Днями напролет он не высовывает носа из бункера – двести футов вглубь в скальной

породе, жратвы на полвека. Поездка из одного города в другой требует многих месяцев перестановок и проверок компьютеризованных планов и альтернативных маршрутов, дабы избежать несчастного случая. Его идиотская трусость не знает границ. Вот сидит он, похожий на чимуйскую<sup>1</sup> вазу с толстым слоем гладких багровых рубцов. В таких доспехах он словно медленно движется под водой. На то, чтобы сесть, у него уходит десять минут. Слой становится все толще – до самой кости; врачам уже приходится оперировать инструментами с механическим приводом. На том и оставляем мы г-на Изобилла Анатомье и публику с колоритными частями тел; и памятником им будет гора рубцовой ткани.

Г-н Л. Рон Хаббард<sup>2</sup> говорил: «Самое праведное для человека – жить неправедно долго». Я написал «неправедно», а не «нескончаемо», и описка значима: средства, коими бессмертие достигается в научной фантастике – которая вскоре станет научным фактом, – и впрямь нескончаемо неправедны, неправеднее и вообразить нельзя: это средства вампиров или кого похуже.

Усовершенствованные методы трансплантации вызывают вопрос, нельзя ли само Я пересадить из одного тела в другое? А следующий вопрос: где в таком

1 Чиму – могущественное государство на перуанском побережье, простиралось от Тумбеса на севере до района Лимы на юге и представляло собой деспотическую империю с развитой городской культурой. Наиболее известны изделия из золота и серебра, черная керамика с рельефной орнаментацией. Государство Чиму было покорено инками и поглощено их империей около 1470 г.

2 Лафайетт Рональд Хаббард (1911–1986) – американский писатель, создатель учения дианетики и основатель Церкви сайентологии. У. Берроуз примкнул к Церкви в 1960 г., но впоследствии критиковал учение Хаббарда и полемизировал с его последователями.

случае будет такая сущность обитать? Вот г-н Харт, триллионер, преданный делу собственного бессмертия. Где же эта штука, что зовется г-ном Хартом? Где именно в человеческой нервной системе обитает этот урод-смертесос, смертеторговец, эта *тварь*, боящаяся смерти? Наука способна дать предположительный ответ: Я, судя по всему, располагается в среднем мозге, на макушке. Так вот, он считает, будто можно эдак запросто вычерпать это Я из здорового юноши, его собственное вышвырнуть на помойку, где ему самое место, а то засунуть мннееее. И вот он принимается искать нейрохирурга, «омлетчика» для яйцеголовых – и ему нужен лучший. А когда речь заходит о буфетной кухне, со старым доком Цайтом не сравнится никто. Это в любом закоулке яйцами жонглирует...

Г-н Харт олицетворяет состязательный, стяжательский, ориентированный на успех дух, определивший американский капитализм. Логическое продолжение этого мерзкого духа – преступник. Успех сам себя оправдывает. Тот, кто преуспевает, заслуживает успеха, он прав.

Операция проходит успешно. Врачи скромно удалились. Когда человек приходит в себя в прекрасном новом Тулове, можно спятить. Свидетель тут ничего себе не словит. Г-н Харт встает и с удовольствием потягивается новым телом. Оглаживает руками упругие юные мускулы – там, где раньше было пузо. От его донора осталась лишь клякса серого вещества на блюдечке. Г-н Харт упирает руки в бока и нагибается над кляксой:

– Ну и куда тебе еще несправедней? Дохлятина.

И плюет на кляксу – мерзко плюет.

Судя по всему, последние конвульсии вселенной, основанной на количественных факторах – деньгах, джанке и времени, – уже на подходе. Близится время, когда ни за какие деньги ничего не купишь, а само время истечет. В «Энзиме Мафусаила» Фреда

Мастарда Стюарта<sup>1</sup> швейцарский ученый д-р Ментиус обнаруживает энзим юности, который называет ментазой. Как выясняется, уместнее было бы звать «тити» от имени Титона<sup>2</sup> или «сов» от *saue qui reut*. Детки этот эликсир выделяют, старикам он нужен в особенности. Между 25 и 60 годами ментаза постепенно выводится из тела. Ключевое слово: добыча. Ментиус даже не подступился к синтезу ментазы – но использовать на стариках непроверенное вещество, добытое у молодых людей без их ведома и согласия? Его медицинскую этику отчетливо корежит. Но ментаза, говорит он сурово, не может быть потеряна для человечества. Коллеги-медики считают Ментиуса блистательным безумцем: к кому нам обратиться за финансированием? И он берет четырех богатых клиентов, которые приведут юных доноров...

«Должно быть, я вырубился в бассейне, размышляет Билл. Позднее он нашел крохотный кусочек пластыря, прилепленный на голове у самых волос...» Детки не знают, что отдают свою ментазу престарелому спонсору, и вот вам одна старая гнида – приводит собственного сына-подростка в клинику и сосет из него всю молодость и пользу. Таким манером старичье молодеет, а детки...

– Хью, миленький, какие интересные веснушки... Что это?

*Гепатическая хлоазма.* Врач вынужден признать, что со всех сторон вышла полная *dummheit*<sup>3</sup>. Сами

1 Фред Мастард Стюарт (1932–2007) – американский писатель, автор фантастических и приключенческих романов. «Энзим Мафусаила» опубликован в 1970 г.

2 Титон (Тифон) – в греческой мифологии сын царя Трои Лаомедонта, брат Пирама, возлюбленный богини Эос, родившей ему Мемнона. По просьбе Эос Зевс сделал Титона бессмертным, но не дал ему вечной молодости. Дряхлого неумирающего старика Титона Эос превратила в цикаду.

3 Глупость (*нем.*).

старые пердуны не производят никакой ментазы; у них есть лишь то, что доктор прописал. И вот – авария, жуткий кризис, совершенно непредвиденный. Врач, весь посерев, отшатывается от микроскопа. Он понимает, что если прекратить инъекции ментазы, старение начнется вновь – и в сильно ускоренном темпе. Пораженное этим процессом «лицо пожилого возраста» состарится прямо на глазах.

– Еще при жизни и в полном сознании вы вполне буквально распадаетесь, – откровенно излагает он. – Легче вам станет только в том случае, если вы сойдете с ума.

И для деток, которые уже сравнивают свои печеночные пятна, у доброго доктора есть хорошие новости:

– Отсекши часть вашего эпифиза, мы, похоже, э-э... *остановили* у вас выработку ментазы, и результат, говоря попросту, свелся к тому, что стареете вы в сотни раз быстрее обычного, – неубедительно признает врач.

Острая нехватка ментазы. Ключевое слово – Добыча. Стареющие детки, ныне столь же бессовестные, как и старики, сами быстро превращаются в старших, иначе говоря – становятся грубыми, уродливыми и не только бесстыжими, но и мерзкими, и идут вербовать новых деток на ментазу... Платят им, конечно, той же ментазой, и всякий завербованный должен, в свою очередь, нанвербовать новых доноров. Прикиньте, как это разрастется за пятилетку, учитывая, сколь краток продуктивный период доноров.

Напоминает старую аферу со зверофермой. Вкладываете 500 долларов и покупаете пару норок. Ферма обычно располагается где-нибудь в Канаде, которая всегда была центром почтового жульничества. Ферма позаботится о ваших норках, которые, плодясь каждые полгода, приносят помет из восьми или больше зверьков, которые, в свою очередь, в возрасте

полугода тоже начнут спариваться и приносить потомство. Берите бумагу и карандаш... и это еще не все... некоторые норки окажутся *мутантами* – зелеными, голубыми, альбиносами, перламутрово-розовыми, а может, вы сорвете куш, и ваша норка будет всех цветов радуги, 2000 долларов за шкурку. И вот когда вы уже нежитесь в шкафах норковых шуб до пят, приходит письмо с фермы, где черным по белому говорится: с сожалением извещаем вас, что две ваши норки скончались от чумки.

213

Алчным ментазным наркоманам нужно все больше, больше и больше. Любой чисто количественный фактор со временем обесценивается. Все больше джанка-денег-ментазы уходит на то, чтобы купить все меньше. Может, у г-на Харта целый склад ментазы, которую он добыл, опустошив какой-нибудь континент; но со временем и она истощится. Но задолго до того, как она вся выйдет, он уже достигнет такого рубежа, когда сколько бы ментазы ни вводил он в свою стареющую тушку, остановить процесс старения невозможно.

Ментаза – аллегория иступленного вампиризма. Но все вампирические чертежи бессмертия неправедны не только с точки зрения нравственности. Они до крайности неприменимы. В «Космических вампирах» Колин Уилсон<sup>1</sup> говорит о доброкачественных вампирах. Немножко берем, немножко оставляем. Но они всегда берут больше, чем оставляют, по самой природе вампирического процесса – незаметного, однако непреклонного потребления. Вампир преобразует качество: живую кровь, жизненную силу, юность, талант – в количество: пищу и время для себя самого. Он совершает самое низменное предательство

<sup>1</sup> Колин Генри Уилсон (р. 1931) – английский писатель, культуролог, исследователь оккультизма и конспирологии. Его роман ужасов «Космические вампиры» опубликован в 1976 г.

духа, низводя все человеческие мечты до своего говна. А несправеднее такого человека быть не может. И личное бессмертие в физическом теле невозможно, поскольку физическое тело существует во времени, а время – такая штука, которая заканчивается. Когда кто-нибудь говорит, что хочет жить вечно, он забывает, что «вечно» – понятие времени... Все трехмерные проекты бессмертия, говоря мягко, непродуманны, поскольку лишь погружают стремящегося к бессмертию глубже во время.

Утомительная концепция личного бессмертия основана на иллюзии некоей неизменной драгоценной сущности, то есть – старого алчного мнеееее навсегда. Буддисты утверждают, что никакого мнееееее не бывает, нет неизменного Я...

То, что мы считаем нашим Я, – защитная реакция, в точности как симптомы болезни: жар, опухоль, потоотделение, – реакция тела на вторгшийся организм. Стало быть, наше возлюбленное Я, восставая из гнилых сорняков похоти, страха и злости, обладает целостностью не большей, нежели испарина. Нет никакого Я, есть лишь изменчивый процесс, нереальный, будто Города Вонеедов, что растворяются под дождем. Задумайтесь на миг, и этого хватит, чтобы понять: мы уже не те, какими были год назад, неделю назад. Здесь открывается множество дверей. Дух ваш может обитать в нескольких телах – не отвратительным паразитом, опустошающим носителя, но полезным маленьким гостем:

– Жиль-Жилец... много места не займу... покажу фокус-другой... я вам не надоем.

Чудные люди – некоторые астронавты. Гриссом, погибший при пожаре спускаемого аппарата, за едой всегда брал себе *добавку*. А Рэндольф Скотт<sup>1</sup>, по

1 Вирджил Айвэн («Гас») Гриссом (1926–1967) – американский астронавт, погиб в крушении спускаемого аппарата

описаньям, был заметно *хорошо развит* и *мускулист*, и вот славный маленький гость только для вас:

*Мускулистый Рэнди Скотт,  
Мой любимый звездоход,  
Скотт-Крепыш о-ё-ёй,  
Покатай меня с собой.*

Такое происходит все время. Подумаешь о ком-то – и слышишь у себя в глотке его голос, в лице своем ощущаешь его лицо, а из тебя выглядывают его глаза. Можно заметить, что с одними людьми такое бывает чаще, чем с другими. А некоторые больше присутствуют голосом. Стоит только подумать о моей английской знакомой Фелисити Мэйсон, и кажется, что ее четкий выговор британской аристократки разносится по всей комнате. А у Грегори Корсо сильный рассеянный голос. Не будем лукавить: вы – это другие, и другие – это вы. Сделайте полсотни снимков одного человека за час. Некоторые окажутся столь непохожи на оригинал, что будут совершенно неузнаваемы. А некоторые будут походить на кого-нибудь другого:

– Да он тут – вылитый Хрущев, один золотой зуб выглядывает.

Мнимая нерушимость отдельной личности ограничивает ваши восприятия и заточает вас во времени. Вы живете в других, а другие живут в вас; мы называем такое «гостями», и, разумеется, «ходить в гости» гораздо легче к своим Клоникам. Когда я впервые услышал о клонировании, мне это показалось концепцией *плодотворной*: да тут же можно оказаться в сотне разных мест сразу и *пережить* все, что переживают другие клоны. Меня поражает возмущение такой хорошей штукой – со стороны не

---

при тренировочном полете «Аполлона-1». Дэвид Рэндольф Скотт (р. 1932) – американский астронавт, командир «Аполлона-15», один из 12 человек, ступивших на Луну.

только духовенства, но и ученых... тех же ученых, чьи терпеливые изысканья и преподнесли клонирование нам едва ли не на блюдечке. Сих ученых господ тревожит одна мысль о клоне. Будто стадо скота на грани паники они роют землю копытами и боязливо мычат...

– Самость – сущностная правда жизни. Мысль о деиндивидуализации человека приводит в ужас.

216

Кого она приводит в ужас? Говори за себя, робкая старая гадина, укрывшаяся в своей вечной лаборатории. Судя по всему, слишком многие ученые ни сном ни духом не ведают о самых элементарных духовных понятиях. А люди они, по большей части, подозрительные, колючие, параноидального склада: катают в тачках свои раздутые Я, точно жертв какого-нибудь элфантиаза со вспученными мошонками, и наверняка боятся, что к ним прямо в мозг украдкой проникнет неблагодарный клон-студент и сопрет их гениальные труды. От нечестности такого деянья слезы наворачиваются ему на глаза, что тревожно щурятся под бифокальными стеклами. Он читает книгу Дэвида Рорвика «По образу Его»<sup>1</sup>. Там богатый старый чудила желает клонироваться и выходит на автора – научного обозревателя, который в курсе всех исследователей с закидонами. И вообще-то знает как раз врача для такой работы – его фамилия Дарвин. Но прежде чем он сведет Макса с Дарвином, Макс должен дать ему слово, что отнесется ко всему этому *нравственно*. Строго по одному клону за раз. Макс должен дать клятву, что он не станет никого клонировать, если это может вос-

1 Дэвид Рорвик (р. 1943) – американский журналист и писатель. Хотя его книга о тайных экспериментах по клонированию человека «По образу Его: клонирование человека» (1978) была признана в судебном порядке мистификацией, ни правдивости, ни ложности приведенных в ней фактов доказать не удалось.

приниматься как путч хладноглазых *нечеловеческих* армий клонов.

На скале над долиной стоит группа идентичных юношей. Один пугает. Никто не улыбается, лица их неизменны. Один куда-то показывает. Единым махом, совершенно синхронно они подхватывают рюкзаки и ружья и отправляются в путь.

Крупный план, когда они движутся по горной тропе, показывает, что всем лицам недостает чего-то привычного. Отсутствие это зияет так, словно лицам не хватает ртов или носов. Нет ни одного лица, готового посмотреть на другие лица, отразиться в них, произвести впечатление или утвердиться. Лица эти сливаются с пейзажем, словно складываются в пазл.

В книге Макс сдерживает себя и просто наблюдает за тем, как растет его маленький клон. В моем воображаемом продолжении он больше склонен к авантюрам.

В то время я выполнял другое задание – пришлось уехать на год. Когда я вернулся, шофер Роберто встретил меня в аэропорту с новой одеждой и дорогими наручными часами. Подъезжая к больнице, я заметил, что Факультет разросся до внушительного комплекса зданий. Мы добрались до Расширенного Факультета, и Роберто ввел меня в холл, где я увидел около полсотни мальчишек, разыгрывавших какое-то действо. Одни в церковном одеянье тянули нараспев:

– Вмешиваться в замыслы Творца.

– У всякого из нас есть право на особые, но все ж уникальные отношения с Творцом...

Других одели в трясущихся ученых, лепечущих в сенильном маразме:

– Мы не способны нравственно постичь, возможно ли клонирование.

– Форсирование кризиса личности.

Омерзительный ученый, похожий на жуткую жабу, квакает:

– Разница внешности укрепляет наше чувство само-сти и тем поддерживает ощущение *индивидуальной* ценности, кою мы ищем в себе и других.

– Мысль о деиндивидуализации человека возму-тительна! – визжит надменный старый грамотей. Нырять к себе в кабинет и отшатывается в ужасе. За столом сидит его копия и листает его записи. Я по-нимаю, что мальчишки высмеивают противников клонирования. Тут вместе с доктором Дарвином вхо-дит Макс. Дарвин переменился. Сварливость и нере-шительность его исчезли, колючесть натуры – тоже. Он дышет здоровьем и уверенностью. Мальчишки бурно приветствуют его:

– Сколько убили сегодня, док?

Макс хватается за обе руки сразу и заглядывает в глаза с тихим лучистым напором.

– Приятно тебя видеть.

Мальчишки уже сняли грим: все они – идеальные образчики юной мужественности.

– Мальчишки, – объявляет Макс, словно цирковой зазы-вала. – Грядет *Непорочное, Девственное* рождение.

Он ведет к родовому отделению, обставленно-му для Сцены Рождества, где тужатся полсотни де-вушек. Я замечаю, что на них декомпрессионные скафандры.

– Теперь мы свели все к нескольким минутам, – со-общает мне Дарвин.

Не успевает он договорить, как что-то чпокает, словно выдернули пробку, и санитар воздевает в ру-ках вопящего младенца.

– Эгегегегеййй! – орет мальчик. – *Меня клониро-вали!*

Я указываю Макс, что это – беспардонное нару-шение нашего с ним уговора.

Он меня не слышит.

– Теперь в эти фабрики клонирования направлены все ресурсы Трака... Они вымахивают по всему миру... Я их зову моими маковками...

Роберто изображает цыпленка, вылупляющегося из яйца, и мерзким фальцетом поет:

– Pio pio pio yo soy un pollito!<sup>1</sup>

А Макс заходится от хохота:

– Нет, я не сбрендил. И это эго не обезумело. Напротив, клонирование – конец всему Я. Впервые дух человеческий способен отъединиться от человеческой машинерии, увидеть ее и использовать как машину. Он больше не отождествляется с одной особой Мне-Машиной. Человеческий организм стал артефактом, который можно использовать как самолет или космический корабль.

219

Джон Джорно<sup>2</sup> задавался вопросом, не сотрется ли клон клона клона попросту в белый шум, копии пленок. Как говаривал граф Коржибский: «Не знаю, посмотрим».

Я утверждаю, что подлинного бессмертия можно достичь лишь в космосе. Космические исследования – единственная цель, к которой стоит стремиться. Там за холмами и вдали. В своих врагах признаешь тех, кто заступил тебе дорогу. Вампирические монополисты будут держать тебя во времени, как свою скотину.

– Хорошо, что коровы не летают, – говорят они, гадко хмыкая. Злые разумные Боги Рабов.

Легковверные, попутавшие и глупые – такая же опасность, благодаря тому обструкционному потенциалу, которым располагает сама их масса.

1 Цып-цып-цып, я цыпленок! (*исп.*)

2 Джон Джорно (р. 1936) – американский поэт, основатель творческого коллектива «Поэтические системы Джорно», занимавшегося донесением поэзии до масс новыми техническими средствами.

У меня в альбоме есть интересная вырезка. Из новостей «Боулдер Кэмера». Фотография старухи, которая скалится вставными зубами, улыбаясь, как мертвая голова. Она выступает от имени Женского христианского союза воздержанности<sup>1</sup>.

– Мы против жестокого обращения с детьми, неумеренности и бессмертия.

Путь к бессмертию лежит через космос, а христианство, погребенное в шлакоотвалах мертвой догмы, сопливых молитв и пустых посулов, и должно противостоять этому бессмертию в космосе – так подделка неизменно боится и ненавидит подлинное. Возрождение ислама... возродившиеся христиане... изношенные верованья... лишний багаж... *gaus mit!*<sup>2</sup>

Бессмертие – продленное будущее, а будущее любого артефакта состоит в увеличении гибкости, способности меняться и, в конечном итоге, в мутации. Бессмертие можно рассматривать как побочный продукт функции: «сиять при использовании». Мутация включает в себя перемены, буквально невообразимые с точки зрения будущего мутанта. Холоднокровные, не видящие снов существа, что живут в сравнительно невесомой водной среде, не способны постичь, как дышать воздухом, видеть сны и ощущать силу тяготения – основную правду жизни. Возникнут новые страхи, вроде страха паденья, новые наслаждения и новые необходимости. У жизни в такой надежной среде, как вода, есть отчетливые преимущества. Мутация – не вопрос логических предпочтений.

Человеческие мутанты должны сделать шаг в неизвестное – тот шаг, которые прежде не делало ни единое человеческое существо.

1 Женский христианский союз воздержанности – американская антиалкогольная организация, основанная в 1874 г.

2 Зд.: тоже вон! (нем.)

- Мы первыми ворвались в это безмолвное море.
- Мы то, из чего сотканы мечты.<sup>1</sup>

Недавние исследования снов принесли огромное количество данных, но никто еще не собрал разрозненные части в пригодную теорию поля.

Безусловно, самым значительным открытием, сделанным при точном исследовании снов на добровольцах, является тот факт, что *сны – биологическая необходимость* всех теплокровных животных. Лишенные фазы быстрого сна, они проявляют все симптомы бессонницы вне зависимости от того, сколько сна без сновидений им выделяют. Если депривацию не прекратить, они гибнут.

221

Все сновидения у подопытных мужчин, за исключением кошмаров, сопровождаются эрекцией. Объяснения этому никто не выдвинул. Интересно отметить, что самец шимпанзе, который пальцами и ладонями малевал картины, причем – неплохо, при своих творческих актах впадал в сексуальное неистовство.

Холоднокровные животные снов не видят. Их видят все теплокровные существа, включая птиц.

Джон Данн установил, что в сновидениях содержатся отсылки к тому времени, что будет переживаться сновидцем. Свои изыскания он опубликовал в 1924 году под названием «Эксперимент со временем». Сновидческие отсылки, отмечает он, относятся не к самому событию, но к *тому времени, когда объект о событии узнает*. Сон намекает на будущее сновидца. Исследователь утверждает, что любой, кто долгое время записывает свои сны, рано или поздно выдаст сверхчувственную отсылку. *В снах присутствуют путешествия во времени. Следует ли из этого, что путешествия во времени – необходимость?*

1 У. Шекспир, «Буря», VI, 1.

Цитирую из статьи, в которой подводятся итоги открытий профессора Мишеля Жуве. Жуве, пользуясь методами фазы быстрого сна, сумел засечь сновидение у животных в утробе и даже у птиц, развивающихся в яйце. Он обнаружил, что животные, вроде телят и жеребят, способные сами за себя постоять сразу же после рождения, в утробе видят много снов, а после рождения – сравнительно мало. Люди и котята меньше снов видят в утробе и при рождении беззащитны.

Он делает вывод, что человеческие младенцы не умеют ни ходить, ни кормить себя, пока не наберут *достаточно практики в снах*. Это указывает, что функция снов – *тренировать существо для будущих условий*. Я утверждаю, что человеческий артефакт биологически предназначен для космических путешествий. Поэтому человеческие сны можно рассматривать как *тренировку для условий космоса*. Лишившись этого жизненно важного звена связи с нашим будущим в космосе, смысла жизни, мы умираем.

Искусство служит той же функции, что и сны. «Республика» Платона – рабочая схема концентрационного лагеря. Инопланетный оккупант либо своя же элита, нацеленные на покорение, массовому уничтожению, могли бы очень быстро обездвигить землю, перекрыв каналы сна, – так же, как мы разобрались с индейцами. Цитирую из книги Джона Нойхардта «Говорит Черный Лось»<sup>1</sup>:

«Обруч нации сломан и разметан, как кольцо дыма. Центра больше нет. Святое дерево мертво, и птицы улетели».

<sup>1</sup> Джонатан Гнайзенау Нойхардт (1881–1973) – американский поэт, прозаик, историк, этнограф и философ. «Говорит Черный Лось» (1932) – автобиография индейского шамана племени оглала-сиу.

## ПУТЕШЕСТВОВАТЬ НУЖНО

223

«Путешествовать нужно. Жить не обязательно»<sup>1</sup>. В этих словах черпали вдохновение путешественники-первопроходцы в XV веке, когда их кораблям открылись новые рубежи доселе неведомых морей. Космос – еще один новый рубеж. Доступен ли этот рубеж для молодежи? Цитирую лондонскую «Дэйли Экспресс» от 30 декабря 1968 года: «Вы здоровый мужчина в отличной форме? Вам еще нет двадцати пяти, и у вас молниеносная реакция? Не боитесь ничего на свете и жаждете приключений? Таких не берут в астронавты. Не стоит терять времени и писать заявление». Им нужны «клевые чуваки», от чьих аквалангов шланги тянутся к их «прекрасным половинам». Доктор Пэйн из Центра космических исследований в Хьюстоне: «Этот полет был подлинной победой всех добропорядочных мещан, триумфом для тех, кому не стыдно лишний раз прочесть молитву». И это великие космические приключения? И эти люди собираются шагнуть в области, которые без всякого преувеличения можно назвать невысказанными и неопируемыми? Чтобы отправится в космос, нужно оставить на земле весь старый словесный мусор: все базары о Боге, родине, матери, любви, партии. Нужно научиться существовать без религии, без родины и без союзников.

1 Вариант изречения «*Navigare necesse est, vivere non est necesse*» (Плыть необходимо, жить нет необходимости), приписываемого римскому полководцу Гнею Помпею Великому (106–48 до н. э.).

Жить молча и в одиночку. Тот, кто читает в космосе молитвы, на самом деле *не там*.

Последние рубежи для молодежи закрыты. Однако в космос ведет множество дорог. Выйти в космос – это достичь полной свободы от того, что определяло нас в прошлом. Для достижения такой свободы существуют соответствующие методы. О них не говорят, их утаивают. Наш долг – поиск и разработка методов, приводящих к открытиям.

## ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА АПОКАЛИПСИСА

225

Глад... Мор... Война... Смерть... Зловещие и решительные, как священник, пришедший соборовать умирающего... сам факт мрачного присутствия этих кабальеров означает, что пришло время биологического или социологического эксперимента... Господа, мы закрываемся.

Жалобный вой динозавров. Глад седлает каюсского конька и несется по сочным заливным лугам, позади остаются пыльные пустоши. Скелеты отживших свой век динозавров переселяются в музеи, и на них глазеют люди. Придет и их день... ЦРУ и прочие конторы-мастодонты жалобно воют: «Мы всего лишь делали свое дело...» – и бескрайнее небо сотрясется от их бессмысленного рева.

Сегодняшняя ситуация сложнее: подопытный объект, в данном случае – род человеческий, – способен сохранять некоторый контроль над условиями эксперимента. Не столь большое преимущество, как может показаться, ибо люди не способны контролировать самих себя. На протяжении веков человеческое существо самым упрямым образом уклоняется от самоконтроля. Если позволите игру воображения, будь мы динозаврами, мы бы строили огромные дамбы, лишь бы поддерживать свой скромный образ жизни, и отлавливали этих крыс-яйцесосов – презренных млекопитающих. (Существуют теории, что млекопитающие извели динозавров, поедая их яйца.)

Нет ни малейшего согласия относительно того, как изменить нынешнюю ситуацию, кто конкретно должен это делать и кому от этих невиданных изменений станет лучше. Подобной тупости и близорукого эгоизма вполне достаточно, чтобы космический корабль «Земля» потерпел крушение задолго до того, как всадники начнут седлать своих коней. А тем временем ЦРУ и подобные организации в других странах увлечены вербовкой особых наездников – мудрых и дальновидных людей, которые, конечно же, пустят свои ужасающие знания о голоде, войне, море и смерти на благо всего человечества...

– Поставьте на джокера Смерть. Разберитесь с Мао и бандой его головорезов.

Из всей этой четверки Глад, казалось бы, наиболее зависит от случайностей, однако и он видоизменяется вопреки капризам погоды, уничтожению лесов и перенаселению. Сферу действия голода можно расширить, включив в нее недостаток веществ или условий, необходимых для поддержания жизни. На самом деле, можно создать новые потребности, столь же насущные, как потребность в воде и пище. Наркозависимость – один из примеров биологической потребности, искусственно создаваемой посредством приема опиатов. Нет сомнений, что в лабораторных условиях можно получить наркотики, вызывающие гораздо большее привыкание, чем героин, – стоит только подправить отвечающую за привыкание молекулу... Тогда мы получим вещество X, которое можно добавлять в питьевую воду, в пищу или даже внедрять в газообразном состоянии в неприятельский воздух. Вещество X никак не действует, пока не прекращается его подача. Но как только это происходит, череда парализующих и выводящих из строя симптомов доводит врага до абсолютной беспомощности. Только подумайте... Русские – в нашей власти и об этом даже не подозревают.

Есть некоторые болезни, связанные с нарушением обмена веществ (например, болезнь Уилсона<sup>1</sup>), при которых организм теряет способность усваивать жизненно важные витамины и минералы, в каком бы количестве они ни принимались. На самом деле, мы недалеко уйдем от истинного положения дел, если представим, что можно вызвать изменения метаболизма, при которых резко сокращается поглощение любых питательных веществ, так что, сколько бы человек ни ел, он все равно умирает от истощения.

Первые же эксперименты с бактериологическим оружием неразрывными узами скрепили войну и мор. В этой области был сделан целый ряд интересных разработок, несмотря на красивые слова о прекращении подобных экспериментов и закрытие военного центра биохимических исследований в Форт-Детрике в Мэриленде. (Теперь этот центр занимается раком. Между прочим, раковые исследования пересекаются с некоторыми изолированными областями разработки биологического оружия.) Уже во время Второй мировой войны у англичан была такая апокалиптическая зараза: вирус, мутировавший под воздействием радиации из вирусов гепатита и бешенства...

Трудно поверить, что столь многообещающее направление просто забросили, и когда задумываешься, к чему пришли эти исследования в настоящее время, становится не по себе. Были разговоры о том, чтобы прекратить подобные эксперименты. Вот заметка в лондонской «Таймс» от 18 апреля 1971 года: «Появление нового вируса рака – чистая случайность... В США в ходе лабораторных исследований был непреднамеренно выведен совершенно новый вирус, способный, по всей вероятности, вызывать раковые заболевания

1 Также – болезнь Вестфал-Вильсона-Коновалова, гепатолентикулярная дегенерация, врожденный медный токсикоз.

у человека... ученые выражают серьезные опасения, что некоторые медицинские исследования приводят к появлению новых форм болезней и не направлены на разработку методов лечения уже существующих... Новый возбудитель болезни был обнаружен доктором Аронзоном, сотрудником Национального Института раковых исследований под Вашингтоном... в особых условиях вирус от мыши начинал заражать раковые клетки человека, развивающиеся в пробирке. Хотя эксперимент был признан неудачным, доктор Эйбрахамс сообщает в журнале „Нэйчер“, что мышинный вирус претерпел коренные изменения... стал крайне опасным для клеток человека, но в то же время утратил всякое воздействие на клетки мыши... вирус претерпел необратимые генетические изменения... что в результате привело к появлению совершенно нового вируса. Он инкорпорировал ген человека, который и наделил его способностью к быстрому размножению в человеческих клетках... В статье, опубликованной в журнале „Ланцет“, сэр Макфарлейн Бёрнет<sup>1</sup> предупреждает о невысказанной по своим последствиям катастрофе, которую не удастся избежать, если эпидемия нового вируса охватит все населенные регионы земного шара».

Развитие современных технологий позволяет надеяться на скорейшее осуществление вековой мечты об эпидемии, поражающей определенную категорию людей... Лондонская «Таймс»:

«В недалеком будущем будет разработано этническое оружие, способное истребить одну расу, не принеся при этом ни малейшего ущерба другой. Карл Ларсон, ведущий специалист в области генетики, с леденящей объективностью подтвердил, что „этническое оружие, действие которого будет основываться

1 Сэр Фрэнк Макфарлейн Бёрнет (1899–1985) – австралийский вирусолог.

на различиях в генетических вариациях человека, сделает геноцид наиболее привлекательным методом ведения войны“. В статье, опубликованной „Американским военным обозрением“, Ларсон утверждает, что уровни энзимов у человека зависят от его расовой принадлежности... Отсутствие определенных энзимов может стать причиной смерти. Действие химического оружия могло бы основываться на недостаточном содержании каких-то энзимов. „Возможно, нам удастся найти химический препарат, блокирующий работу энзимов... Предположим, мы обнаруживаем энзимный ингибитор, к которому чувствительны 90% европейцев и только 10% африканцев... Поскольку он сам способен отличать своих от чужих, смешанный характер заселения потеряет всякое значение, и этот ингибитор станет тем оружием избирательного действия, о котором давно мечтают все военные теоретики“. Ларсон признал, что практическая разработка этнического оружия потребует дополнительных генетических исследований».

Что ж, этой заметке уже более десяти лет... Избирательность препарата можно увеличить до такой степени, что он будет уничтожать людей с определенными чертами характера, поскольку черты характера указывают на особенности метаболизма. Если человек постоянно раздражается и выходит из себя, это не может не сказаться на обмене веществ в целом. Как показали многочисленные исследования в области психосоматики, пациенты с определенными чертами характера в большей степени подвержены определенным болезням.

Похоже, Война, Мор и Глад сливаются воедино. Как насчет последнего всадника, Смерти? Можно ли отделить смерть от того, что является ее причиной? Кто из всадников выполнит заказ? Или союз между смертью и заказом на смерть скоро будет заключен? Некоторые полагают, что так и есть.

Медицинские исследования в области психосоматики показали, что пациенты с определенным характером предрасположены к определенным заболеваниям. Пойдем дальше: особенности характера и обмена веществ могут создаваться под воздействием среды. Не великий труд – заставить огромные массы потенциальных или реальных врагов вести жизнь, которая сделает их чувствительными к воздействию определенного биологического средства. Политика ЦРУ, которую проводил во Вьетнаме Билл Колби<sup>1</sup>, состояла в принудительной урбанизации, чтобы население сосредотачивалось в крупных городских центрах. Специфические изменения коснулись питания, а также психологической и физической среды обитания. Возбудитель болезни получил тем самым восприимчивых хозяев, расселенных в удобной близости друг от друга.

«Хералд Трибьюн», июнь 1970 года: «Революция в биохимии: сотрудник университета Висконсина д-р Хар Корана<sup>2</sup> синтезировал искусственный ген. На пути покорения вселенной это событие имеет столь же эпохальное значение, что и расщепление атома – только кто кого на этом пути покоряет?

„Это начало конца, – так прокомментировал новости атташе по науке одного из крупнейших посольств Вашингтона. – Раз есть возможность создавать гены, все обязательно кончится созданием новых вирусов, средств борьбы с которыми не существует. При наличии хорошего биохимика любой, даже самой

1 Уильям Игэн Колби (1920–1996) – американский кадровый разведчик, в 1959–1962 гг. – руководитель резидентуры в Сайгоне, в 1973–1976 гг. – директор ЦРУ.

2 Хар Гобинд Корана (р. 1922) – индийско-американский биофизик и молекулярный биолог, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1968 г. (совместно с Робертом Уильямом Холли и Маршаллом Ниренбергом) за работы по расшифровке генетического кода.

маленькой стране, будет под силу создание подобного рода биологического оружия. Для этих целей достаточно небольшой лаборатории. Если это в принципе возможно, кто-нибудь обязательно это осуществит. Наверняка все это еще находится в области фантастики. Однако у фантастики есть дурное обыкновение сбываться“».

Смерть – это и есть вирус, от которого нет лекарства. Генетическое послание Смерти...

Вне человеческого контекста господа всадники ничего не значат; на самом деле их придумали люди. Так что давайте присмотримся к человеческому контексту. Первым делом пришельца из космоса на земле удивит ужасающее и ничем не объяснимое несоответствие между возможностями и их реализацией. Ни один вид, если у него нет какого-нибудь фундаментального дефекта, не может сравниться с человеком в тупости и решимости неотступно ей следовать. Возьмите человеческий организм как артефакт. Сравнительная оценка покажет нам, где этот артефакт находится, какие у него проблемы и сколько он еще продержится. Посмотрите на первые летательные аппараты и сравните их с современными пассажирскими или военными самолетами. Даже если нас перенесет в 1910 год, мы все равно придем к заключению, что развитие этого артефакта находится в зачаточной стадии. У него масса недостатков, он должен либо улучшиться, либо исчезнуть.

Смерть – то, от чего вы умираете, когда оно вами овладевает. Смерть – это выселение из земного тела. Смерть – это невыносимое присутствие. Люди умирают, чтобы его избежать. Проще всего определить смерть как то, что убивает. У всех нас – фотографическая память о прошлом. Она восстанавливается под гипнозом, а повсеместное распространение магнитофонов дает все больше материала для проверки правильности восстановленных

воспоминаний. Сообщения, которые медиум якобы получает от какого-нибудь высокопоставленного мертвеца, можно сравнить со спектрограммой его голоса и получить результаты не менее точные, чем при установлении личности по отпечаткам пальцев.

Быть может, на каком-то глубинном биологическом уровне мы обладаем и знанием о будущем? Быть может, все мы знаем, где и как мы умрем? Тревожная мысль, однако еще большую тревогу способны вызвать вирус или сверхвысокая частота, передающие смертельную команду нацелиться на Смерть под влиянием некой молекулярной склонности к исполнению предназначенной вам смерти. Вирус или частота лишь включают латентное послание смерти. Интересно, что сведения об этих за душу берущих тайнах могут храниться в Совершенно Секретных Папках. Если у нас есть вирус, обладающий тягой к смерти, быть может, с него и стоит начать поиски нашего старинного противника, Смерти как таковой. Некоторые оккультисты утверждают, что центр смерти располагается в затылке. Возможно, у нас появятся более точные сведения о том, что конкретно представляет собой этот центр смерти. Не там ли отдаются последние приказы, составляются последние телеграммы и официально подписывается смертный приговор? Занятные вопросы, и, боюсь, на них не ответить тем, кто воспринимает смерть как корпоративного охранника в форменной фуражке.

Любое, даже тупо-прагматическое исследование может привести к самым эффективным теоретическим заключениям и найти неожиданное применение в других областях. Я не занимаюсь здесь историей биологической войны – меня интересуют передовые рубежи современных разработок биологического и химического оружия.

Промышленная революция, с ее абсолютной приверженностью количеству и количественным показателям, запустила необратимые процессы, смертельную опасность которых мы начинаем понимать только теперь. В век, когда вся надежда рода человеческого – на космические исследования и, превыше прочего, на биологическую мутацию, нам грозит Дебильное Большинство, считающее своим долгом навязывать всем и каждому тупые и скотские мнения, начисто лишённые терпимости. Для этих людей одна только мысль о мутации равносильна смерти. Эти сторожевые псы будут тормозить эволюцию человеческого рода, пока весь эксперимент не накроется окончательно... пока человечество не исчезнет. Программа уничтожения – вот с чем мы здесь сталкиваемся. Все основные ходы были продуманы еще на рубеже веков. Неконтролируемый рост городского населения, чье существование зависит от бесперебойного функционирования промышленной машины и гигантской невидимой бюрократии, которая распределяет товары и услуги. Захвати коммунисты власть в стране, во что бы вылился бунт? Пришлось бы либо оставить на месте существующую бюрократию, либо создать новую для выполнения ровно тех же функций. Все пути заблокированы массами и объемами, все большим количеством того, чего у нас и так переизбыток. Это означает, что человеческие активы, человеческий продукт с неизбежностью падают и обесцениваются, как валюта, так и не достигнув точки, с которой можно было бы осуществить наше предназначение в космосе. Как армия: на входе все больше, на выходе все меньше.

Здесь мы имеем дело с механизмом репликации вируса. Человеческие продукты, наиболее пригодные для репликации, обладают большей способностью к выживанию в смертельных условиях. Это обеспечивает выживание вида. Джерри Фолуэлл и его

Моральное Большинство – весьма красноречивый пример: большинство, кичащееся своей бездумной приверженностью твердым принципам, которые никак не соответствуют задаче выживания вида. Этот продукт производит и потребляет. За ним огромным резервуаром стоит вся мощь капитализма массового производства. Продукт голосует. Вся его неустанная деятельность отдана пропаганде своего образа и навязыванию его остальным; им теперь не отвернуться от этого смертоносного процесса. История нашей планеты – история идиотизма, декорированная фигурами нескольких дебилов, которые на фоне общей серости выглядят настоящими гениями. Ни один из сегодняшних супергениев не достиг того, что можно было бы назвать нормальным интеллектом в контексте возможностей, присущих человеческому артефакту.

Теперь мы видим, что господа всадники заняты уничтожением друг друга. В конце концов, Глад уже сильно устарел и действует слишком медленно, однако у начальника Отдела Смерти есть на этот счет кое-какие соображения... Он говорит скромненько, умненько, чуть подобострастно...

– Видите ли, мы, можно сказать, рационализировали работу отдела с тем, чтобы э-э... начать рассматривать глад в самом широком смысле этого слова... как нехватку смерти... Естественно, это может быть и недостаток какого-нибудь жизненного важного вещества в атмосфере – например, кислорода...

Пресса начинает задыхаться, все признаки удушья налицо... Начальник нажимает кнопку:

– ...так вот, это можно отнести и к так называемому духовному голоду. Столкнувшись с перспективой левиттаунской<sup>1</sup> застройки до неба, объект падает

1 Левиттаун – жилой массив в восточной части Лонг-Айленда (штат Нью-Йорк), построенный в 1946–1951 гг.

духом и умирает просто потому, что нет причин не умирать. Не стоит нас недооценивать, господа... Вам не скучно дышать? Кислородное голодание развлечет вас? Не думаю, что надолго... Конечно, нам придется устранить военную составляющую всей этой атомной заварухи, она только испортит *нам* имидж, мои дорогие, – так что все просто: Мор и Смерть объединяют усилия, Глад и Война ждут дальнейших указаний».

235

---

корпорацией «Левитт и сыновья». Этот первый крупномасштабный проект плановой массовой застройки включал в себя возведение более 17 000 дешевых квартир и необходимых элементов инфраструктуры (магазинов, детских площадок, бассейнов, домов культуры и школ), преимущественно – для семей ветеранов войны. От типовой застройки впоследствии отказались.

## ВЕЛИКИЙ ПРЕИЗБЫТОК

236

Многие экологи, а также Аллен Гинзберг, подвергают сомнению дальновидность технологии сброса сточных вод в реки, озера и моря: рыба гибнет или становится непригодной для нашего всевозрастающего потребления. И Кусто предупреждает: «Моря уже на 40% мертвы». Аллен считает, что нужно всего лишь поменять направление и канализировать наше дерьмо обратно в почву.

А теперь приведем этот плодотворный замысел в действие. Сбросы всех туалетов Нью-Йорка собираются в цистерны, где густая масса преобразуется в жидкую и по трубам поступает в автоцистерны, доставляющие содержимое в отдаленные районы, где его с нетерпением ожидают фермеры. Чтобы упростить сбор собачьих какашек, в каждом квартале обору́дуются специальная зона для испражнений и тем самым предотвращается бессмысленное удобрение тротуаров и бесплодного асфальта. Весь пригодный для переработки мусор тоже попадает в цистерны. Патриотически настроенные бойскауты организуют массовые говнопоходы для удобрения огородов.

Следующий шаг очевиден. Лучшим из возможных удобрений является человеческое тело. Трупы собирают. Вместе с дерьмом и мусором они проходят переработку в цистернах, после чего возвращаются в землю. Расклеенные по всему городу плакаты призывают граждан «ВЕРНУТЬ ТЕЛО МАТЕРИ-ЗЕМЛЕ». Фермеры с суровыми лицами обращаются с плакатов

к каждому прохожему: «Ты нужен нам». Похороны вскоре становятся экологическим преступлением – непопулярны, как меховые шубы. В сельскохозяйственных районах регистрируют небывалую урожайность. На рынках громоздятся огромных размеров овощи: картофелины с арбуз, шестифутовая морковь, артишоки размером с ванну. Свины, вскормленные на пышной мясистой кукурузе, нагуливают до двух тонн и под конец барахтаются в собственном дерьме, потому что не могут передвигаться. Их жирное мясо режется вилкой.

237

На деле от этой еды несет говном и мертвечиной, на которых она выросла: изобильная земля не в состоянии переработать избыток питательных веществ, и они просачиваются в овощи, в свиней, в больших, как страусы, кур, в бычков размером с носорога. Употребляющих эту пищу людей разносит; от них тоже воняет падалью и отбросами, они рыгают каменноугольным газом. Из-за избыточного веса многие оказываются прикованными к гидравлическим инвалидным креслам, оборудованным калоприемниками, опорожнять которые можно в контейнеры, расставленные, на манер почтовых ящиков, в каждом квартале.

Города гибнут от пресыщения. Часть молодежи отказывается есть вспухшие от тошнотворной слизи овощи и вонючее сальное мясо, «пищу малоимущих стервятников». Молодые бегут в пустынные районы, бесплодная почва которых не может обеспечить городского изобилия. На равнинах Канзаса, Айовы, Иллинойса, Техаса и Оклахомы появляются чудовищные растительные формы: растения-людоеды, питающиеся исключительно топлеными трупными соками; они запахиваются в землю тракторными бригадами, которые ведут люди в противобазах. Конечный итог – безлюдные джунгли; первозданные болота – и умирающие города, заросшие лианами и

ельником. Лишь немногочисленное население бесплодных регионов оказывается в состоянии пережить Великий Преизбыток, что с годами отступает в девственные леса и нетронутые джунгли, кишашие животными, растениями и насекомыми. Экология одержала избыточную победу.

## ПОП и ГЕРОИДЫ

239

Я уже упоминал сверхмощное болеутоляющее средство, находящееся в данный момент в процессе разработки: питуитарный опиоидный пептид, ПОП. Это морфиеподобное вещество, выделяемое из питуитарной железы крупного рогатого скота, которое имеет пятидесятикратный эффект по сравнению с морфием и не вызывает привыкания. Смысл очевиден: привыкания не наступает, побочных эффектов, вроде запоров и утраты сексуального влечения, тоже нет, в 50 раз сильнее морфия, в 25 раз сильнее героина. Так чего ныть «мне больно»?

Медики отчаянно пытались ограничить распространение препарата и выдавали его исключительно по рецептам, но из пригородов и гетто повалили толпы:

– Смерть спекулянтам рецептами!

Я решил, что недурно бы в такой хорошей штуке разобраться досконально.

Протестантская этика: «За удовольствия приходится расплачиваться страданиями», – утрачивает всякий смысл. Но вот она – в шприце, и одного укола хватает на неделю. Плюс вся та боль, которая постоянно присутствует в нас, не перешагивая границы подсознания – не только физическая, но и душевная: страхи, депрессии, скука, мрачные ожидания – все улечучивается в мгновение ока: ПОП!

А страху всегда нужно черпать из цистерны боли – и тут кран цистерны перекрывают. Больше нет

нужды пить и курить, не нужно ничего забывать и подавлять... ПОП. Где-то должна быть ловушка. Но есть ли она? Употребление этой божественной субстанции приведет к повсеместному утверждению более скромного образа жизни. Когда ничего не болит, нет нужды в машинах, телевизорах и роскошных резиденциях. Достаточно будет самой простой еды и комнаты с голыми стенами. Человеческое уравнение боли и наслаждения, тяга к удовольствиям или, по крайней мере, комфорту и даже самая настоятельная потребность – избегать боли и неудобств, – утрачивают всякую актуальность. Войны и преступность исчезают. К чему сражаться, если все и так уже случилось? Зачем красть, если тебе нужно так мало и у тебя все есть? ПОП позаботится о тебе. ПОП укроет теплым одеялом. ПОП удовлетворит все нужды. Крысиным бегам рода человеческого настал конец – ПОП.

Если вам – как и мне – трудно представить болеутоляющее средство, которое не вызывало бы привыкания, вот вам другой сценарий.

– Ну так и что, доктор? – начал высокопоставленный чиновник из отдела по борьбе с наркотиками.

– Этот препарат – не героин. Это органическое вещество на основе золота. Скорее всего, синтезировано из препарата того же типа, что и banisteria saari<sup>1</sup>.

– Выходит, психоделик?

– Без сомнения, обладает психоделическими свойствами, однако в то же время, подобно морфию и героину, подавляет клетки, причем воздействие куда сильнее. Не вдаваясь в тонкости, можно сказать, что его психоделические свойства способствуют расширению областей, на которые будет направлено подавление.

1 Южноамериканское растение, из которого изготавливают галлюциногенный наркотик аяауаска (или яхе). См. книгу У. Берроуза «Письма яхе».

– Вызывает привыкание?

– Еще бы. В тридцать раз сильнее героина – и, соответственно, симптомы абстиненции намного страшнее. *Одной* инъекции этого наркотика достаточно, чтобы животные умирали в страшных конвульсиях, если за восемь часов не сделать еще укол: не помогут даже промышленные дозы героина. Для человека, сидящего на этом наркотике, заключение – это смерть, сопровождаемая невыносимой агонией, поскольку препарат является в то же время невероятно сильным болеутоляющим средством. К тому же он является *ретроактивным* болеутолителем, то есть аннулирует весь болевой опыт человека и, соответственно, освобождает от страхов. У героидо-зависимых есть лишь один страх: отлучение от наркотика. Благодаря психоделическим свойствам препарата, все принимающие его могут телепатически общаться между собой. Они не выходят никуда без оружия. Героидов невозможно взять живыми.

– Кто распространяет это адское зелье?

– Это уже по вашей части. Мое предположение: препарат утек из какого-то совершенно секретного проекта – американского, русского, китайского или французского, пока неважно. Куда важнее то, что дальнейшее распространение наркотика – жизненная необходимость для тех, кто уже на нем сидит. Помните, что для формирования пожизненной зависимости достаточно принять препарат один раз. Можно подсыпать его в молоко, газировку, подмешать к конфетной начинке или распространить зависимость на все население с помощью аэрозольных бомб.

– О боже! – Высокопоставленный чиновник подходит к окну. Ему нужен свежий воздух. «Конечно, это коммунисты, – проносится у него в голове, – *изверги!*» Его лицо пылает яростью. И тут его что-то больно колет, он опускает голову и видит у себя в животе дротик, глубоко вошедший в кожу. Должно быть,

его запустили с другой стороны улицы. Румянец на его лице сменяется серовато-зеленой бледностью, а холодная голубая волна укрепляет, делает стальным. Как приятно, так и качался бы в этих волнах целую вечность. Тихий бесстрастный голос в голове диктует, что ему делать. Сжимая дротик в кулаке, он поворачивается и всаживает его к доктору в руку. Тот улыбается:

242

– Никакой необходимости в этом не было – разве что демонстрирует вашу приверженность нашему делу. Видите ли, я попал в зависимость, анализируя препарат. Думаю, теперь мы готовы к экстренному совещанию с Президентом и всем генералитетом. Когда действительно хочешь что-то сделать, нужно обращаться прямо наверх. Через час самолеты ВВС покроют всю Америку ровным слоем аэрозольных бомб. И тогда эти Штаты действительно станут Со-единенными... Этот препарат – всего лишь первый шаг. В недалеком будущем у нас появятся наркотики, в сто – в *двести* раз сильнее героина. Сначала в Америке, а потом и во всем мире... мире без боли и страха, который будет работать плечом к плечу над созданием совершенного продукта.

## ВОЙНА УМОВ

243

Я уже высказывал предположение, что ЦРУ, русские и китайцы давно организовали секретные центры по изучению психических методов воздействия и возможностей их использования в политических целях. Те, кто читал «Парапсихологические открытия за железным занавесом», догадываются, что русские нас опередили.

Любой, кто некоторое время жил в странах типа Марокко, где магия практикуется достаточно широко, вероятно, имел возможность наблюдать, как действует проклятье. Я это видел. Однако здесь не приходится рассчитывать на верный результат: все зависит от способностей и опыта медиума и от восприимчивости жертвы. Для ЦРУ и прочих подобных организаций это не годится: «Нам подавай то, что работает не иногда, а в любом случае». Каким, по логике, будет следующий шаг? Создание машин, способных концентрировать и распределять психическую энергию для достижения предсказуемых результатов. Я бы предположил, что то, чем занимается или занималось ЦРУ на своем сверхсекретном объекте в Неваде<sup>1</sup>, можно описать как *компьютеризованную черную*

1 Имеется в виду т. н. «Район 51» – участок округа Линкольн штата Невада, занятый базой Министерства обороны и ВВС США. По некоторым данным, там ведутся секретные разработка и испытание новых видов оружия и изучение вражеских систем вооружений. Конспирологи, среди прочего, полагают, что там ведется изучение НЛО.

магию. Если Проклятье А не приносит желаемого эффекта, автоматически запускается программа Проклятья Б – и так далее.

244 Хочу обратить ваше внимание на книгу Джона Россманна «Властители дум»<sup>1</sup>. По видимости, это фантастический роман, в котором интерес представляет скорее содержание, нежели стиль; однако вполне может быть, что в нем содержится немалая доля реальных сведений, недоступных широкой публике. Книга повествует о судьбе исследователя, утратившего всякие иллюзии насчет своей работы в «Проекте Пандора» – американском учебно-тренировочном центре парапсихологии. Центром руководит полковник Пикетт, который всем, вплоть до сигары, сильно напоминает безумного генерала Риппера из «Доктора Стрейнджлава»<sup>2</sup>. Только он развязывает не ядерную, а психическую войну, полагая, что этот вид боевых действий эффективнее и его легче контролировать элитистскими задачами. На разочарованного исследователя, некоего Бритта Сен-Винсента выходит «Меро» – частное учреждение, занятое противодействием подобного рода центрам черной магии. (Само собой, только черная магия может иметь «военное применение».)

Героя привозят в секретный штаб «Меро», и там доктор Уэбстер проводит краткий инструктаж о целях и задачах организации. Доктор Уэбстер цитирует давнишнюю заметку журналиста Джека Андерсона, в которой утверждается, что саммит Джонсона-Косыгина<sup>3</sup>, состоявшийся в 1967 году в Глассборо, штат

1 «Властители дум» (1974–1975) – оккультно-фантастическая трилогия американского писателя Джона Фрэнсиса Россманна (р. 1942).

2 «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил атомную бомбу» (1964) – сатирический фильм американского режиссера Стэнли Кубрика.

3 Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980) – советский политический деятель, в 1964–1980 гг. председатель Сове-

Нью-Джерси, проводился в такой глухомани потому, что это был первый в мировой истории саммит по вопросам *психической войны*. Уэбстер напоминает Бритту историю о том, как во время электронной проверки посольства США в Москве на наличие подслушивающих устройств работники ЦРУ обнаружили по всему зданию некое весьма необычное электромагнитное излучение. (Потом выяснилось, что русские подняли напряжение в сети до такой степени, что сотрудники посольства и члены их семей подвергались реальной опасности от воздействия высоковольтного микроволнового излучения, среди возможных последствий которой – спутанность сознания, мигрени и даже смерть.) Через некоторое время в ЦРУ подтвердили, что на деле то была лишь часть куда более широкой психической атаки на посольство. Журналист Андерсон утверждает, что когда Министерство обороны развернуло свою секретную контратаку, она проходила под кодовым названием «Проект Пандора».

Доктор Уэбстер продолжает:

– В одном сомневаться не приходится, Бритт: в Гласборо дело не закончилось. Не испытывая ни малейших трудностей при перераспределении фондов внутри гигантских военных бюджетов, узкие группы сверхмилитаристов здесь и в России продолжали разработку секретных психических программ...

Бурные студенческие волнения конца шестидесятых были в значительной степени спровоцированы электронными устройствами контроля настроения,

---

та министров СССР (премьер-министр). Линдон Джонсон (1908–1973) – 36-й президент США (1963–1969). Саммит в Гласборо состоялся 23–25 июня 1967 г., достичь договоренности по официальной повестке дня (ограничение противоракетных баллистических систем) не удалось. Место было выбрано как компромисс: Косыгин желал обратиться к ООН в Нью-Йорке, Джонсон, опасаясь выступлений против войны во Вьетнаме, предпочитал Вашингтон.

созданными на основе результатов, полученных в ходе реализации «Проекта Пандора». Теперь очевидно, что волнения были только первой ступенью крупномасштабного заговора. При организации студенческих волнений американские военные экстремисты преследовали две цели. Во-первых, волнения способствовали дискредитации студенческих требований. Во-вторых, гражданские беспорядки послужили для заговорщиков удобным предлогом, чтобы возобновить некоторые программы по разработке психического оружия под видом исследований, направленных на поиски методов «контроля над поведением толпы». Бритт узнает, что, помимо США и России, подобные исследования успешно ведут Китай, Франция, Израиль, Египет, Южно-Африканская Республика и Чили:

– И хотя эти разбросанные по миру группы теперь стараются обскать друг друга, чтобы первыми заполучить секреты власти, которая даст им мировое господство, велика вероятность, что они уже сейчас объединят свои усилия и средствами психической войны *совместно* попытаются обеспечить себе контроль над всем миром; и если бы они объединились сейчас, у них, по всей видимости, были бы хорошие шансы на успех.

Каким окажется наше будущее, если такие группы действительно существуют и если они объединятся и одержат победу? Мировое элитистское государство, основанное на близких к фашизму принципах. Верхушку составит теократия, поднаторевшая в методиках психического контроля и вверившая их применение компьютеризированным электронным устройствам; последнее сделает всякую оппозицию психологически невозможной. Доступ в этот привилегированный класс получат лишь те, чья преданность Всемирному Государству абсолютна и безусловна. Короче, туда будут попадать не за таланты и заслуги,

а за способность быть всесторонним и стопроцентным говнюком. В услужении у правящей элиты властолюбцев будет состоять анонимный коллектив функционеров, менеджеров и бюрократов. А еще ниже – подневольные работяги.

Не будет места разногласиям и независимым исследованиям. Художников, вечно сеющих смуту, устранят или прикормят. После чего элита будет жить долго и счастливо, стоя у руля государства тотального контроля, по сравнению с которым «1984» покажется ностальгически уютным.

## **В ИНТЕРЕСАХ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

248

Фрэнк Олсен, гражданский ученый-биохимик, сотрудничавший с ЦРУ в рамках секретного проекта, очевидно покончил с собой 28 ноября 1953 года, выбросившись из окна с десятого этажа нью-йоркского отеля «Статлер-Хилтон».<sup>1</sup> Кое-кому следовало бы посмотреть на это самое окно. Пробить своим телом стекла, укрепленные в металлических рамах, – настоящий подвиг.

Полковник Руэт, непосредственный начальник Олсена в некоем «Отделе особых операций», был причастен к проекту ЦРУ – столь секретному, что участники, работавшие над различными аспектами этого проекта, не могли обсуждать его между собой. Что же секретного было в этом проекте? Руэт отказывается отвечать. Теперь мы знаем, что среди прочего они работали над получением ЛСД или более сильнодействующего бензодиазепина в газообразной форме. Им хотелось выделить вещество, которое могло бы лишать врага боеспособности, не причиняя при этом серьезного вреда здоровью. Так, видите ли, гуманнее. Такой похвальный проект можно было с легкостью поручить любому студенту-химику. ЛСД эффективен даже в очень малых дозах, так что весь вопрос сводится к тому, чтобы найти подходящую

<sup>1</sup> Фрэнк Олсен (1910–1953) работал в Отделе особых операций на базе Форт-Детрик. Ныне считается, что ему без его ведома ввели ЛСД в рамках проекта разработки биологического и психоактивного оружия «МК-Ультра» (с 1950 г.).

среду для создания суспензии. Такого рода газ получили и впоследствии использовали во Вьетнаме – насколько результативно, не сообщалось. К чему тогда все эти предосторожности – зачем тщательно скрывать проект от русских, если все согласны, что на тот момент их военные исследования по наркотическим веществам опережали наши? Зачем Руэту прикрывать то, что и так всем известно? Остается только прийти к заключению, что за дымовой завесой ЛСД прятались другие проекты, связанные с «манипулированием поведением».

249

Крайняя форма манипулированием поведением – электрическая стимуляция мозга. Методика ЭСМ была разработана доктором Дельгадо; она описана в его книге «Физический контроль разума». Вживленные в мозг электроды активируются радиосигналами. Таким образом Дельгадо остановил разъяренного быка. Он принуждал людей брать различные предметы против их воли... «Доктор, ваше электричество сильнее моей воли», – признался один подопытный после безуспешной попытки не выполнить электронный приказ. Кроме того, нажатием кнопки Дельгадо вызывал у людей страх, ярость, сексуальное возбуждение и эйфорию. Такая штука могла бы разрешить кучу проблем. Единственное ограничение – необходимость вживления электродов в мозг объекта. Можно ли преодолеть это ограничение, добившись тех же результатов без применения электродов? Методика ЭСМ состоит просто-напросто в подаче слабого электрического тока в определенные области мозга. Сам мозг излучает слабые электротоки, и нет никаких сомнений, что навязчивые идеи и одержимость являются результатом аутоstimуляции определенных мозговых участков. Можно ли вызвать направленную аутоstimуляцию медикаментозным путем? Можно ли найти вирус, который служил бы терминалом для приема передаваемых по радио электроимпульсов,

если его направить в определенные области мозга? Если именно над этим работал или работает полковник Руэт, легко понять, чем вызвана столь высокая секретность: результаты подобной модификации и оптимизации были бы в первую очередь использованы для борьбы с диссидентскими элементами внутри страны.

С 1953 года биологическое оружие тоже проделало немалый путь. Информация о том, как далеко зашло его развитие и к чему оно может привести, просачивается из гражданских проектов. Вот выдержка из парижской «Хералд Трибьюн»: «Начало конца – Революция в биохимии: сотрудник лаборатории (Университетская авеню, 125, Мэдисон, Висконсин) индийский химик д-р Хар Корана создал новый ген. Это первая искусственно полученная копия одной из химических молекул, руководящих жизненными процессами. „Это начало конца“, – так прокомментировал новости атташе по науке в одном из крупнейших посольств Вашингтона. Раз есть возможность создавать гены, объясняет он, все обязательно закончится созданием новых вирусов, средств борьбы с которыми не существует. „При наличии хорошего биохимика любой, даже самой маленькой стране, будет под силу создание подобного рода биологического оружия. Для этих целей достаточно небольшой лаборатории. Если это в принципе возможно, кто-нибудь обязательно это осуществит“». И надо полагать, большая страна делает это быстрее и лучше. К тому же, у большой страны больше возможности хранить все это в тайне, не так ли?

А вот выдержка из лондонской «Таймс» от 18 апреля 1971 года: «Новый вирус рака получен благодаря чистой случайности... В США в ходе лабораторных исследований был случайно произведен совершенно новый вирус, способный, по всей вероятности, вызывать раковые заболевания у человека... Появление

вируса дает новые основания для опасений, уже выраженных настороженными учеными: некоторые медицинские исследования как бы незначай приводят к появлению новых форм болезней, а не к разработке методов лечения уже существующих. В своей провокационной статье сэр Макфарлейн Бёрнет высказывает недвусмысленное предупреждение: „Любая утечка вируса, не замеченная тут же, могла бы привести к практически невысмыслимой по своим последствиям катастрофе, к возникновению совершенно новой эпидемии, охватывающей все населенные регионы земного шара“».

251

Вот еще: «Геноцид – дело несложное... Вскоре может быть разработано этническое оружие, способное истреблять одну расу, ни причиняя ни малейшего вреда всем остальным. Ведущий шведский генетик Карл Ларсон утверждает с леденящей объективностью, что „этническое оружие, действие которого будет основываться на различных конфигурациях генов у человека, сделает геноцид наиболее привлекательным методом ведения войны“. Ларсон публикует результаты своих исследований в „Американском военном обозрении“. Это именно то оружие избирательного воздействия, о котором мечтают все военные теоретики... Ларсон признал, что „потребуется дополнительные генетические исследования, однако если мы хотим предотвратить разработку такого оружия, следует задуматься об этом уже сейчас. Мы не должны допустить, чтобы его появление застало нас врасплох“».

Гражданские ученые публикуют результаты своих исследований. После чего в засекреченных проектах могут разрабатывать эти находки в нежелательном направлении, прикрываясь ярлыком «для военных целей», но *своих* результатов там не публикуют. Они утаивают ценные сведения не только от публики, но и от специалистов. Живи мы в Средневековье, тот факт,

что земля круглая, был бы засекречен, поскольку позволяет нам атаковать противника с тылу.

252 У нас – планета игр. Все игры содержат элемент вражды, так что по сути есть лишь одна игра, и эта игра – война. Исследования измененных состояний сознания, которые могут в итоге подвести к тому, что сама игра станет сомнительна, неумолимо втягиваются в военную игру. Одно из правил этой игры – в том, что окончательная победа невозможна, поскольку это означало бы конец самой игры в войну. Каждый игрок должен верить в окончательную победу и всеми силами стремиться к ней. В результате все существующие технологии направлены на производство абсолютного оружия, способного положить конец войне путем истребления всех игроков. Есть ли какой-нибудь выход из этого тупика «национальной безопасности ценой всемирной нестабильности»? Несомненно, что предварительным условием для любого решения этой проблемы будет обращенное ко всем странам требование выложить все свои военные секреты.

Эту планету может объединить одно: общая программа космических исследований. Как говорит Брайон Гайсин, мы здесь, чтобы уйти. Если бы все нации рассматривали Землю как космическую станцию и взлетную площадку, понятие войны стало бы неуместным. Есть ли хоть какая-то возможность, что это произойдет? Нет – пока те, кто живет за счет военных игр, будут контролировать ресурсы планеты и использовать все открытия для военных целей. До сих пор военным и ЦРУ удавалось скрывать истинный масштаб своей секретной деятельности, поскольку признавалось лишь то, что и так известно... «Армия признает, что эксперименты по получению газообразного ЛСД действительно имели место», – подумай! На самом деле этот газ использовался во Вьетнаме и сообщение об этом было опубликовано в парижской

«Хералд Трибьюн» шесть лет назад. «Военные опробовали препарат, сила воздействия которого гораздо больше, чем у ЛСД», – пятнадцать лет назад я говорил с голландским химиком, который сообщил, что получен препарат, сила воздействия которого настолько выше, чем у ЛСД, что они не могут взять на себя ответственность за то, чтобы испытывать его на людях даже при условии полной информированности подопытного и с его полного согласия: не исключена возможность поражения нервных центров в результате остаточного действия препарата. Во всяком случае, препарат был передан в распоряжение военных, которые, похоже, ответственность на себя взять не боялись и опробовали его на людях, не информируя их об этом и не спрашивая у них согласия.

253

– Мы действовали в интересах национальной безопасности, – высокомерно заявляют они. Это старая военная игра, отныне и во веки веков. Где были бы военные и ЦРУ без этой игры? Похоже, только чудо может подтолкнуть эту планету к пониманию того, что игра истребит нас всех, если мы ее не прекратим.

## ЗАМЕТКИ С ЗАНЯТИЙ<sup>1</sup>

254

В прозе научный материал необходим мне для того, чтобы подкинуть науке какие-то идеи и просто очертить круг возможных последствий того, что происходит в науке. На идею создания словесных портретов для разработки персонажей я впервые натолкнулся во сне. Я ищу человека, который в жизни напоминает этого персонажа, и делаю снимок. Или наталкиваюсь на фотографию похожего человека в журнале. Или отыскиваю подобного персонажа в какой-нибудь книге. Таким образом постепенно складывается словесный портрет героя.

У персонажа может быть сразу несколько источников. Все характеры – составные. Мне кажется, начинающие писатели часто делают эту ошибку: пытаются работать только с одним реальным героем. Иными словами, работают с реальными людьми и более-менее непосредственно их описывают. Я имею в виду буквальное описание. Естественно, представление писателя о человеке – само по себе искусство. Взять, к примеру, керуаковский портрет Нила Кэссиди<sup>2</sup>. Нил, которого я видел, сильно отличается от

1 Настоящий текст представляет собой выдержки из стенограммы ответов на вопросы студентов, заданных после одной из лекций. – *Прим. автора.*

2 Нил Кэссиди (1926–1968) – американский писатель, участник «внутреннего круга» бит-движения, один из вдохновителей «психоделической революции» 1960-х гг.

того, которого видел он. В романе «На дороге» Нил беспрерывно говорит. На самом деле он был великим молчуном. Однажды он ехал со мной в машине и за восемь часов не произнес ни слова.

Что касается шизофренического письма, то я исследовал шизофреническое искусство и ничего особо выдающегося там не обнаружил. Правда, по большей части творили его те, кто имел определенную склонность к живописи, – они могли бы стать художниками. Так что меня стали интересовать писатели, представлявшие себе, что такое шизофрения. Я знал одного такого поэта; он был большим поклонником Т. С. Элиота и сам писал по большей части, как Элиот. Можно сказать, что он его имитировал – но, может, как раз наоборот. Однако характерный элиотовский прием – стилистический прием – четко прослеживался в шизофренической поэзии, хотя, к сожалению, у меня сейчас нет под рукой этих стихов. Припоминаю несколько фраз типа «Со мною творят докторство» или заглавия типа «Купались две птицы»<sup>1</sup> – то есть языковые и стилистические приемы, которые можно найти у Элиота и в ранних стихах Маклиша<sup>2</sup>.

Вы спрашиваете, какое влияние на творчество оказывает трава. Эффект галлюциногенных наркотиков состоит часто в том, что исчезает потребность в сновидениях. Употребляя траву, ЛСД или любой другой наркотик этого типа, начинаешь видеть гораздо меньше снов, поскольку все сновидения приходят наяву. Под словом «галлюциногенные» я имею в виду настоящие галлюцинации. Сознание

1 Берроуз использует для примера название романа англо-ирландского писателя Флэнна О'Брайена (1911–1966) «At Swim-Two-Birds» (1939), но при этом опускает дефисы. В русском переводе роман называется «О водоплавающих».

2 Арчибальд Маклиш (1892–1982) – американский поэт, драматург, общественный и государственный деятель.

и впрямь расширяется и, на мой взгляд, воображению придается большая живость, но в то же время ты прекрасно понимаешь, что это воображение, то есть не воспринимаешь это как галлюцинацию. Что касается галлюциногенной литературы, я не думаю, что она существует. Писателями не становятся лишь потому, что торчат. Несомненно, расширяющий сознание наркотик может принести новые идеи или образы. Но я не думаю, что существуют гашишное, мескалинное или ЛСД-письмо. Люди часто пишут после приема ЛСД, я помню массу таких сочинений. По большей части они ужасны, расплывчаты и по сути нехороши. Правда, люди, это сочинявшие, не были опытными писателями.

## Кто что где и когда?

257

Я уже несколько раз ссыался на книгу графа Коржибского «Наука и здравомыслие». Эта книга должна стать обязательным чтением как для студентов колледжей, так и для каждого, кому небезразлична точность мысли и выражения. Особенно для журналистов и ученых. Граф отмечает, что общие понятия, не имеющие четкого референта, обманчивы и бессмысленны. «Всем известно, что... По мнению специалистов... Большинство согласится, что...» Какое большинство согласится с чем, где и когда? Журналисты как-то спрашивали, не кажется ли мне, что американцы склоняются к правым политическим убеждениям. Какие американцы? Фермеры? Бабульки из клуба книголюбов на восточном побережье? Студенты? Обитатели гетто?

В книге Дэвида Рорвика «По образу Его» содержится масса высказываний *ученых*, отвергающих идею клонирования, однако ни одного семантически достойного утверждения в ней так и не встречается:

«Самость – сущностная правда жизнь».

Для кого сущностная? Разве ученым мужам никто не сообщил, что восточные духовные практики, имеющие миллионы последователей, нацелены именно на устранение этой «самости»?

«Одна мысль о деиндивидуализации человека приводит в ужас». Кого конкретно она приводит в ужас, профессор?

Я не оспариваю его точку зрения. Если ему нравится беречь и лелеять это капризное, пугливое, вечно стоящее на страже своих интересов, мелочное и скучное существо, которое он называет своей «индивидуальностью», – это его дело. Я призываю его к ответу на семантических основаниях. Он несет чушь.

«Я рассматриваю самость как сущностный факт моей жизни. Одна мысль о деиндивидуализации человека приводит меня в ужас».

Теперь это утверждение имеет смысл.

«Разница внешности укрепляет наше чувство самости и тем поддерживает ощущение индивидуальной ценности, кою мы ищем в себе и других».

*Наше* чувство самости? *Мы* ищем? Самонадеянность, с которой он говорит за все человечество, просто паразитерна.

Граф отмечает, что задавая такой набор противоположностей, как «интеллект *или* эмоции», «разум *или* инстинкт», Аристотелева логика «или-или» приходит в противоречие с тем, что нам известно о физическом мире и человеческой нервной системе. Для описания реакций организма в целом на окружающую среду он использует термин «нейромускульное направленное поведение». Каждое действие *одновременно* инстинктивно *и* рационально, оно требует участия всего тела и нервной системы. Человек голоден. Тут же вспоминают магию и практически лишенное смысла слово «инстинкт». Однако в своих примитивно-инстинктивных поисках еды человек переходит улицу, берет такси, оплачивает проезд, читает меню – и все это действия разума и интеллекта. Вроде бы очевидно, однако вот вам французский ученый, Мишель Жуве – он преподносит нам теорию, состоящую в том, что сновидения «инстинктивны».

Представьте, что произошло бы, если бы инстинктивное и рациональное поведение действительно работали бы по принципу «или-или».

Место действия – отель «Скала» в Гибралтаре. Как зверь в поисках добычи, врывается Профессор. Официанту не нравится его вид, и он решает его проучить. Профессор садится и голосом, абсолютно лишенным эмоциональных модуляций, как говорящий компьютер, делает заказ. Он просит две порции ростбифа – побольше крови, – и сообщает официанту, что его «вторая половина» должна прибыть с минуты на минуту, а также заказывает бутылку красного вина. После чего принимается за кроссворд. При виде еды он нетерпеливо скулит, а его желудок урчит, будто громадный кракен. Он рвет зубами мясо и вылизывает тарелку – да так противно, что обедающие за соседними столиками отворачиваются, чтобы не вырвало. Профессор успокаивается и бросает взгляд на бутылку. Вино белое. Он подзывает официанта.

– Я заказывал красное вино. При употреблении с мясом белое вино может оказаться причиной серьезных желудочных расстройств.

– Взгляните, мистер, заказ записан с ваших слов.

Глаза Профессора загораются, и он скалит окровавленные клыки. Гибко и целеустремленно выскользнув из-за стола, он хватается официанта за лацканы.

– Принеси мне красного вина, черножопая обезьяна, или мне придется отхлебнуть его прямо у тебя из горла.

Официант вырывается и спасается бегством. Профессор возвращается на место и записывает на салфетке важную формулу.

Может, не стоит их разделять, Профессор?

## ЭПИТАФИЯ<sup>1</sup>

260 Жертва не действует, а претерпевает. Ей наносят ущерб, она заболевает, ее лишают свободы, она страдает от голода или умирает – то есть подвергается воздействию людей, обстоятельств или того и другого. Бывают прирожденные жертвы: к такой категории могут относиться люди, родившиеся в безнадежной нищете или имеющие врожденные уродства. Другие становятся жертвами по воле случайных на вид обстоятельств: несчастных случаев, землетрясений, пожаров, наводнений, эпидемий. Есть люди, самостоятельно приобретшие статус жертвы: они предположены к несчастным случаям и бедствиям.

К закоренелым жертвам относятся те, кто сами добиваются этого положения. Здесь уместно будет вспомнить египетский иероглиф, изображающий человека, который сам себе разбивает голову. Взять хотя бы Хемингуэя: в Париже ему на голову обрушивается бачок туалета, он простреливает себе ноги, пытаясь дострелить забитую острой рыбу, получает травмы в целой серии авиа- и автомобильных катастроф. На самом деле список таких героев весьма длинен, и художники, писатели и артисты представлены в нем довольно широко: Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Малькольм Лаури, Бодлер, Рембо, Модильяни, Ван Гог, Дженис Джоплин, Джеймс Дин, Айседора Дункан, Джек и Бобби Кеннеди. В некоторых случаях

<sup>1</sup> Этот текст писался как предисловие к «Дневнику жертвы». – *Прим. автора.*

хроническая жертва кажется наделенной какой-то негативной телекинетической силой. (Известен человек, в которого молния попадала одиннадцать раз!) Они приносят несчастья себе и окружающим. Достаточно просто прогуляться по улице с таким Ионой, чтобы случилась какая-нибудь неприятность.

Так что же, спросите вы, разве «Дневник жертвы» уже сам по себе не способен приносить несчастья? Напротив, мне представляется, что такая книга может дать нам возможность извлечь уроки из ошибок и несчастий наших предшественников и уберечь себя от смертельных ловушек. Мы видим то, чего они видеть не могли, и можем вовремя уклониться.

261

В этом основа *минимакса*: предположить, что может случиться худшее и действовать в соответствии с этим; помнить, что молния всегда бьет дважды в одно место. Это основной закон, с которым знакомы все успешные игроки. За полосой побед следует полоса поражений; вообще, судя по всему, любые происшествия организуются в последовательности, как будто одно происшествие, как магнит, тянет за собой подобные. Будьте внимательны, и вы непременно увидите, как действует этот закон. Если вы чуть не опоздали на поезд, вероятность того, что вы опоздаете на другой, возрастает; стоит увидеть на улице человека, разговаривающего с самим собой, и вы с большой вероятностью увидите еще одного такого же; столкнетесь с одним грубияном-продавцом или официантом – и тут же встретите другого, который пошлет вас теми же самыми словами. Просмотрите газеты: в один день в ваннах утонули сразу два человека, произошли похожие пожары и несчастные случаи... (может, я уже читал про это?) или поток смертных случаев с людьми одного возраста. Четверг, 18 мая 1979 года: разбился одномоторный самолет... погиб пилот, 22-летний Кевин Браун... При пожаре погиб 22-летний Клайд Н. Олсен... в автодорожной аварии

погиб 22-летний житель Каспера... 22-летний мужчина признан виновным в избиении до смерти...

Предположим, сегодня день чьей-то гибели – не просто гибели какого-то человека, а того, с кем вы себя определенным образом идентифицируете. Будьте осторожны. Для вас это опасный день. Помните, что не знающие истории обречены ее повторять. Чем больше вы знаете об этом человеке и его или ее смерти, тем лучше. Что послужило причиной смерти? Какой был день недели? Что еще произошло в тот день? Какими были последние слова? Из книги «Смерть Джесси Джеймса»<sup>1</sup> я знаю, что он погиб в понедельник 3 апреля 1882 года, температура воздуха в тот день была 46°. Его застрелили в тот момент, когда он снял оружие, чтобы протереть картину.

– Ужасно пыльная, – были его последние слова.

Если вы идентифицируете себя с Джесси Джеймсом, 3 апреля не поддавайтесь на уговоры тещи и не лезьте на стремянку, чтобы протереть запылившуюся картину. Ведите машину со всей возможной осторожностью в день гибели Джеймса Дина – и оставьте дома шарф в день смерти Айседоры Дункан.

В день, когда Малькольма Икса<sup>2</sup> застрелили, он, как обычно, вошел в аудиторию, но в походке его отсутствовала былая пружинистость – казалось, он

1 Скорее всего, Берроуз имеет в виду книгу Фрэнка Триpletта «Жизнь, эпоха и предательская смерть Джесси Джеймса», написанную и опубликованную через два месяца после смерти Джесси Джеймса. Интервьюируя непосредственных свидетелей и участников преступлений Джеймса, автор не скрывал симпатий к своему герою. В 1970 г. книга Триpletта была переиздана в Нью-Йорке с комментариями историка Джозефа Снелла.

2 Малькольм Икс (Малькольм Литтл, 1925–1965) – американский общественный деятель, в 1952–1964 гг. активист движения «Черные мусульмане», в 1964 г. основал собственную мусульманскую секту «Организация афроамериканского единства».

уже мертв. Братья, в этот день лучше посидеть дома. Бобби Кеннеди непонятно почему падает в обморок прямо на сцене за два дня до своего убийства. За неделю до убийства в Далласе какая-то женщина сумела оказаться в двух шагах от Джона Кеннеди и сфотографировала его вблизи.

– Она вполне могла убить Президента, – просто заметил чиновник.

«Дневник жертвы» привлечет ваше внимание к подобным вещам. Будь я политиком и будь у меня основания бояться покушения – подойди ко мне кто-нибудь на два шага, и я бы уволил всех приставленных ко мне охранников и одолжил бы несколько пистолетов у де Голля. К Ле Женералю-то на два шага никто не подходил. И я бы держался подальше от Далласа 22 ноября.

Хемингуэю не следовало летать в легком самолете неподалеку от Килиманджаро. Мозговая травма, которую он получил в этой авиакатастрофе, через несколько лет привела его к самоубийству. Он приставил ко лбу двустволку 12-го калибра и спустил оба курка.

*«Белые белые белые насколько хватало глаз спящей вспышкой белого снега Килиманджаро».*

Таким образом, «Дневник жертвы» может уберечь вас от многих неприятностей; он даже может спасти вам жизнь. Перебрать в уме все возможные варианты провалов или неудач – все равно, что испытать их. Допустим, вас ждет важная встреча. *Первым* делом обдумайте, что может пойти не так. *Затем* рассмотрите успешные варианты. Очная ставка с возможными провалами – ключ к успеху. (Актеры могут подтвердить, что чем сильнее у них страх перед публикой, тем удачнее выступление.)

Кроме того, «Дневник жертвы» – богатый источник для любителей неожиданных поворотов в светских беседах.

– С днем рождения, мистер Браун... какое забавное совпадение... два года назад в этот же день человек по фамилии Браун умер прямо в этом ресторане, за этим же столиком... В самом расцвете лет, а?

В конце концов, каждый окажется жертвой. Издателям «Дневника» следовало бы продавать будущие даты, как участки на кладбище. Бронируйте даты прямо сейчас.

## МОИ ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ОРГОННОЙ КАМЕРОЙ ВИЛЬГЕЛЬМА РАЙХА

265

Я построил первый оргонный аккумулятор на ферме возле Фарра в Техасе весной 1949 года. Я жил в долине Рио-Гранде со своим другом Келлзом Элвинсом, мы читали Вильгельма Райха и решили соорудить аккумулятор в апельсиновой роще Келлза. За несколько дней сколотили деревянный ящик футов восемь высотой и обили его оцинкованным железом. Внутри был старый лёдник, в который можно было забраться и натянуть верх, так что на тебя спускалась другая коробка из листовой стали. Таким образом воздействие вроде бы усиливалось аккумулятором внутри аккумулятора. Сезонные рабочие Келлза с подозрением смотрели издали, бормоча что-то по-испански о «brujeñas» – колдовстве.

Керуак описал мою оргонную камеру в романе «На дороге» – довольно милый финт, учитывая, что он ни разу не был на ферме в Южном Техасе. Он придумал, что я сделал укол морфия и вышел «потарашиться на свой пупок». На самом деле, я в ту пору не сидел на джанке, а если бы и кололся, точно не стал бы делать это в оргонном аккумуляторе. Керуак пошел еще дальше и написал, что «Старый Бык считал, будто его оргонный аккумулятор станет лучше, если дерево, использованное в нем, будет как можно более органическим, поэтому привязывал к своему мистическому сортиру листья и веточки кустов из дельты»<sup>1</sup>. Как и многое в сочинениях Джека,

1 Пер. М. Немцова.

это хорошая история, но полная выдумка. Когда он навещал меня, я жил в Алжире, через реку от Нового Орлеана, в похожем на железнодорожный барак домике, который высился на болотистом участке на бетонных блоках. В Алжире у меня практически не было переднего двора, и я слишком плотно сидел на игле, чтобы строить аккумулятор.

А вот Нил Кэссиди посещал меня на южнотехасской ферме, но никогда не пользовался оргонной камерой. Поскольку Керуак, видимо, узнал историю о моем первом аккумуляторе от Кэссиди, который был склонен к преувеличениям еще больше Джека, странно, что они не придумали, что я устраивал оргии в аккумуляторе на потеху мексиканским рабочим. Но оргонная камера действительно имела определенное сексуальное воздействие; я сделал еще один маленький аккумулятор из армейской канистры, обтянутой мешковиной, ватой, а сверху еще и рогожей, и вышел мощный сексуальный стимулятор. Оргоны устремлялись из носика канистры. Как-то раз я залез в большой аккумулятор, держа маленький над пахом, и тут же кончил. Таков один из трюков на вечеринках, которые устраивал Кокто: снять всю одежду, лечь и кончить – без рук.

Вильгельм Райх, насколько мне известно, был первым исследователем, применившим научный метод к сексуальным явлениям: он замерил электрический разряд оргазма и сопоставил эти данные с субъективными ощущениями удовольствия и неудовольствия. Бывает оргазм, приносящий удовольствие: он похож на кривую графика роста продаж. Бывает оргазм, удовольствие не приносящий, мрачно падающий, точно индекс Доу-Джонса в 1929 году. За эти эксперименты Райх был выслан из Норвегии: традиционная скандинавская толерантность, похоже, не смогла переварить подобные опыты. Возможно, любые фундаментальные исследования человеческих рефлексов

угрожают фиговому листку фальшивой гордости и заблуждений, которым человеческое животное навязчиво прикрывает свою наготу.

Райх выступал за использование оргоновой терапии для профилактики раковых заболеваний и для их лечения. Он определил, что рак возникает, когда электрический разряд на поверхности клеток начинает задыхаться. Чтобы возместить это состояние и укрепить клетки, он разработал оргонную терапию. Медицинский истеблишмент ее без проверки отверг. Книги Райха сожгли, его аппараты уничтожили, а сам он умер в тюрьме.

267

Терапия Райха безвредна и не противоречит другим формам терапии. На самом деле ее можно проводить параллельно биопсии и подготовке к операции. Ее также можно применять в безнадежных случаях и, что важнее, в предраковом состоянии. Отвергая даже самую возможность такой формы лечения, федеральные власти взяли на себя тяжкую ответственность – особенно учитывая, что независимые исследователи, вроде Ч. Д. Коуна, подтверждают сейчас некоторые из открытий Райха.

Какое право имеет Администрация по контролю за продуктами питания и лекарствами лишать раковых больных лечения, которое может их спасти? Уверен, что большинство больных раком будут рады испробовать любую форму лечения, которая не мешает признанным методам. Решение должно оставаться, разумеется, за больным, а не за Администрацией или ДАР<sup>1</sup>. В ходе исследований мне пришло в голову, что оргонную энергию следует сконцентрировать и направить, дабы развеять зловоние идиотского зуда и опасений, блокирующих научные исследования сексуальных явлений.

1 «Дочери американской революции» – женская общественная организация, объединяющая потомков участников войны за независимость. Создана в 1890 г. Выступает за «сохранение идеалов американизма».

Когда несколько лет назад я поселился в мансарде в нижнем СоХо, мой друг Дэвид Прентис смастерил мне кое-какую мебель. Мы решили сделать оргонный аккумулятор и установить его в квартире. Он скотил из фанеры ящик, обложив его слоем пробки и оцинкованной стали; внутри помещался стул. С внешней стороны он обтянул ящик облезлыми кроличьими шубами, чтобы усилить оргонный заряд. Кроличьи шубы придали ящику сюрреалистический вид, очень живописный, вроде отороченной мехом ванны. Каждый день я проводил в этой коробке 15–20 минут, медитируя, с приятным чувством, что я у меня меньше шансов заболеть раком. Мне пришло в голову, что действие можно изрядно усилить, используя намагниченное железо и построив аккумулятор пирамидальной формы. Если пирамиды не дают гнить мясу, на вас тоже подействует.

## КАК БРОСАЕШЬ КУРИТЬ<sup>1</sup>

269

Любопытно, что с табаком – самым доступным и широко используемым наркотиком, – связана самая впечатляющая статистика смертных исходов. Подобная статистика о каннабисе несомненно использовалась бы для обоснования и укрепления существующего законодательства, но пока никто еще не предлагал запретить производство, продажу и хранение табака.

Статистика о связи табакокурения и рака легких, несмотря на ее общеизвестность, не очень сильно влияет на курильщиков – даже на молодых людей, прекрасно осведомленных об опасности рака легких. Они понимают, что надо бросить курить, но не знают как. Эта книга – (поднимает книгу перед камерой) – рассказывает как. Автор гарантирует возврат денег: «Если вы не бросите курить, прочтя эту книгу и использовав ее проверенные методы, вы получите деньги назад».

Я купил эту книгу. Я следовал указаниям. Я перестал курить – после пятнадцати лет, две пачки в день. До чтения книги Брина я делал нескольких несерьезных попыток сократить свой рацион до одной пачки, не справлялся и был убежден, что пробовать бесполезно. Какие волшебные слова в этой книге

<sup>1</sup> Рецензия на книгу Герберта Брина «Как бросить курить», впервые опубликованную в 1959 г., переизданную в 1975 г. и разошедшуюся многомиллионным тиражом. В виде телевизионной рекламы. – *Прим. автора.*

убедили меня и многих других читателей бросить курить?

Первый шаг – убедиться, что хочешь бросить. Да, подумай обо всем, что тебе *нравится* в курении. Если по-прежнему хочешь бросить, прочитай книгу – и ты это сделаешь. Если не хочешь, переключайся на другой телеканал.

270      Задумайся об этом. Думай хладнокровно и спокойно, без страха и безнадежности. Бросить удалось многим, сможешь и ты. Рассмотрю всю идею объективно. Не пытайся пока принимать решение. Задумайся – вот и все. Тебе не удастся это изменить? Это как погода? Окинь долгим хладнокровным взглядом эту табачную погоду и пойми, нравится ли она тебе. Посмотри на себя в предвкушении следующей сигареты – ты получишь свое угощение, когда вернешься из супермаркета, будешь с утра до вечера курить одну за другой, руки тебе не повинуются, все время лезешь в карман и вытаскиваешь следующую, ты даже не помнишь, сколько выкурил, пока не увидишь гору окурков в пепельнице, первая пачка к трем часам дня уже почти кончилась... во рту пересохло, тебя на миг охватывает паника, когда понимаешь, что остались только три штуки «Сениор Сервис»... слава богу – нашлась нетронутая пачка в ящике стола. Рак вздыхает с облегчением из своих овсяных клеток в бронхах, ему нужны смола, никотин и цианид, чтобы жить и дышать.

Теперь посмотри на все это бесстрастно, с точки зрения нуля сигарет (ты же *думаешь* бросить), ты уже бросил: достиг точки, где можешь взглянуть на это, – точки в будущем, когда ты перестал курить. Ты хочешь бросить и убежден, что не сможешь, – даже не пытайся, даже не *обдумывая*? Ты даже сомневаешься, что способен протянуть три часа в самолете на местах для некурящих, и выхватишь пачку быстрее, чем Джон Уэйн свой «кольт», когда погаснет табло «Не курить».

И подумай о статистике заболеваний раком. Не пугай себя, просто подумай. Врачи уже говорят об эпидемии. Вот замысел научно-фантастического романа: раковых больных все больше, это цунами. Ускоренный рак превращает курильщика в опухоль за несколько недель. Выясняется, что табак – оружие дальнего действия, которое изобрели венерианцы, чтобы истребить аборигенов. Не пугай себя. Просто посмотри: ты смотришь прямо на рак. Зараженное легкое плюхается на окровавленный поднос...

271

– Курить эти сигареты (следует название марки) – просто здорово после сложной операции, – заявил доктор Каспар Хиггин, удалив легкое своему брату-близнецу.

Так что ты все обдумал. Теперь составь список всего, что тебе не нравится в курении, и не расставайся с ним. Список у тебя уже есть – ты о нем думаешь. Теперь выбери время и *остановись*. Не снижай постепенно, не устанавливай норму: *Остановись. Не позволяй себе ни одного исключения.*

В первый день ты не очень серьезно к этому относишься – может, снова закуришь завтра, – но этого отчего-то не происходит. На третий день ты знаешь, что действительно бросил, и теперь тебе лучше, чем когда ты курил. Теперь ты осознал унылое постыдное рабство табака. Да одна почтенная матрона, пытавшаяся бросить, выбежала из дома в полночь в пижаме, одурев от желания закурить, стала копать в канавах и урнах... И Оскар Уайльд часто сходил на пол, когда они искали в мусоре пригодные бычки.

Наблюдение за тем, что происходит, когда бросаешь курить, многое объяснит тебе о подлинном предназначении курения. С одной стороны, люди закуривают, что одолеть боль, беспокойство, смущение. Помнишь рекламу сигарет «Мюрад»?

«Неловкие моменты... – (Ее муж не вовремя вернулся и т. п.) – Будь невозмутима: закури „Мюрад“».

А когда врач говорит, что у тебя овсяно-клеточный рак в обоих легких, будь невозмутим, закури «Мюрад» – почему бы и нет?

Вижу старого курящего Берроуза, смутное изображение дрожит далеко, в комедии 20-х годов, где всегда два часа ночи и томный аристократ зевком пускает кольца дыма. В рекламе это подавали гламурно, как символ мужества и утонченности. Теперь мне это кажется грязной, разрушительной, неряшливой привычкой. Курильщики всех стран, посмотритесь в зеркало. «Это неприглядные фокусы» – доктор Стрейнджлав бьет себя по руке, заползшей в карман.

Можно организовать митинги против курения...

– Ох, я просто понял, что надо остановиться...

– Меня осенило: «Я могу этого и не делать»...

– Я знаю, знаю, знаю...

Они сбиваются в восторженные толпы, но тут на них нападают уволенные работники табачных компаний. Но они бегают гораздо быстрее... все разбегаются, весело хохоча. Рекламные плакаты сигарет плесневеют, осыпаются и трепещут на ветру. Лучезарные поп-звезды выдирают табачные кусты. Табачная промышленность уничтожена. Ну, осталось несколько человек, выкуривающих по пять сигарет в день – эти выращивать могут и сами, что там заработаешь на них да на маразматиках, курящих трубки. Мода заражает всех: вот уже снят целый фильм, в котором никто не курит. Теперь считается дурным тоном вытащить пачку сигарет – все равно, что надеть норковую шубу.

– В бесчеловечной ярости они могут наброситься на другие продукты, – прямо предупреждает бывший президент «Тобакко Амальгамейтид». Да, и причем – на многие. Когда бросаешь курить, под вопросом оказываются и другие привычки. Начинаешь

с пристрастием разглядывать все, о чем думал и что делал. Сколько мыслей и дел основано на убежденности, что не можешь измениться? А ты себе только что доказал, что можешь. Так зачем останавливаться на сигаретах? Можно отказаться от чего и кого угодно.

– Прости... ты у меня просто старая дурная привычка.

Те, кто слушал эту передачу, хотят бросить курить, иначе бы вы ее не слушали. Купите книгу Брина «Как бросить курить». Следуйте инструкциям. И вы бросите курить.

## ПРОКЛЯТЬЕ МОЭМА

274      Заметки о книге Теда Моргана «Моэм»<sup>1</sup>, которая, кстати, гораздо интереснее, чем сам Моэм. Робин Моэм<sup>2</sup> полагал, что его дядя Вилли сторговался с дьяволом. Торговаться с дьяволом – всегда торговаться себе в убыток, особенно если ты художник. Дьявол не торгует и *не может* торговать качественным товаром. Он может сделать вас самым знаменитым, самым читаемым, самым богатым писателем на земле, он не может сделать вас лучшим писателем. Или даже просто хорошим.

И Моэм сознавал свои художественные провалы. Он надеялся стать первым среди второстепенных. Очень жаль, мистер Моэм, такой категории не существует. Даже второстепенные позиции получают за первоклассные работы. Второстепенный писатель – тот, кто находит особую нишу или тот, кто пишет неровно. Я могу думать о книге, которую читал много лет назад и уже позабыл название и автора. Но до сих пор помню главу, абзац или просто фразу, потому что в них был блеск. Без таких зацепок даже обширное

1 Тед Морган (граф Сан-Шарль Арман Габриэль де Грамон, р. 1932) – франко-американский писатель, журналист и историк. Известность Моргану принесли биографии Уинстона Черчилля, Франклина Рузвельта и Уильяма Сомерсета Моэма (1980). Морган является также автором биографии самого Берроуза (1990).

2 Робин Моэм (1916–1981) – британский писатель, племянник Уильяма Сомерсета Моэма.

наследие, состоящее из множества хорошо написанных томов, немногого стоит. Мой постулат – в том, что задача искусства – указать нам дорогу в космос. Если следовать этому критерию и в словесности, Моэм – не художник. Он умеет писать, но никогда не был магом. Я читал Моэма давно, и перечитывать его меня не тянет. Я не испытываю ни малейшего интереса к его персонажам, потому что ему самому нет до них никакого дела. Вспомните для контраста, с какой любовью относится Конрад к лорду Джиму. Или как Жене преображает своих воров и проходивцев. Жене говорил, что писатель должен принимать на себя страшную ответственность за созданных им персонажей. Очевидно, Моэм подобной ответственности не чувствовал. Конрад и Жене – писатели космического века. А Моэм – нет.

Робин Моэм говорит, что Вилли постоянно преследовала какая-то чертовщина. Он рассказывает эпизод, произошедший в последние годы жизни Моэма. Вилли не отрываясь смотрел на дверь. Лицо перекошилось от страха, он дрожал.

– Кто это заходит в комнату? – спросил он, потом побледнел как мертвец и заорал: – Иди прочь! Я еще не готов! Говорю тебе, я еще не умер!

«Я осмотрелся, но комната была пуста», – утверждает Робин.

Как знать, если б Моэм смог об этом написать... Но об этом в сделке речи не шло. Незадолго до смерти он спросил Робина:

– Ты же не веришь, что в этой жизни можно настолько растерять себя, что под конец ничего не останется?

Робин поспешил заверить его, что так не бывает – все равно, что уверять больного раком, будто он непременно поправится.

В одном из своих весьма содержательных предисловий Конрад замечает, что торговаться с дьяволом – всегда себе в убыток. И особенно для писателя,

поскольку писатель имеет дело с *качественными показателями*. Человек с простыми и понятными целями – богатство, власть, слава, социальный статус – может думать, что не продешевил, пока до него не дойдет точный смысл того, что было напечатано в контракте мелким шрифтом. Но писатель от такой сделки ничего не получит.

Есть такое чувство, что Моэм продался с самого рождения. Если бы не Сделка, он бы вообще ничего не совершил. Из Моэма я помню лишь несколько фраз, а я у себя в пансионе читал все, что выходило в издании Таушница...

«Если кто-то приходит и просит передать, что это очень важно, можно быть уверенным: это важно для него, а не для вас».

«Хорошо питаться в Англии – значит завтракать три раза в день».

И это *все*? Практически. На мой взгляд, задача романиста состоит в том, чтобы создавать персонажей. Посмотрим на персонажей Моэма... Начать с того, что я даже не помню, как зовут героя в «Острые бритвы»... какое-то ничтожество, которого в фильме адекватно сыграл столь же ничтожный Тайрон Пауэр<sup>1</sup>.

Блэйк, «Тесный угол». Они не живые. Они не вызывают ни малейшей симпатии. Они нам не нравятся. Не вызывают в нас никаких чувств. Причина очень проста: они были безразличны автору, он их не любил. Сравните этих бледных безжизненных персонажей с Лордом Джимом и Великим Гэтсби. Сколько любви и заботы отдано этим двум! Они *светятся* той жизнью, что даровали им авторы. Моэму нечего было дать своим героям. Свой дар он отдал дьяволу. Живыми у него получались только злобные портреты и

1 Тайрон Эдмунд Пауэр-мл. (1914–1958) – американский театральный и киноактер. Сыграл Лэрри Даррелла в первой экранизации романа (1944) англо-американским режиссером Эдмундом Гулдингом.

зарисовки... Рой в «Пирогам и пиве», например. Из всех созданий Моэма на героиню больше всего похожа Сэди Томпсон<sup>1</sup>: она обязана своей силой игравшим ее актрисам. Интересно, что Моэм отказался взять на эту роль Таллулу Бэнкхед<sup>2</sup>! Вполне возможно, это противоречило условиям Сделки. Она могла сыграть слишком хорошо.

Очевидно, Моэм очень переживал по поводу своей сделки и пытался отрицать ее последствия. Может показаться, что в этом контракте он не читал даже того, что написано крупно. Ведь должен же он был знать, что Дьявол не мог сделать его хорошим писателем. Однако мог принести славу, успех и богатство. И тут Моэм все получил сполна: вилла Мореск, обед с королевой. Мог бы стать кавалером какого-нибудь ордена – стоило лишь толкнуть Дьявола в бок.

И все же каждый писатель хочет быть хорошим писателем. Можно даже стремиться стать *лучшим писателем* – но не в соревновательном смысле, потому что между собой писателей можно сравнивать только в самых общих чертах. Имеется в виду, что любой писатель, если он действительно писатель, хочет написать лучшее, на что способен. А Моэм был писателем. Он никогда не зарабатывал другим ремеслом. Он *сам решил* стать писателем, а не врачом, юристом или политиком.

Так что он прекрасно сознавал, что сделал, и утешал себя разными пустяками... бокал первоклассного мартини в час... обед... гости... послеобеденный сон... прогулка... в семь коктейли... ужин с гостями –

1 Сэди Томпсон – героиня рассказа Моэма «Дождь» из сборника «Трепет листа» (1921).

2 Таллула Бэнкхед (1902–1968) – американская театральная актриса, радио- и телеведущая, получившая скандальную известность благодаря множеству экстравагантных поступков и свободному образу жизни, подробности которого она никогда не скрывала от публики.

с о-очень высокими гостями: Ноэлем Кауардом<sup>1</sup>, Уинстоном Черчиллем и герцогом Виндзорским. Вилла Мореск была самым темным ящиком на Ривьере – и не только в прямом смысле.

И в темный ящик сунут на покой...<sup>2</sup>

278

Жан Жене сказал о Жюльене Грине<sup>3</sup>: «Il n'a pas le courage d'être écrivain». У него не хватает мужества быть писателем. Замечу в скобках: я не согласен с Жене. Я полагаю, что «Le voyageur sur la terre» и «L'autre sommeil» – первоклассные образцы очень сложного жанра, граничащего с мистикой.

О каком мужестве говорит Жене? О мужестве смотреть в лицо ужасающим опасностям, какие готовит для писателя самая рискованная из всех профессий – профессия, предполагающая взыскания и наказания хуже смерти, гораздо хуже.

Пожилая дама: Должно быть, очень опасно быть писателем.

Хемингуэй: Опасно, мадам, – не многим удастся это пережить.

Можно увязнуть в собственном стиле, как Маммерштейн<sup>4</sup>. Можно, как Джойс, двадцать лет писать великую книгу, которую никто не сможет прочесть. А можно постоянно стандартизировать собственный

1 Ноэль Кауард (1899–1973) – известный английский актер, драматург и сочинитель популярных песен.

2 Строка из рубаи 272 Омара Хайяма, пер. И. Тхоржевского.

3 Жюльен (Джулиан) Грин (1900–1998) – франко-американский писатель. Ниже упоминаются его романы «Странствующий по земле» (1927) и «Другой сон» (1930).

4 Очевидно, Берроуз имеет в виду Хемингуэя, одной из кличек которого в старших классах была «Хемингштейн», на что иронически наложилось самое известное его прозвище «Папа».

продукт, пока он не умрет просто оттого, что лишится веской причины жить: плохой католик, выполняющий миссию, в которую на самом деле не верит, обсуждающий желательность или даже вероятность заказа еще одной кружки пива, не будучи уверенным, что действительно хочет ее выпить, – и так до самой швартовки.

Мистер Грин<sup>1</sup>, однажды я был застигнут врасплох в самолете, который вместо Нью-Йорка сел в Филладельфии из-за плохих погодных условий. И вот мы приземлились, но из самолета выйти не можем, потому что еще не прошли таможенный контроль... Три часа... выпить не дают... курить нельзя... Но у меня есть – так мне кажется – надежное средство как раз на подобный случай... Чтобы хоть немного облегчить положение, я достаю «Путешествия с тетушкой», но тут же убеждаюсь, что вместо надежного средства мне предлагают никчемное плацебо... Господи, что за ужас, беспомощный и пустой... Сидя у себя в патио, он потягивает шампанское и смотрит, как осыпаются цветы – сонное царство, подумал я... Он женится на индейской девушке, купит «дакоту» и начнет контрабандой ввозить виски и сигареты. И это, по-вашему, рай, мистер Грин? Лучше уж написать пару-тройку классных вещей – да и забросить это дело, как Жене... Чем тогда заниматься? Ни у кого другого, кроме разве что провалившегося шпиона, нет столь острой потребности в цели, как у одержимого искусством писателя. Эта мысль меня ужасает. В общем, у меня и без этого есть чем заняться – оружие, например<sup>2</sup>...

1 Грэм Грин (1904–1991) – английский писатель. «Путешествия с тетушкой» – его роман, опубликованный в 1969 г.

2 Берроуз был большим знатоком и любителем огнестрельного оружия. Его беспрецедентный для Америки социально опасный имидж «писателя с пистолетом» и «литературного уголовника» существенно отличался от имиджа всех остальных писателей бит-поколения, известных

но для этого нужны деньги, а денег – помимо тех, что я получаю за свои писания, – у меня нет. Да и этот источник в любой момент может иссякнуть... Помните песенку 20-х годов, на самой заре автомобильной эры:

*Едешь, все отлично,  
Но видишь вдруг табличку,  
И на ней написано: ОБЪЕЗД...*

280

Писательский ступор. Это как тяжелый удар полицейской дубинки зимней ночью. Ты вдруг ничего не можешь. За милую обходишь пишущую машинку. Тебя тошнит от одного вида собственных слов на бумаге.

*Сидишь и думаешь, зачем все это надо.  
Не заработаешь – подохнешь, вот отрада.*

Писательский ступор. Мы не любим об этом рассказывать... «Оно больше не приходит», – говорит Хемингуэй и стреляется. Ты даже письма не в состоянии сочинить. Что угодно, лишь бы не писать. Некоторые начинают точить карандаши. В деревне можно рубить дрова. Все что угодно – лишь бы отсрочить страшный момент, когда нужно садиться и писать...

Наверное, самое время отойти от дел. Как уходят от дел писатели? Уходят куда, в какую отставку? Моэм: «Мне 86 лет, и я уже не тот». Совсем не тот... «Приятно посидеть на солнышке, правда?» Жутким

---

своим пацифизмом. Страсть Берроуза к оружию стоила жизни его жене Джоан Воллмер, которую он случайно застрелил в 1951 г. во время игры «в Вильгельма Телля». Концептуальные картины, коллажи и инсталляции Берроуза, простреленные им, словно мишени на стрельбище, сейчас находятся в музейных собраниях. Он с удовольствием позировал с винтовками и пистолетами и спал с пистолетом под подушкой.

холодком потянуло, правда? Уподобиться старикам из Санкт-Петербурга, которые только и ждут, когда можно будет снова поесть, снова посрать и снова посидеть на любимой скамейке на солнышке...

В чем причина писательского ступора? Обычно он наступает, когда пишешь слишком много, когда тебя настигает собственная халтура. Помню, Мэри Маккарти<sup>1</sup> говорила обо мне: «Он пишет слишком много». Но я не слушал, все писал и писал: многое из того, что я тогда сделал, просто ужасно. А потом тебя накрывает. И ничего не сделать, приходится пережидать...

281

Да, очень опасная профессия... Писателю легко увязнуть в религии. Легко стать коммунистом, а это еще хуже, потому что сама платформа коммунизма в основе своей фальшива: прогресс – но во имя чего? Повышение жизненного уровня населения, сплошь состоящего из выхолощенных зомби... Зачем? Кому это надо?

К писателю, берущему на себя множество других обязанностей, нельзя не относиться с подозрением: синдром человека эпохи Возрождения. Мне кажется, проживи я лет триста, может, и начал бы что-то понимать в писательстве. В том, чем писатель занимается на самом деле.

<sup>1</sup> Мэри Маккарти (1912–1989) – американская писательница и критик.

## ВСПОМИНАЯ ДЖЕКА КЕРУАКА

282

Джек Керуак был писателем. То есть писал. Многие из тех, кто называют себя писателями и чьи имена стоят на обложках, на самом деле не писатели: они не умеют писать, подобно тореадорам, выделяющим пассы в отсутствии быка. Писатель там был, иначе он не сможет об этом написать. И, собираясь туда, он рискует тем, что его насадят на рога. Я имею в виду то, что немцы метко назвали Духом Времени. К примеру, такой хрупкий мир духов, как фицджеральдовский век джаза – эти печальные юноши, вечера со светлячками, зимние грезы, хрупкие, хрупкие как его фотография, сделанная в двадцать два года – Фицджеральд, поэт джазового века. Он отправился туда, записал все и вернул своему поколению читателей, но так и не нашел дорогу назад. Целое поколение странников вышло из «На дороге» Керуака и отправилось в Мехико, Танжер, Афганистан, Индию.

Что писатели – а я ограничусь применением этого термина к писателям-романистам – пытаются делать? Они пытаются создать вселенную, в которой жили или хотели бы жить. Чтобы описать ее, они должны отправиться туда и принять условия, на которые они, возможно, и не рассчитывали. Иногда, как в случае с Фицджеральдом и Керуаком, эффект, созданный писателем, проявляется немедленно, словно поколение ждет, чтобы его написали. В других случаях возможна задержка во времени. Научная фантастика, к примеру, может осуществиться. Как

бы то ни было, описав вселенную, писатель делает ее возможной.

До какой степени писатели способны воплотить и воплощают свои произведения в так называемой реальной жизни, и насколько это помогает в их ремесле – вопросы открытые. То есть становится ли ваша вселенная более похожей на реальность или вы делаете реальность ее частью? Победитель не получает ничего. Например, стремление Хемингуэя разыгрывать наименее интересные аспекты своих произведений и становиться собственным персонажем, как мне кажется, скверно отразилось на его творчестве. Проще говоря, если автор утверждает, что сам неплохо делает то, что делают его герои, он лишь ограничивает их возможности.

Однако писатель всегда извлекают выгоду даже из того, что делает плохо. Я был – всего одну неделю: язва моя напоминает о себе, когда думаю об этом, – весьма неуклюжим ассистентом вора-карманника. Я решил, что недели достаточно, – у меня просто не оказалось должной сноровки.

Шатаемся по пустырям на окраинах Бруклина с Моряком после того, как столкнулись с шалбером (так он назвал пьяных) в конце Флэтбуша:

– Легавые надерут нам задницу... будь готов.

Я вздрогнул – не хотелось быть к такому готовым – и прямо там решил свернуть номер «Таймс», которым прикрывал Моряка, когда тот забирался в карман. Мы всегда пользовались одним номером – Моряк говорил, что люди попробуют читать, попутают, когда выяснится, что газета месячной давности, и нас не заметят. Тот еще был философ, этот Моряк... но хватило недели, чтобы я получил то, к чему должен был «быть готов».

– Вон едет... с желтым фонарем.

Мы ныкаемся на пустыре. Я умею видеть себя со стороны, – так вот, я был похож на испуганного

обывателя, который вцепился в свой портфель, пока мимо с ревом проносятся «Ангелы Ада».

Может, и трусость – укрыться на пустыре, когда следовало бы приобрести опыт избиения тощим лягашом-коротышкой с лицом, изрытым шрамами от прыщей, который наблюдает из патрульной машины, карие глаза пылают... ну, Моряку такое пришлось бы не по душе, как и Белому Охотнику – перспектива быть разорванным львом на куски.

284

Фицджеральд сказал однажды Хемингуэю:

– Богачи не похожи на нас с тобой.

– Да... у них больше денег.

И писатели не похожи на нас с вами. Они пишут. Если убьют, с задания вернешься с пустыми руками. Так что писатель не должен стыдиться, если придется несколько минут прятаться на пустыре или в углу комнаты. Он писатель, а не персонаж. Нет ничего неувольнимее писательского главного героя, которого читатель принимает за самого автора, никак не меньше: он сам делает то, о чем пишет. Но этот главный герой – лишь точка зрения, выдвинутая писателем. По сути, главный герой становится еще одним персонажем книги, но обычно заметить это сложнее всего, потому что по ошибке его принимают за самого писателя. Он – писательский наблюдатель, которому часто неудобно в этой роли, он не понимает, как здесь оказался. Он вызывает подозрение в мире не-писателей, если ему не удается вписать их в свою дорогу.

Керуак говорит в «Гщеславии Дулуоза»: «Я – не „я есть“, а просто шпион в чужом теле, воображающий все эти игры в песочнице, детишек на выгоне с коровами рядом с церковью Святой Риты...» Когда мы познакомились с Джеком Керуаком в 1944-м, он уже познал писательство. Ему был двадцать один; к тому времени он уже написал миллион слов и полностью посвятил себя избранному делу. Именно Керуак постоянно уговаривал меня написать книгу

и назвать ее «Голой завтрак». Я ничего не писал со средней школы, не помышлял о писательстве и так и сказал ему:

– У меня нет для этого таланта...

Я пробовал писать несколько раз – от силы страница. Перечитывание неизменно вызывало усталость и раздражение, отвращение к подобной форме деятельности, какое, должно быть, возникает у лабораторной крысы, когда та выбирает неверный путь и получает в наказание укол в центры недовольства. Джек мягко настаивал, что талант у меня есть, и я должен написать книгу под названием «Голой завтрак». На что я отвечал:

– Не хочу ничего слышать о литературе.

Пытаться вспомнить, где и когда это было сказано, – все равно что вспоминать что-то из кучи старых фильмов. Кажется, что со времен 1940-х прошел не один век. Я вижу бар здесь на 116-й улице и сцену пять лет спустя, в другом веке: шатаюсь, мимо нас в баре проходит моряк, словно по реплике суфлера из «Голого завтрака», и обвиняет нас – там были Аллен Гинзберг и Джон Кингслэнд – в насмешках над швейцарским флотом. Керуак отлично вел себя в таких ситуациях, поскольку был по натуре миролюбив. Или это случилось в Новом Орлеане, точнее – в Алжире, где я жил в деревянном доме у реки, или это было позже в Мексике у озера в парке Чапультепек... Там есть остров, где вяло гнездятся тысячи стервятников. Их вид поразил меня, ведь я восхищался их слаженным полетом – одни проносятся в нескольких футах от земли, другие виражами поднимаются выше, маленькие черные крапинки в небе – а затем, распознав пищу, обрушиваются вниз как торнадо.

Мы сидим на берегу озера с тако и бутылками пива...

– Голой завтрак – вот единственное название, – сказал Джек. Я показал на стервятников:

– Они задрали лапки, как старики в Санкт-Петербурге, Флорида<sup>1</sup>... Валите поищите себе падали, ленивые канюки! – Выхватив револьвер 45-го калибра с перламутровой рукояткой, я разнес шестерых в облака черных перьев. Остальные стервятники взмыли в небо...

Мы разыгрывали с Джеком подобные сцены, и несколько эпизодов, которые затем появились в «Голом завтраке», возникли из них. Когда Джек приехал в Танжер в 1957-м, я решил взять это название, и значительная часть книги уже была написана.

Вообще все долгие годы моего знакомства с Керуаком я никогда не видел его по-настоящему злым или недружелюбным. Его улыбка в ответ на мои возражения напоминала улыбку священника, который знает, что рано или поздно ты придешь к Господу: «Куда ты денешься из Эскадрильи Шекспира, Билл».

Когда я был маленьким, я решил стать писателем. В девять лет я написал нечто под названием «Автобиография волка». Это раннее сочинение написано под влиянием – настолько сильным, что попахивает плагиатом, – небольшой книжицы, которую я как раз тогда прочитал, «Биография гризли». Его преследовали всякие напасти, в том числе гибель любимой подруги... в конце этот бедный старый медведь плетется в долину, которая, как он знает, полна ядовитых газов, полумертвый... Представляю эту картину в сепии: долина, полная желтых азотистых испарений, в которую забредает медведь – точно преступник, которому отказали в помиловании, в газовую камеру. Для моего волка надо было придумать новый ход, и вот, опечаленный потерей своей семьи, он сталкивается с медведем гризли, который убивает его и

1 Санкт-Петербург (Сент-Питерсберг) – город в штате Флорида, из-за благоприятного климата стал популярным курортом и «городом пенсионеров». Здесь 21 октября 1969 г. умер Джек Керуак.

съедает. Позже было еще нечто под названием «Карл Крэнбери в Египте», но из этого так ничего и не вышло... нож сверкнул в темной лощине. Со скоростью молнии Карл В. Крэнбери выхватил автоматический пистолет из вороненой стали...

Все это писалось мучительно, от руки, старательным почерком. Сам процесс письма стал настолько болезненным, что я не мог больше ничего сделать для Карла Крэнбери, наступали Темные Времена – в те годы я готов был заниматься чем угодно, только не писать. Частный детектив, бармен, уголовник... Все эти начинания с треском провалились, но писатель связан не успехами или неудачами, а лишь наблюдениями и воспоминаниями. Тогда я не собирал материал для книги. Я просто не мог ничего делать настолько хорошо, чтобы жить на это. В этом смысле Керуаку было легче. Ему не нравилось, но он делал – работал на фабриках и железных дорогах. Мой рекорд фабричной работы составил четыре недели. Я отличился тем, что меня уволили во время войны с оборонного предприятия.

Керуаку, возможно, такое удавалось лучше, потому что он рассматривал работу как средство купить себе время на то, чтобы писать. Скажите, сколько книг написал автор... можно предположить, что примерно в десять раз больше осталось в столе или выброшено. И я расскажу вам, как он проводит время: любой писатель много времени проводит в одиночестве и пишет. Таким я и помню Керуака – писатель, который рассуждает о литературе или сидит в тихом уголке с блокнотом и пишет от руки. Еще он очень быстро печатал. Казалось, он только и делал, что писал, и больше ни о чем не думал. Он никогда не хотел заниматься чем-то другим.

Если вам показалось, что я говорю больше о себе, чем о Керуаке, то это потому, что я пытаюсь объяснить ту особую роль, которую в моей жизни сыграл

Керуак. В детстве я забросил писательство, потому что не смог, видимо, вынести то, с чем приходится сталкиваться каждому писателю: все плохое, что он напишет до того, как у него получится что-нибудь достойное. Интересно было бы собрать все худшие работы какого-нибудь писателя – станет ясно то напряжение, с которым писатель пишет плохо, то есть вообще не пишет. Такое давление – отчасти заложенная с детства необходимость ощущать себя белым американцем-протестантом (в моем случае) или (в случае Керуака) франко-канадским католиком.

Писатели в определенном смысле обладают очень большим влиянием. Они пишут сценарий для фильма реальности. Керуак открыл миллионы кофеен и продал мужчинам и женщинам миллионы пар «ливайсов». Из его страниц берет начало Вудсток. И если бы писатели сумели объединиться в очень тесный союз, мы бы исправили мир словами. Мы могли бы сочинить собственные вселенные, которые были бы так же реальны, как кофейня, пара «ливайсов» или вечеринки джазового века. Писатели могли бы завладеть студией реальности. А значит, им нельзя позволить узнать о собственных возможностях. Керуак понял это задолго до меня.

– Жизнь – это сон, – сказал он.

«Мое свидетельство о рождении, свидетельства о рождении моей семьи и ее генеалогические записи, мои спортивные достижения в вырезках из старых газет, мои записные книжки и опубликованные книги абсолютно нереальны; мои собственные сны – вовсе не сны, а порождение моего бодрствующего сознания...» Таков, стало быть, мир писателя – сон, который на мгновение стал реальным на бумаге, еще чуть-чуть – и вы его коснетесь, как в финалах «Великого Гэтсби» и «На дороге». Обе книги выражают мечту, подхваченную поколением.

Жизнь – это сон, в котором один человек может появляться в разное время в разных ролях. Задолго до встречи с Керуаком мой друг по средней школе и колледжу Келлз Элвинс постоянно уговаривал меня писать и говорил, что я не подхожу для чего-то другого. Когда я работал над дипломом в Гарварде в 1938-м, мы вместе написали рассказ «В тених предвечерних», который спустя много лет я почти дословно воспроизвел в «Нова-Экспрессе». Мы разыгрывали сцены, сидя на боковом крыльце белого каркасного дома, который снимали вдвоем, – именно там и родился доктор Бенвей.

– С вами все в порядке? – крикнул он, усаживаясь в первую спасательную шлюпку вместе с женщинами. – Я врач!

Годы спустя в Танжере Келлз рассказал мне правду:

– Я знаю, что мертв, и ты тоже...

Все писатели мертвы, и все их сочинения посмертны. Все мы на самом деле – по ту сторону могилы, и никаких вам почестей... (Я просто пишу обо всем этом так, как думаю, в манере самого Керуака. Он говорит, что первый вариант всегда лучше.)

В 1945-м или около того мы с Керуаком работали вместе над романом, который так и не был опубликован. Часть материалов этого потерянного опуса Джек использовал позднее в книгах «Городок и город» и «Тщеславие Дулуоза». В то время начала приобретать очертания безымянная серая тень персонажа Уильяма Ли: Ли, который присутствует ровно настолько, чтобы увидеть и услышать все, что использует в каком-то эпизоде или персонаже 20 или 30 лет спустя. Нет, он присутствовал не как частный детектив, бармен, хлопковод, вор-карманник или дезинсектор; он был там в роли самого писателя. В ту пору я этого не знал. Керуак, похоже, родился с таким знанием. И рассказал мне о том, что я уже

знал, а это единственное, о чем можно рассказать другому.

290 Я говорю о той роли, которую сыграл Керуак в моем сценарии, а роль, которую я сыграл в его, можно понять из загадочно-вычурных описаний Хаббарда/Быка Ли, с легкостью перенесенных в сцены с Карлом и доктором Бенвеем в «Голом завтраке». Возможно, Керуак понимал, что я не включал его в число моих персонажей, но, разумеется, он – тот самый анонимный Уильям Ли, о котором говорится в нашем романе: шпион в чужом теле, и никто не знает, кто за кем следит. Сидя на задней веранде, Ли там – полноценный писатель. Так что доктор Бенвей сказал мне то, что я уже знал:  
– Я врач...

## БЕККЕТ И ПРУСТ

291

Вспоминаю свою встречу с Беккетом. Издатель Джон Колдер<sup>1</sup>, который публиковал как мои книги, так и Беккета, устроил короткую, длившуюся не более получаса аудиенцию. Дело было в Берлине: Беккет ставил там одну из своих новых пьес. Аллен Гинзберг, Сьюзен Зонтаг и я приехали в Берлин на чтения. Вместе с нами к Беккету отправились также Фред Джордан<sup>2</sup> и профессор Хёллерер, преподававший тогда английскую литературу в Берлинском университете.

Беккет был вежлив и внятен. Но в то же время было очевидно – мне, по крайней мере, – что он не питает ни малейшего интереса ни к одному из нас и у него нет ни малейшего желания видеть кого-либо из нас снова. Нас предупредили, что нужно принести что-нибудь выпить, потому что сам он ничего не предложит. Так что мы прихватили бутылку виски. Беккет налил себе немного и отхлебывал из этого стакана до конца нашего визита. Потом участники встречи совершенно по-разному воспроизводили то, что говорил Беккет, и противоречили друг другу

1 Джон Колдер (р. 1927) – шотландско-канадский издатель, основатель издательства *Calder Publications* (1949), друг С. Беккета. Первым издал книги Берроуза в Великобритании.

2 Фред Джордан – редактор издательства *Grove Press*, выпускавшего книги У. Берроуза.

в описании общего хода беседы. Мы как будто попали в зияние равнодушия. Помню, мы говорили о том, что мой сын недавно перенес трансплантацию печени, и обсуждали синдром отторжения. Я напомнил Беккету о нашей последней встрече в ресторане Мориса Жиродиаса. Тогда мы спорили о технике нарезки, и мне этот спор возобновлять не хотелось. Так что весь разговор свелся к «да, в ресторане у Мориса». Аллен, мне кажется, спрашивал Беккета, приходилось ли тому устраивать публичное чтение своих текстов. Беккет ответил, что нет.

Мы немного поговорили о квартире, которую Академия предоставила Беккету: двухуровневая, почти без мебели и с окнами на Тиргартен. Я похвалил зоопарк, сказал, что он один из лучших в мире, с диорамами для ночных животных, напоминающими естественную среду обитания. Там даже есть летучие лисицы. Беккет кивнул: мол, верит мне на слово. Кажется, мы обсуждали рак, который нашли тогда у Сьюзен Зонтаг. Я посмотрел на часы. Кто-то спросил у Аллена или Фреда, который час. Мы собрались уходить. Беккет вежливо пожал нам руки.

Дихотомия внутреннего и внешнего, интровертного и экстравертного представляет собой попытку подвести под принцип «или – или» данные, которые этому принципу не подчиняются и не могут быть без искажений представлены в понятиях «или – или». Данные восприятия просто невозможно втиснуть в формулу «или – или». Любое переживание одновременно объективно и субъективно. Очевидно, для переживания требуется субъект, а также то, что этот субъект будет переживать. Конечно, есть оттенки и степени яркости.

Кого-то, без сомнения, в большей, чем других, степени интересуют интерпсихические данные. Можно рассматривать это как спектр с разными степенями внимания. И мне кажется, что Пруст и Беккет

находятся на противоположных концах этого спектра. Пруста прежде всего интересует время. У Беккета время практически отсутствует. Пруста занимает тщательнейшее описание предметов, персонажей и обстановки, которая их окружает. А что у Беккета делают персонажи, если их можно так назвать? Что вообще можно о них сказать, кроме того, что они неуклюжи и немолоды? И что можно сказать об обстановке? О какой обстановке? То, о чем он пишет, может происходить где угодно. Безымянному все равно, где находится в своей бутылке – в Париже, Гонконге или Хельсинки. Герои Пруста укоренены в своем месте и времени – это французское высшее общество: герцоги и бароны с длинными важными именами. Эти имена и составляют их суть. А что Уотт, Мэлон, Мэрфи? Или Безымянный?

Я гораздо ближе к Прусту, чем к Беккету. Меня занимает создание персонажа. На самом деле, можно сказать, что это мое основное занятие. Если меня и будут за что-нибудь помнить, то именно за моих героев, доктора Бенвея и А. Дж., за Одри и Кима Карсонов, за Линчевателя и Малыша-Металлиста, за Мэри-Гамбургер и Мэри-Солонину, за Шестерку, Шпика, Моряка и Пантопонную Розу, за Старого Айка, Тетку Марию и Лолу ла Чата, за Папашу Косиножку и Бажбана.

У Беккета нет времени. Возьмите «В ожидании Годо». Герои могут ждать до скончания времен. Годо так и не придет. Возьмите «Уотта» или «Мэлон умирает». Там нет времени. Возьмите «Безымянного». «Безымянный» вне времени. Времени подвластно лишь то, что можно назвать или обозначить. У Пруста все сплошь имена и время. У Беккета нет Памяти. Даже в «Последней ленте Крэппа» памяти – в обычном значении связного припоминания – нет, там есть лишь механический процесс, приведенный в действие вибрацией и дребезжанием: открыванием или закрыванием двери.

Беккет в буквальном смысле бесчеловечен. Напрасно искать у него человеческие мотивы – ревность, ненависть или любовь. Отсутствует даже страх. От человеческих эмоций не остается ничего, кроме усталости и беспокойства, отмеченных налетом печали.

У Пруста, напротив, отражены всякого рода эмоции, страхи, презрение, ненависть, любовь. По сути, «A la recherche du temps perdu»<sup>1</sup> целиком представляет собой детально разработанную, прекрасную, с любовью созданную структуру, раскрывающую, как он сам говорил, поэзию снобизма.

То, что Пруст был снобом, очеловечивает его настолько, насколько Беккет никогда не будет очеловечен. У Беккета основные мотивации предельно неясны. Пруст, в каком-то смысле, писал ради того, чтобы охватить и «одомашнить» общество, которое так и не приняло его до конца. По крайней мере, в этом состоит один из аспектов его письма. А Беккет?

Возможно, писательство попросту составляет часть его природы и отражает его бытие, которое он как-то обязан был сформулировать. Природу этой обязанности трудно понять. Может, здесь имеется в виду нечто отличное от того, что обыкновенно понимается под «обязанностью». Обязаны ли мы дышать? Мне думается, он близок к тому, чтобы выдохнуть свои работы, насколько это вообще возможно для человека. Личные впечатления: абсолютно отчужденный, однако совсем не колючий и ничуть не смущенный. Мы обсудили несколько тем. И, похоже, у каждого из присутствовавших осталось собственное впечатление от встречи – у всех разное. Что же он говорил на самом деле?

Беккет нарушает все правила и каноны романа – каноны, конечно, произвольные, развившиеся к концу XVIII века и окончательно утвердившиеся в XIX-м.

1 «В поисках утраченного времени» (фр.).

Беккет не создает напряжения. Он выше всякого напряжения. Концовки глав не оставляют читателю никакой томительной неопределенности. Герои как таковые если и не отсутствуют полностью, то уж точно не претерпевают никакого развития. Возможно, он чистейший писатель из всех, кто брался за перо. Ничего, кроме письма, там нет.

Нет никаких приемов, украшательств, ничего, с чем читатель мог бы идентифицироваться. Все движется внутрь, а не вовне, внутрь к какой-то предельной внутренности, к изначальному ядру. Как прогресс в физике развивается изнутри, так и у Беккета область охвата становится с каждым шагом все меньше и точнее. «Конец игры» делит душу на действующие лица с тем, чтобы разыграть эндшпиль деления и бесплодную попытку окончить игру, которую невозможно окончить, не покончив и со всеми персонажами, поскольку все они – части единого организма.

Пруст – на другом конце спектра. Герои и их развитие, тщательно прописанная обстановка и реалистические диалоги.

У Беккета на поверку нет диалогов, он их не слышит. И они ему не нужны. Для Беккета не существует времени – по крайней мере, в том виде, как мы его знаем. Возьмите «Конец игры». Время невозможно, поскольку имеется лишь один персонаж, а время – изменение относительно других людей и объектов. У Пруста, напротив, время – это все. Память отслеживает точки воскрешения воспоминаний по каналам ассоциаций.

Пруст создал тщательно продуманный игрушечный механизм, внутри которого великосветские марионетки с поклонами движутся по комнатам, коридорам, террасам и садам, – создал призрачную шараду. Беккет, напротив, не признает, что за пределами его собственного восприятия нечто существует само по себе.

Если функция романиста сводится к созданию героев и ситуаций, в которых эти герои живут и дышат, Беккет вообще не романист. У Беккета нет напряжения: действие разворачивается в каком-то сумрачном лимбе, оно ничем не обставлено. Где все это происходит: в Париже, в Берлине или в Южной Америке? Не имеет значения. Герои и декорации отсутствуют. Скорее напоминает эндшпиль писателя, когда тот вплотную подходит к роли чревоушателя, читающего свои реплики чучелам и манекенам.

У Беккета мы, наконец, их видим – со всеми безвкусными переодеваниями и накладными усами. Но мстит обществу, так и не принявшему его окончательно, в любом случае мсье Пруст. Он полностью принял это общество, в романе оно принадлежит ему. Нигде больше это общество не существует. Оно закончило свое существование, превратившись в прустовских чучел.

А Беккет отказывается играть. Чучело рассматривается здесь как чучело. «Мэлон умирает». Кто его убил? Кто его создал? «Безымянный»? Кто не дал ему имени? «В ожидании Годо». Кто написал Годо? Теперь кошмар чревоушателя состоит в том, что чучело само начинает разговаривать. Предположим, какой-нибудь созданный писателем персонаж сам начинает писать? Это не одно и то же. Избавь меня от хлопот. Пришлось оставить за собой право вето, сам знаешь, как оно бывает: иначе под моим именем или поверх него может просочиться какая-нибудь чушь. Старина, хороший ты мой, я знал, что ты со мной согласишься, ну его к черту, надо бы встретиться где-нибудь посередке, разойтись во мнениях и все такое. Так что вернемся к Прусту.

Как и Пруста, меня очень занимают Время и Память; отслеживание ассоциативных каналов и сопадение точек памяти. Меня занимают декорации и предметы; живописные пейзажи, комнаты и улицы.

Есть ли у Беккета пейзажи? Где его реки, болота, города, комнаты, улицы? А диалог – есть ли он у Беккета как таковой? У меня он точно есть, диалог я слышать умею. У меня так много фраз, которые я от кого-то слышал. «Еврею одно подавай – отодрать христианскую девушку». «Собираюсь предоставить тебе исключительный шанс». «Это была личность». «Бешенство в наихудшей форме – вот у него что».

Беккет перекрывает доступ к целым областям человеческого опыта. Они его просто не интересуют. Как с тем нашим берлинским визитом. Он был педантично вежлив; как посетители, мы совершенно его не раздражали, да и он не давал нам ни малейшего повода для недовольства. Однако было ясно, что посетители его абсолютно не интересуют. Было ясно, что ни малейшего желания снова увидеть кого-либо из нас у него не было. Можно представить, как он с безразличием отворачивается от инопланетянина.

Меня же занимают персонажи, имена и декорации: Интерзона, Нью-Йорк, Южная Америка, Мексика.

## ГРЭМ ГРИН

298

В 1956 году я застрял в Алжире. Мне нужно было вернуться в Танжер, но из-за гражданской войны все авиарейсы отменили, и мне пришлось торчать там целых две недели. Обедал я обычно в молочном баре. Это было небольшое помещение, увешанное зеркалами и уставленное огромными банками с фруктовыми соками, салатами, мороженым, бананами и так далее. Через месяц после моего отъезда в этом баре взорвали бомбу, и Брайон Гайсин, прибыв туда через несколько минут, оказался непосредственным свидетелем событий. Он описывал мне всю эту невероятную картину: люди с оторванными конечностями, все в крови, мозги, мараскиновые вишни, маракуйя, бананы и взбитые сливки, зеркальные осколки. У Грэма Грина можно найти практически идентичное описание взрыва в молочном баре во Вьетнаме.

Книга Грэма Грина «Суть дела» очень близка моему рассказу «Санитарный инспектор». Действие там происходит в Центральной Африке, главного героя зовут майор Скоби, он офицер полиции и, разумеется, плохой католик. Этот Скоби из тех, кто не любит людей, но чувствует себя перед ними виноватым, потому что совершенно к ним безразличен. Так что он в итоге из кожи вон лезет, чтобы никого не обидеть, но в итоге причиняет гораздо больше вреда, чем самый злонамеренный эгоист. Больше всего проблем всегда с теми, кто не хочет создавать проблемы – и в личных отношениях, и вообще.

У Скоби есть верный слуга по имени Али; Али ухаживал за ним во время приступов лихорадки и несколько раз спасал Скоби жизнь. В этом же городе живет некий сириец, он держит магазин и склад, занимается контрабандой, скупает ворованное – словом, не брезгует ничем, что может принести хоть какую-то прибыль. Он все время пытается завязать отношения с майором. И вот как-то Скоби заходит к нему купить бутылку виски:

– Какая жалость, майор Скоби, у меня нет сдачи. Может, возьмете сразу ящик и духи для супруги?

– Спасибо, не надо. Сегодня я плачу за бутылку, но завтра, толстожопый, возьмусь за тебя.

– Мне горько это слышать, майор Скоби. Я к вам со всей душой. Если вам когда-нибудь понадобятся деньги...

Хорошее описание дельца: «Его предельно искренняя физиономия не внушала никакого доверия». Майор годами отвергает подарки в виде виски, платьев, духов и беспроцентных кредитов, но пришел день, когда ему и в самом деле потребовались деньги: нужно было сделать так, чтобы его бывшая любовница не уезжала из Африки, но жена ничего об этом не узнала. Понятное дело, ему не хочется обижать ни ту, ни другую, потому что все это очень его расстраивает, а расстраиваться ему не нравится. Он обращается к дельцу.

– Проценты? Никаких процентов, господин майор. Вернете, когда сможете.

В общем, едва деньги оказываются у майора в кармане, как ему уже приходится расплачиваться:

– Маленькая просьба, господин майор... Партию товара задержали на таможне на все выходные. Одна записочка от вас...

Дальше все идет по нарастающей: товаров, которые надо провести мимо таможни, становится все больше, но есть и кое-что еще, майору приходится отправлять

письма, чтобы цензура не прочла. В какой-то момент майора начинает беспокоить Али: тот может о многом догадываться. Майор отправляется к дельцу. Это основной момент всей книги:

– Уверяю вас, майор, никакой опасности нет. Человеку вашего положения не пристало беспокоиться по таким пустякам. Извините, я на секундочку.

300      Разумеется, он отправляет своих ребят разобраться с Али; Скоби прекрасно понимает, что происходит, но не может себе в этом признаться. То есть, он отправляет других обделать для себя грязное дельце, и даже себе не может в этом признаться: куда уж тут ниже падать? Но делец возвращается и заявляет:

– А теперь, майор, поговорим о вещах серьезных: о Боге, о семье и о Шекспире.

    За сценой – вопль.

– Что это?

– Не обращайтесь внимания, майор. Опять дерутся на улицах. Звери, а не люди...

## ПЕРСОНАЖИ В НАРЕЗКЕ

301

Перечитывая «Глазами Запада» Джозефа Конрада, я понимаю, что этот текст гораздо сильнее, чем мне казалось. Теперь я вижу прямые параллели между разговором Разумова с советником Микулиным и разговором Карла с доктором Бенвеем в «Голом Завтраке» (глава «Обследование»).

Разумов собрался с силами и приготовился к сложному разговору с крутым легавым, генералом Т\*\*\*. Вместо этого его допрашивает ищейка-виртуоз, советник Микулин. Сдав полиции Халдина, Разумов сам принял на себя роль осведомителя. Как он впоследствии обнаружит, от этой роли не так легко отказаться – к тому же это противоречит планам советника Микулина.

Этот артист начинает выделять свои мелкие па...

– Почему бы не сделать ему предложение? Генерал – он такой: если вы будете вести честную игру, он тоже не станет с вами жульничать.

Советник Микулин и доктор Бенвей одинаково используют пируэт незаконченного предложения. Микулин:

– В какой-то степени я понимаю ваше... Однако на самом деле вы совершаете большую ошибку, когда... Хотя в сущности... Вера в Бога, конечно же, великое... Так вы говорите, что он верил в... Это, конечно же... Естественно, определенное любопытство должно было возникнуть... Я уверен, что каждый может...

Доктор Бенвей:

– Анализ Кляйберга-Станислуского... диагностический прием... иногда весьма полезен... надеюсь, нам он не понадобится... вполне информативен – хотя бы и в отрицательном смысле... определенные заразные болезни... относительно редкие... такие браки часто ведут к... здесь должно быть... так вот...

302 Разумов в первый раз предстает перед Микулиным: «Он смотрел на него спокойно: в этом взгляде не было ни излишнего любопытства, ни исследовательского интереса – и уж точно ни тени подозрительности. Бесстрастность и настойчивость этого взгляда чем-то напоминали симпатию».

А вот Бенвей: «Когда взгляд доктора в первый раз скользнул по его лицу – взгляд, начисто лишенный всех чувств, какие Карл знал по себе или замечал у других, взгляд одновременно холодный и напряженный, хищный и безразличный...» Тот же чиновник, перенесенный из 1906-го в 1959 год – разве что чуть откровеннее. Как обнаружит впоследствии Разумов, Микулин тоже по-своему хищник, при всем бесстрастии и непрявленности, царящих вокруг него.

Разумову привиделось, как его пытаются... «И не то чтобы он действительно задремал при Микулине и видел во сне какие-то старые инквизиторские офорты».

Вот сцена обследования Карла в «Голом завтраке»: «Карл задремал. Ему казалось, что открывает зеленую дверь. Бенвей:

– И часто вы так засыпаете? На середине предложения?»

Карл:

– Я не спал, я просто...

Бенвей:

– Не спали?

Разумов:

– На мой вкус, дело приобретает чрезмерно комический оборот. Комедия ошибок, видений и подозрений. Непристойность, иначе не скажешь...

Советник Микулин слушал его с огромным вниманием:

– Видений, вы говорите?

Карл:

– Просто все это слишком нереально. Я ухожу, вы не заставите меня остаться.

Разумов:

– В самом деле, я должен заявить о своем праве раз и навсегда развязаться с этим человеком. И чтобы осуществить это право, я возьму на себя смелость... – Со своего конца стола Разумов адресовал сидящему сановнику легкий поклон. – ...удалиться – всего-навсего удалиться.

Обследование Карла: «Он пересек комнату, направляясь к двери. Ноги постепенно коченели, и это мешало ему идти. Казалось, дверь все время отдалялась...»

«Глазами Запада»: Разумов подошел к двери и подумал: «Теперь он, должно быть, покажет свою власть. Он должен либо позвонить и приказать арестовать меня еще до того, как я выйду на улицу, или отпустить. В обоих случаях...»

Бенвей:

– Куда вы пойдете, Карл?

Микулин: «И тут послышалось неспешное:

– Кирилл Сидорович».

Карл:

– Вон, на улицу – в дверь.

Микулин: «Уже у двери Разумов повернул голову.

– Удалиться – куда? – мягко спросил советник Микулин».

Бенвей:

– В Зеленую Дверь, Карл?

Как видите, конец повторяется практически дословно, и я действительно думал об этой главе романа

«Глазами Запада», когда писал свою главу о Карле и докторе Бенвее. Ничто не мешает использовать общую схему или даже конкретные слова другого автора, если они хорошо ложатся на твою собственную сцену – и это постоянно делается. Обе главы вполне годятся для экранизации, и мне кажется, что монтаж обеих стал бы весьма удачным приемом.

304

Советник Микулин – обстановка 1900-х годов, подставки для ручек, кольца с печатками, позолоченный телефон... Доктор Бенвей – холодная обстановка клиники, что-то шведское, ультра-современное... Постоянное переключение с одного лица на другое, лицо Бенвея накладывается на лицо и голос Микулина, голос Микулина – на лицо Бенвея. Лицо Микулина, говорящее голосом Бенвея...

## КРИТИКА КРИТИКОВ

305

Критики постоянно жалуются на то, что писателям не хватает стандартов, но, похоже, у них самих нет никаких стандартов, помимо личной склонности к литературной критике. Вот аналогия: представим ресторанных инспекторов «Мишлен», у которых нет общих критериев в оценке пищи. Вот один инспектор... «еда превосходная, обслуживание безупречное, на кухне все сияет», и другой о том же ресторане... «еда отвратительная, обслуживание чудовищное, кухня грязная». Третий отбирает звезды у итальянского ресторана, поскольку не любит итальянскую кухню. Еще один закроет ресторан, потому что осуждает личную жизнь шеф-повара или политические взгляды владельца, или начнет жаловаться, что курица на его тарелке – не ростбиф.

Спору нет, – выработать стандарты для литературной критики гораздо сложнее, и все же такие стандарты существуют. Мэтью Арнольд установил три критерия для критика: 1) Что автор пытается сделать? 2) Насколько ему это удастся? Безусловно, невозможно обвинять человека в том, что он не делает того, чего не собирается делать. 3) Демонстрирует ли работа «высочайшую серьезность»? То есть, затрагивает ли она основные вопросы добра и зла, жизни и смерти и человеческого существования? Я бы добавил еще и четвертый критерий, который узнал, когда мне было 12 лет. Я написал романтический рассказ о путешественнике, страдающем от жажды; он видит

мираж воды и умирает от разочарования, когда тот рассеивается. Случилось так, что у наших соседей гостил профессиональный писатель. Не помню, как его звали, но он опубликовал роман, так что казался мне героем. Я показал ему это свое детское сочинение, и он оставил записку, которую мне передали, когда он вернулся в Нью-Йорк, к роскоши, в которой, как мне казалось, купается любой писатель. «Пиши о том, что знаешь. Многие писатели терпят неудачу скорее потому, что пытаются писать о вещах, которых не знают. Не знаю, видел ли ты когда-нибудь мираж, но совершенно уверен, что ты никогда не видел человека, который умирает от того, что увидел мираж».

Теперь применим эти критерии к «Крестному отцу». 1) Что автор пытается сделать? Он старается развлечь, рассказать историю и сообщить читателю некоторые сведения о деятельности мафии. 2) Насколько ему это удастся? Да, достойно восхищения. 3) Демонстрирует ли работа «высочайшую серьезность»? Да. О власти говорится кое-что очень значительное. Автор также указывает на контраст между личной ответственностью и безответственностью, которая скрывается за такими выражениями, как «национальная безопасность». Крестный отец берет на себя ответственность за убийства, которые совершаются по его приказу. Его подручным даже нравится убивать. Больше всего вреда приносят те, кому не нравится делать свое дело. Крестный отец защищает нас от «трудного решения» в Пентагоне. 4) Знает ли автор то, о чем пишет? Вне всякого сомнения, и поэтому книга производит такое впечатление. Читатель сразу чувствует, что писатель *был там* и описывает реальные события и людей.

Но вот появляется критик, который не любит итальянскую кухню... «Эта книга полностью лишена жизненноутверждающих качеств. Писатель демонстрирует

нам одну за другой сцены грубейшего насилия и сексуальной распущенности, а читатель постепенно столбенеет, а под конец уже умирает от скуки. Одержимость автора гигантским членом Санни – явная компенсация за его собственные неудачи на сексуальном и художественном поприще. Безудержным прославлением убийств и бандитизма он пытается заглушить тошнотворную вонь красного вина и чеснока под шелковыми платьями и духами при дворе эпохи Возрождения. Ясно, что он хочет погрузить Америку в дикость каменного века. К счастью, подавляющее большинство американцев достаточно благоразумны, так что они отвергают его призыв, да и, будем надеяться, саму книгу тоже. Это не та книга, которую следует читать. Это книга, которую следует бросить в выгребную яму или похоронить под камнем, но так, чтобы до нее могли добраться крысы, насекомые и прочие ползучие твари, которые, если не прочтут ее, то хотя бы сожрут всю грязь с этих страниц». Я не преувеличиваю – отрывок о камне почти дословно воспроизведен по рецензии на «Новая Экспресс», написанной в «Чикаго Трибьюн» неким Салливаном. Это литературная критика или грязные проклятия беззубой ведьмы?

*Жаба, меж сырых камней  
Тридцать семь ночей и дней  
Ядом превшая во сне,  
Раньше всех варись на дне.<sup>1</sup>*

Вот тот же критик несколько лет спустя... «Слава, которую мистер Пьюзо получил после „Крестного отца“, изрядно омрачена его последней книгой. Крестный отец без сомнения мертв, и у его потомков не осталось ничего занимательного – по крайней мере, для читателя».

1 У. Шекспир, «Макбет», акт IV, пер. М. Лозинского.

Просматриваю некоторые рецензии на «Дезинсектора»... Вот Святая Тереза Блумингдейл<sup>1</sup> визжит из своего дешевого подвала... «отвратительно, гнусно, грязно, полная аморальность, вопиющая деградация...» Экий вздор. Я устал от так называемых критиков, которые заменяют критику оскорблениями и руганью, точно возбужденные маньяки в дурдоме.

А вот еще Анатолий Бройяр<sup>2</sup>... «Мистер Берроуз со всей его невнятистью, похоже, стал жертвой синдрома „тут замешаны тайные силы“, который так свойственен контркультурному сознанию». (Уотергейтский скандал продемонстрировал, что силы, которые вполне обосновано предпочитают оставаться тайными, и вправду действуют.) «Вот пародия на чикагский конгресс 1968 года, во время которого Жан Жене якобы сказал: „Пришло время писателям поддержать молодежный бунт не только своими словами, но и присутствием“»<sup>3</sup>.

Жене не «якобы» это сказал. Он сказал это Терри Сазерну, Дику Сиверу<sup>4</sup> и вашему покорному слуге, когда поддерживал молодежный бунт собственным присутствием. «Забавно, что Берроуз не понимал, что если Жене действительно сказал такое, он наверняка просто ерничал».

1 Тереза Блумингдейл (1931–2000) – американский литературный критик.

2 Анатолий Бройяр (1920–1990) – литературный критик газеты «Нью-Йорк Таймс».

3 У. Берроуз и Ж. Жене находились в Чикаго в августе 1968 г., когда там проходил конгресс Демократической партии США, сопровождавшийся выступлениями леворадикальной молодежи. Эти события описаны в книге «Дезинсектор!» (глава «Явление краснозодого совершенства»).

4 Терри Сазерн (1924–1995) – американский писатель. Ричард Сивер – издатель и переводчик с французского.

Да кто такой Бройяр, чтобы говорить от имени Жене и утверждать, что он «наверняка ерничал»? Я там был. А Бройяра не было. Сомневаюсь, что Жене удостоил бы его знакомством. Что Жене не ерничал, следует из статьи, которую он написал о конгрессе для журнала «Эсквайр», из его поддержки «Черных пантер», не только из его слов, но и из его присутствия и, позднее, из его задержания во время демонстрации парижских студентов. Не принимая Жене всерьез, Бройяр выдает собственное замешательство.

309

Если бы критики получили власть, которой они столь страстно желают, им пришлось бы выработать некие стандарты критики и некую концепцию смысла писательства. Многие из тех, кто называют себя писателями и чьи имена значатся на обложках, – не писатели, они не пишут; тореадор, идущий на быка, имеет мало общего с трепачом, который размахивает руками, когда никакого быка нет. Писатель там должен побывать, или же он не способен об этом написать. Фицджеральд сочинил Джазовый Век, томных молодых людей, вечера со светляками, зимние грезы. Он все это описал и передал своему поколению читателей. Но для себя он так и не нашел обратного пути. Целое поколение странников выросло из «На дороге». Чтобы написать такое, писатель должен отправиться туда и беспрекословно принять все условия. Он должен идти на риск. Только те критики, которые готовы последовать за ним, имеют право судить о его работе.

Разумеется, есть немало критиков, чья работа отвечает высоким стандартам, и я тоже получил свою долю конструктивной критики. Написать честную рецензию – тяжелый труд. Знаю, поскольку сам их писал. На рецензию в тысячу слов уходило десять часов, и ее приходилось переписывать много раз. Несправедливый отрицательный отзыв я могу выдать за десять минут. Кто угодно может. Компьютер

сделает это не хуже, да еще и быстрее – достаточно только собрать вместе все оскорбительные выпады без разбора.

310 Рецензия Бройяра на «Дезинсектора» – просто перепрограммированная рецензия Филипа Тойнби<sup>1</sup> на «Голый завтрак». Тойнби начинает с того, что признает: он искал в себе склонности к поддержке истеблишмента, ханжество и предубеждения к авангардному стилю письма и, оказавшись чист, аки взыскующий бессмертия в «Египетской книге мертвых», все же полагает эту книгу «скучной чепухой». Поменяйте названия книг, переставьте пару цитат, зарядите программу Тойнби – и через десять секунд получится Бройяр. Возможно, он обрел истинное призвание в компьютерном программировании, и я надеюсь, что это утешит его теперь, когда он оказался не у дел.

1 Филип Тойнби (1916–1981) – английский писатель и журналист, литературный критик газеты «Обсервер».

## ЛЕГКОЕ ЧТЕНИЕ

311

Одри всегда читал в космосе. Большинство членов экипажа этого не делали, «предпочитая плескаться в собственных снах, как довольные аллигаторы», – подумал Одри, и холодок снисходительности тронул его черты. Сам он предпочитал подпитывать свои фантазии тщательно отобранным материалом, и его подборки всегда были несколько странными. Для путешествия на Ба'Дан он приготовил следующие книги: «Изгнанник островов» Джозефа Конрада, «Ярость» Генри Каттнера<sup>1</sup>, «Смелый и жестокий» Дентона Уэлча, кое-какие из его собственных язвительно-лихорадочных заметок (он относился к ним как к очень острым приправам, с которыми главное – не переборщить), «Брак-варвар» Джона Джейкса<sup>2</sup>, «Анабасис» Сен-Жон Перса<sup>3</sup>, Геродот – врун первокласс-

1 Генри Каттнер (1915–1958) – американский писатель-фантаст, автор многочисленных рассказов и романов, которые создавал в соавторстве с женой Кэтрин Мур.

2 Джон Джейкс (р. 1932) – американский писатель, автор популярных научно-фантастических и исторических романов. Серия о Браке-варваре включает в себя пять книг, опубликованных между 1968 и 1980 гг. Берроуз имеет в виду первый роман серии.

3 Сен-Жон Перс (Алексис Леже, 1887–1975) – французский поэт и дипломат, лауреат Нобелевской премии по литературе (1960). Его поэма «Анабасис» (1924) вышла по-английски в переводе Т. С. Элиота.

ный, «Стрелка» Глендона Суортаута<sup>1</sup> и – о, да! – одна дорожка из «Кровохлебки» Алана Фостера<sup>2</sup>, которая сродни густому мускусному послевкусию, проходящему по разделу мерзостей, и препарат «Кромка», изъятый из «Высокой судьбы» Дэна Моргана<sup>3</sup>.

312

Подборка выдает определенный метод. «Изгнанник островов»: белые тени разыгрывают шарады разврата и разложения, как множество черно-белых комиксов на фоне мрачного задника с сонными реками, болотами, джунглями и небом, с бутафорскими громом, тучами и дождем, который начинает послушно хлюпать по команде суфлера. Из этой книги получился бы замечательный фильм. Виллемс, способный и честолюбивый чиновник, попадает в западню – старую, как Ева, и смертельную, как Цирцея. Вынужденный тягостно бездействовать из-за неприязни Олмайера, который опасается его влияния на капитана Лингарда, Виллемс впервые в жизни встречает женщину. В свои тридцать лет он был вполне доволен дурнушкой-женой, а заботы о карьере и зарплатке почти не оставляли ему времени на раздумья о сексе.

– Сказано, что белые дурни – такие же рабы своих страстей, как мы – рабы их пушек, денег, машин и законов, – говорит Бабалатчи, старый одноглазый малаец – велеречивый зануда, едва ли не хуже

1 Глендон Суортаут (1918–1992) – плодовитый американский писатель, многие из романов которого получили известность после выхода их удачных экранизаций. Упомянутый Берроузом роман был опубликован в 1975 г., а уже в 1976-м вышел одноименный фильм Дона Сигела с Джоном Уэйном и Лорен Бэколл в главных ролях.

2 «Кровохlebка» (1973) – роман американского писателя-фантаста Алана Дина Фостера (р. 1946) о наркотике, вызывающем мучительную смерть.

3 Дэн Морган (р. 1925) – английский писатель фантаст. Роман «Высокая судьба» опубликован в 1975 г.

самого Олмайера; а у того все мыслительные процессы настолько монотонны и бесцветны, настолько тяжеловесны и эгоистичны, что порой ему удается достичь единства с объектом своей мысли – состояния, весьма похожего на отрешенность мудреца: река, погода, ненависть, которую он питает к Виллемсу, и попытки обезопасить свое положение парят в его голове сами по себе, передвигаясь исключительно по собственной воле, а он взирает на них издалека, как незаинтересованный наблюдатель.

– На левом берегу очень нездоровый климат, – говорит Олмайер, – странно, что одной только шириной своей река... – Он не закончил, погружившись в глубокую задумчивость; казалось, эта преисполненная горечи медитация об антисанитарных условиях, царящих в девственных лесах левого берега, заставила его забыть все свои печали... Врезками пустить изображения джунглей, реки и неба, выполненные в стиле импрессионистской живописи XIX века, и закончить все картинами, относящимися к жизни парижского Левого берега – например, *Le Buveur d'absinthe*<sup>1</sup>.

Олмайер ненавидит реку и джунгли, но, тем не менее, воспринимает их куда более непосредственно, чем Бабалатчи, чье восприятие сковано ритуалом. Здесь Олмайер сам занимает его место – становится мастером глубокой медитации: «Руки его свисали по сторонам кресла, а сам он сидел неподвижно, собрав все силы мысли глубоко внутри себя, в такой сосредоточенной и всепоглощающей медитации, что его лицо утратило всякую выразительность и зияло пустотой. Лампа на дальнем конце стола отбрасывала на пол полукруг света – как раз там, где из-под стола высывались его вытянутые ноги с пальцами

1 «Любитель абсента» (*фр.*) – картина Эдуара Мане (1856)

напряженными и загнутыми, как у трупа. Его неподвижное лицо с застывшими глазами тоже могло бы принадлежать трупу, если бы не этот отсутствующий, но в то же время задумчивый вид – тяжелый, тупой, каменный вид живого еще человека, погребенного под пылью, прахом и гнилью собственных мыслей, низменных страхов и эгоистических желаний. Али посмотрел на него и спросил равнодушно:

– Хозяин, вы закончили?»

314

Олмайер в свете лампы на обеденном столе, Али убирает посуду. Возможно, к этому тоже можно подобрать картину XIX века – быть может, Делакруа, а стул и свет – Ван Гога.

Капитан Лингард, Повелитель Морей – это Папаша Военторг из комиксов, правит строго, но справедливо. Он знает своих малайцев и знает, что малайцы и арабы – всего лишь стилизованные записи. Они были здесь до того, как пришел белый человек. Как река и лес, они останутся здесь, когда белые люди уйдут.

Да, Бабалатчи знает этих белых людей. «Али, тут ничего не попишешь: что все белые – дураки».

Старт. Каждый в своей койке. Космический корабль больше напоминает подлодку: повсюду тянутся ряды коек и ящичков, все очень функционально. В обложки книг Одри впечатана металлическая стружка, и от них пахнет озоном. Полка над его кроватью намагничена, чтобы книги, принадлежности и разное оборудование лежали на месте, а не плавали повсюду.

Во вневременной тиши космоса каждая мысль, чувство и восприятие немедленно переводятся в понятия пространства. Из слов выскакивают картинки, вкусы, запахи. Одри кажется, что он сам участвует в сценах, встающих со страниц пред его взором, но в то же время он осознает, что они нереальны и далеки. Это как быть актером и смотреть на сцену в телескоп.

Все очень ясно, резко и далеко: «Человек, предположивший, что Виллемс – измученный жизнью европеец, которого не любят и которому не доверяют, что он живет исключительно благодаря вынужденной терпимости людей из этой глухомани в верховьях угрюмой реки, куда заходит только наш корабль – единственное судно белых... Ввалившиеся чисто выбритые щеки, густые седые усы, глаза без всякого выражения – при свете дня он безмолвно передвигался меж домами, бессловесный, как животное. Его окутывал дух ненужной таинственности – не то чтобы темный, но довольно-таки неприглядный». Очень напоминает умирающего от лихорадки: измученное смертельными вспышками лихорадочного бреда, твердое пустое тело, уже покинутое душой.

Одри перелистывает свои лихорадочные заметки. Лихорадка так или иначе настигала всех членов экипажа – как малярия в тропиках, одна из опасностей космических путешествий. Рано или поздно человек либо примирялся с ней и приучался с ней жить, либо она его разрушала.

В «Ярости» Каттнера – никчемное название, думал Одри, неудивительно, что ее больше не переиздают, – смертельный соблазн принимает форму организма, который при непосредственном нервном контакте вступает в убийственный симбиоз, от которого за несколько лет неизбежно приходит смерть. «Приверженцы Счастливого Манто выдерживали не больше двух лет. Эта штука была биологической адаптацией организма, найденного в морях Венеры. Она овладела жертвой, касаясь ее. После установления нервного контакта жертва полностью удовлетворялась собственным поглощением. Это был прекрасный покров, живой белок, мерцающий и переливающийся, как жемчуг, и начинавший бурлить и рябить, страшно и экзотически, при установлении убийственного симбиоза».

В «Кровохлебке» рассказывается о наркотике, вызывающем настолько сильное привыкание, что отказ от него приводит к мучительной смерти. «Умеренные дозы вызывают “огненный припадок” – сильное жжение, усиливающее общее удовольствие от наркотика».

Конечно, с этим можно смириться и довольно легко все это принять. Можно даже написать вдохновенную статью для «Дайджеста»: «Как я обратил свою лихорадку в прибыльный бизнес», разводя у себя в подвальном аквариуме Счастливые Манто небольшого размера. Рыбка почище пираньи – дорогая, смотри, как светится в темноте.

Он обращается к рассказу «Сарай» из сборника Дентона Уэлча «Смелый и жестокий». Очаровательно и невинно. Мальчик приспускает брюки и цепляется подбородком за балку: «Я повис подбородком на изъеденной жучками дубовой балке. Чувствовалось, как медленно и нежно сползают брюки. Мягко скользнули по бедрам и с легким шлепком опустились на лодыжки. Я все еще висел на подбородке, удерживая вес тела онемевшими руками. Потянуло легким ветерком, и я почувствовал, как он нежно обволакивает мою наготу. Вот я преступник, ноги которого связали, тело обнажил палач, и со всей страстью разыгрываю преступника на виселице, пока дождь колотит в двери сарая и капает сквозь крышу».

Одри представил себе голого рыжеволосого мальчика, затерянного где-то в прошлом с мурашками наслаждения и жгучими складками костюма, купленного ко дню рождения.

– Пойдем, Одри! – раздевают догола до самых ступней до дрожащих пальцев ног сильное жжение в промежности затхлый заброшенный сарай августовская жара осенние листья хрустят у него под яйцами очень давно глупенький куда ты пойдешь?

Из «Брака-варвара»: «Вонь потрохов и кухонных отбросов, сладко шипящее смолистое дерево, странные снадобья и благовония, узкие улочки, все еще смердящие в хрустком морозном воздухе. На узкой улице его остановил нищий:

- Только одну дишну, Иноземец.
- Уйди с дороги.

Попрошайка огляделся по сторонам, ища поддержки. Все магазины в узком переулке закрыты. Вокруг ни души. Чуть впереди – там, где улица переходила в залитую помоями лестницу, ведущую наверх примерно на высоту в полдома, на верхних уровнях можно было заметить кутил. Они носились туда-сюда по площади в морозном голубом свете факелов на стенах». Эти приключенческие истории в духе «Багдадского вора» пробуждают в Одри старые фантазии об опасностях, подстерегающих человека в дальних странах. Немного бутафорское и истершееся на швах небо здесь – тонкое, как бумага. Это спасение от лихорадки, побег из истерзанного болезнью тела в мир волшебства и приключений.

А вот и «Стрелок» после перестрелки: «Ноздри ему кусал дым, на языке – привкус смерти, опасность миновала, и выступил пот, и вдруг навалилось ничто, сладкое чистое чувство – он родился заново». Одри показалось, что он будто бы держит сделанный на заказ револьвер 44-го калибра, видит короткий никелированный ствол без прицела, перламутровую рукоять, переливающуюся как счастливое мантио, чувствует плавное, легкое двойное действие, смертельную точность пуль, что укладываются в кружок диаметром два дюйма с двадцати ярдов, и к нему приходит сладкое чистое чувство – он родился заново без всякой памяти о прошлом.

В этом захламленном квартале пустырей и мусорных куч грустный, как мартышкина смерть, ребенок предложил нам свои рисунки беличьей охоты (общий

интерес к несколько опасным развлечениям... выдадут разрешение на огнестрельное оружие... я не верю в чудеса). Я отправлюсь с дикими гусями, вдыхая тошнотворный запах утра.

«Нищий побежал к лестнице с воплями:

– Эй, метатели! Чужак в Цукатном переулке!

318 В клубящейся тьме пронеслись мимо несколько мелких гибких фигур. Еще дюжина или больше грязных парней хрипела и визжала, летя вниз по лестнице. Парни встали в круг совсем неподалеку – грязные отошавшие бродяги с заостренными волчьими зубами – от них несло зверьем. На месте глазниц у каждого было по два серебряных диска, вставленных между бровью и скулой. Кончики пальцев, острые, как иголки, тоже были сделаны из этих серебристых кристаллов. Вперед выступил парень чуть выше прочих – в драных коротких штанах из звериных шкур. В его слепых серебристых дисках мигнули отражения дымящих голубых факелов. Он подпрыгнул и отвесил издевательский поклон».

Одри решил, что Метатели – как и Счастливое Манто – изобретение вполне достойное.

Он вернулся к «Изгнаннику островов» и великолепному описанию порочного влечения Виллемса к Аиссе: «Под ее взглядом искра разума исчезла с лица Виллемса – его черты являли нынче лишь физическое довольство и чувственный восторг, о страшной силе которого говорила потрясающая гримаса идиотического блаженства. Он прошептал: „Вот так бы я хотел умереть, прямо сейчас“. Этот шепот смертельного счастья, столь искренний, столь непосредственный, идущий прямо из сердца, как и всякая извращенность... То был голос безумия, счастья столь постыдного и малодушного, но и столь утонченного, что растленный разум не берется рассматривать ни его прекращение, ни его цену. Его мысли были столь далеки от ее понимания, что

пролетали незамеченными, – как дуновение ветра, как облачко».

Причина падения Виллемса – в его собственных белых сердце и душе. В отличие от жертв Цирцеи, его не поработила могущественная злая воля. Он стал рабом собственной страсти, Аиссе же достается роль, которую она не понимает и не желает играть. Это сам Виллемс несет в себе мрак северных мифов, Любовь-Смерть, Землю-Мать, которая вешает своего нагого супруга на праздник весны, Белую Богиню, пожирающую своего самца, Цирцею, превращающую мужчин в свиней. Да и не осознает он этого, ибо одновременно крайне простодушен и очень низко пал. Он не знает, что сам он – колченогий Пан, встретивший у ручья безумную Аиссу, и точно так же Олмайер не думает о Цирcee, когда заставляет свою дочурку кричать вслед Виллемсу:

– Свинья, свинья, свинья.

Одри закрыл глаза, и история Виллемса, Аиссы, Олмайера и Лингарда развернулась сама собой: небо, река и джунгли – все в ярких красках, белые тусклые тени на зернистой старой пленке.

«Сверкнули заостренные зубы Метателей. Другие переминались с одной грязной ноги на другую, шипя сквозь зубы. Они приближались, замыкая полукруг, и серебристые диски их глаз отвечивали странным светом». Будто электрический разряд пробежал по телу Одри и выступил красной сыпью, перерастающей в огромные красные пятна, с дрожью и жжением, теперь и у Джимми лихорадка. Шелест сладкого молодого дыхания, перелив чистого смеха в колышущейся траве, от которого осязается слабый аромат цветов и резкая вонь тленья. Эфир головокружение засасывающий водоворот черной воронки. Тьма во-рвалась с запахом серы.

«Взметнулись вверх руки Метателей. Свет, источаемый их заостренными серебряными пальцами,

просвистел в воздухе. Расплавленные капельки впились ему в кожу, и каждое касание несло изысканную муку. Он рвал и метал, рассекая мечом бурю взрывающихся искр, что рвались из игольчатых пальцев Метателей. За всполохами взрывов он с трудом различал блеск серебряных дисков. Придя в себя, он понял, что привязан ремнями к вонючей шкуре снежного верблюда. Рядом бежали Метатели. Они щебетали и чирикали, а задранные вверх огромные диски глаз ловили отсветы потерянных скорбных звезд».

Неясное видение человека, что удаляется от него, теряется в долгой перспективе деревьев, становится все меньше, но не исчезает из виду. «Есть что-то знакомое в этой фигуре, – думал Виллемс, – она похожа на что-то давно прошедшее... Да это же я сам! И ухожу! Куда?»»